

Жизнь замечательных людей

ЕЩЕЛОВСКИЙ

Марко Поло

Жизнь замечательных людей

Серия биографий под редакцией
М. Горького, А. Тихонова, И. Генкина,
Б. Волина, Г. Кржижановского и Л. Мартенса

В. Шкловский

Марко Поло

Введение, комментарии и редакция К. И. Кунина

А. И. Кунина

3 / 175 / выпуск

Библиотека № 175

26.8

Журнал ИССЛЕДОВАНИЙ
автора на дереве А. А. СОЛОВЕЙЧИКА
редактор А. М. ИГЛИЦКИЙ

43 | ОМСКАЯ
Ц Б им. Ленина

Издатель Жургазоб'единение
Уполномоченный Главлита Б—18970
Тираж 50.000. Зак. тип. 892. Изд. № 52
Сдано в набор 2.I 1936 г.
Подписано к печати 15.II 1936 г.
Формат бумаги 72 × 108/32
5/8 бум. листа. 104.448 зн. в печ. л.
Типография и цинкография
Жургазоб'единения, Москва, 1-й Самотечный, 17

16070/1

Введение

Еще в греческую и римскую эпоху народы, населявшие бассейн Желтой реки и побережье Средиземного моря и Ближний Восток, не только знали о существовании друг друга, но вели довольно значительную по тем временам торговлю.

Эта связь не всегда была в одинаковой степени интенсивной. Были столетия, когда между Китаем и Средиземноморьем происходили оживленные сношения. По караванным путям, через пустыни, плоскогорья и ущелья, вдоль каменистых долин горных рек, по плодородным, прекрасно орошенным и обработанным оазисам шли тяжело навьюченные пыльные верблюды и скрипели неуклюжие, прочные повозки купцов и посланников. По дальним неведомым морям пробирались корабли искателей приключений, с удивительной легкостью превращавшихся из торговцев в пиратов или полусамозванных дипломатов и опять, если надо, в торговцев.

Тогда торговые пути наполнялись товарами, по ним перевозились шелковые ткани, меха, драгоценности, оружие, пряности. В узлах караванных путей, у переправ через реки, в удобных для причала гаванях возникали богатые города с пестрым, многоязыч-

ным населением, с полутемными, прохладными торговыми рядами, шумными караван-сараями и пышными храмами многочисленных богов.

Но бывали и такие периоды, когда между Дальним Востоком и Западной Азией вставало средостение, на узловых местах возникали государства-перекупщики, ревниво оберегавшие свои посреднические прибыли и не допускавшие купцов из Китая и Средиземноморья к непосредственному общению; кочевники перекусывали тоненькие нити торговых путей, или происходили социальные потрясения, подобные тем, которые разрушили античное рабовладельческое общество.

Омертвление было уделом торговых путей в такое время. По обрубкам караванных путей лишь изредка проходил караван. Затихали и разрушались шумные караван-сарай, пески пустынь засыпали покинутые развалины богатых городов, на месте заброшенных портов возникали тихие рыбацкие деревушки.

Редко, редко в китайской летописи или в византийской хронике промелькнет исковерканное, перенятое у народа-посредника название далекой полузабытой страны и попадетя неясная запись о каком-нибудь смельчаке, что, преодолевая труды и опасности, проходил полузабытым путем. Но времена менялись, обновлялись заброшенные великие пути, купцы раскладывали вечерний костер около развалин древнего караван-сарая, и пришедшее из дальних стран судно бросало якорь в занесенной песком бухте.

Очень рано писатели эллинистического и римского мира начинают упоминать о серах — далеком народе, живущем где-то за Среднеазиатскими пустынями и производящем драгоценный шелк желт древних римлян. Географ Страбон пишет в своей Географии,

что впервые услышал о серах Неарх, полководец Александра Великого, совершивший в IV веке до н. э. плавание из Персидского залива к устью Инда. Александрийские ученые в I—II веках н. э. уже неоднократно упоминают о торговле с серами.

Во времена Птолемея и позднее, когда Египет стал римской провинцией, египетские купцы вели оживленнейшую торговлю с Средиземноморскими странами, Нубией и другими африканскими землями, Красноморским бассейном, Персидским заливом, Индией и Цейлоном.

На побережье Красного моря возник ряд торговых пунктов, откуда египетские моряки совершали плавание по Индийскому океану. В середине лета из этих гаваней отплывал большой египетский флот, состоявший обычно из сотни с лишним кораблей. Пользуясь попутным летним ветром, египтяне пересекали океан и, поторговав в Индии, возвращались в декабре-январе, используя дующий в обратном направлении зимний ветер. Не довольствуясь торговлей с Индией, египетские моряки пробирались в Индо-Китай, на Зондские острова. От них узнали александрийские географы I века н. э. о том, что далеко за теплыми морями, за Индией существует богатая и обширная страна синов.

Так и существовали в свитках александрийской библиотеки бок-о-бок друг с другом два народа — серы, от которых римляне через пустыни Средней Азии получали серикум — шелк — и сины, в чью страну можно было пробраться после длительного плавания по Индийскому океану. И в течение многих веков народы Средиземноморского бассейна не знали, что серы и сины — это один и тот же народ, тот народ, который мы ныне зовем китайцами. . «Сухо-

путное» прозвание китайцев «серы», возможно, имеет общее происхождение с словом «серикум» — шелк. Ныне слово «шелк» произносится в Китае «сы», но в ту эпоху произносилось, вероятно, «сир» или «сирк». «Морское» слово «син» несомненно происходит от названия царствовавшей в Китае с 255 по 206 год до н. э. династии Цинь. В это время на Западе слышали о Китае, и от названия этой династии происходит наименование Китая в романских и германских языках, в украинском языке и у индусов.

Римские авторы неоднократно упоминают о «серах» — китайцах. Плиний Старший, погибший в 79 году н. э., во время знаменитого извержения Везувия, уничтожившего Помпею и Геркуланум, пишет, что серы «знамениты волокном из их лесов. Они отделяют белый пух листьев своих лесов и поливают его водой, потом их женщины совершают двойную работу по перематыванию и тканью, и благодаря этому столь сложному и производящемуся в столь отдаленной стране процессу наши матроны могут появляться в обществе, одетые в прозрачные ткани».

Дионисий Пиергет в начале II века н. э. описывал производство шелка так же, как и Плиний Старший. Но уже в конце II века н. э. Павсаний совершенно правильно рассказывает о роли шелковичного червя.

Серы вошли даже в классическую поэзию.

Римские поэты Вергилий и Гораций упоминают о серах, но у Горация серы не имеют индивидуальной окраски, хотя бы такой, как у Вергилия. Серы Горация — это просто непонятное название неведомого народа, полюбившееся за свою экзотичность.

Как и следовало ожидать, в Римской империи про такие дальние страны, как Китай, рассказывали множество небылиц: что якобы серы живут до 200 лет,

что серы совершенно чужды войне и употреблению оружия и т. д.

Во II—III веках н. э. торговля Римской империи, и в особенности Египта и Сирии, с Китаем приняла значительные размеры.

Плиний Старший свидетельствует, что в его время Римская империя ввозила из Китая шелковые ткани, железные изделия, ценные меха. С другой стороны, китайские летописи говорят, что со Средиземноморского побережья китайцы получали стеклянные изделия, краски (в частности, финикийский пурпур), льняные и шерстяные ткани, драгоценные металлы, драгоценные камни и олово.

В III—IV веках н. э. ношение шелковых одежд получило в Римской империи широкое распространение. Авторы того времени пишут, что употребление шелка «прежде оставалось привилегией благородных, а ныне шелк носят и самые простые».

Широкое распространение моды на шелковые ткани повело к огромному отливу золота, уплачиваемого Китаю за шелк, и немудрено, что очень многие римские императоры специальными декретами пытались, правда безуспешно, ограничить ношение шелковых тканей.

Торговые пути из Римской империи в Китай проходили через Месопотамию и Персию на Бактры (нынешний Балх) и Кашгар, где и происходили обычно встречи с китайцами. Как мы увидим ниже, этим путем, древним путем шелка, проходил и венецианец Марко Поло. Основная масса товаров провозилась караванным путем, ибо морской путь был слабо освоен. Кроме того, китайцы в ту эпоху еще только начали закрепляться на побережье нынешнего Южного Китая.

Римским торговцам зачастую приходилось покупать китайские товары у посредников, индусов, по морскому пути и бактрийцев, согдийцев и парфян в Центральной Азии. Эти посредники не только неимоверно вздували цены на китайские товары, но иногда полностью приостанавливали торговлю. Цена китайских товаров, продававшихся в Риме, в сто раз превышала их цену на месте производства.

Во второй половине III века, когда персы закрыли римским купцам доступ на Восток, фунт золота и фунт шелка были в Риме в одной цене.

Образование Парфянской монархии, а затем в III веке Персидской державы, проводившей активную антиримскую политику, сразу сказалось на торговле с Китаем. Кроме того, огромную роль в падении торговли с Китаем играли и те социальные потрясения, которые сокрушили античное рабовладельческое общество.

В течение многих столетий китайцы вели напряженную борьбу с кочевыми народами, населявшими степи и пустыни, граничащие с Китаем на севере. Эти племена с V века до н. э. китайцы называли хунну, или сюнну. Это были предки тех гуннов, что в V веке н. э. наводили ужас на всю Европу. Во II веке до н. э. китайские военачальники, озабоченные поисками союзников против наседавших хуннов, узнали, что незадолго до того хунны разгромили народ юэчжи и что остатки этого народа бежали куда-то на запад. В 138 году до н. э. китайский император Уди послал своего чиновника Чжан-Цяня на поиски народа юэчжи. Чжан-Цянь должен был найти беглецов и уговорить их переселиться в подвластные Китаю пограничные с хуннами земли, чтобы использовать их в дальнейшем как заслон против степных за-

воевателей. Чжан-Цяню вначале не повезло, его посольство было захвачено хуннами в плен, и китайский посол принужден был прожить у хуннов десять лет. Но, найдя способ бежать, он направился дальше. Чжан-Цянь нашел поселения юэчжи в районе нынешних Ферганы и Бухары. Изгнанники и не помышляли о возврате на родину, и в этом отношении посольство Чжан-Цяня было неудачным. Но оно привело к совершенно неожиданным результатам. Возвратившись в 126 г. до н. э. в тогдашнюю столицу Китая — Чан-ань, Чжан-Цянь сообщил, что за степями и пустынями, населенными редкими кочевыми племенами, он нашел богатые, культурные страны Средней Азии с многочисленными городами, прекрасно поставленным земледелием и оживленной торговлей. Это было подлинное открытие «Западного края». «Открытие Западного края, — пишет знаменитый китаевед Иакинф Бичурин, — есть происшествие не менее важное в истории Китая, как и открытие Америки в истории Европы».

Вскоре китайцам удалось нанести хуннам сильное поражение, и в начале II и конце I века до н. э. китайский генерал Бань-Чжао завоевал нынешний Восточный Туркестан и Памир и доходил со своими войсками до берегов Каспийского моря. Эти походы не только должны были избавить китайцев от набегов кочевников, но пробить путь китайскому шелку на запад. Они дали китайцам возможность ближе познакомиться с открытым Чжан-Цянем Западным краем.

Чтобы обезопасить торговые сношения с Западом, китайцы в это время продлили Великую стену далее на запад, частично в виде огромного вала со сторожевыми башнями. Таким образом, Великая китайская стена, традиционный символ замкнутости, на

самом деле играла роль заслона, облегчавшего Китаю сношения с Западным краем. Под защитой этой стены и проходил важнейший на всем Востоке караванный путь, и когда торговля с Западом пришла в упадок,— был заброшен весь западный участок стены и вала.

Посланный в 98 году до н. э. генералом Бань-Чжао разведчик Гань-Ин пересек Иран, занятый тогда Парфянским государством, и здесь узнал о существовании далеко на западе могущественнейшего Римского государства (Да-Цинь по-китайски). Но парфяне воспрепятствовали попыткам Гань-Ина пробраться в Римскую империю морем через Персидский залив. Вскоре, однако, китайцам удалось собрать довольно подробные сведения о Римской империи, хотя и здесь, как и в тех сведениях, что собрали о Китае ученые Средиземноморских стран, правда оказалась основательно смешанной с вымыслом. Сколько-нибудь достоверные сведения китайцы имели лишь о римских владениях в Азии, и столицей Да-Циня-Рима считали город Ань-ду — Антиохию.

Китайцы знали и о существовании морского пути в Средиземноморские страны. Так, китайские летописцы указывают, что в 120 году н. э. один из бирманских государей прислал к китайскому двору музыкантов и жонглеров из Да-Циня-Рима. В 164 году н. э. китайским ученым был «передан на рассмотрение» трактат об астрологии, привезенный из Рима.

Наконец, в 166 году н. э. летописец сообщает: «Государь Да-Циня Аньдун отправил в Китай посла, который прибыл в Жи-нань (нынешний Тонкин), чтобы предложить китайскому государю слоновую кость, рога носорога, черепаховые щиты. Этим самым впервые были установлены непосредственные сношения между обеими странами. То, что этот че-

ловец привез в качестве дани, не было ни ценным, ни редким, кроме того, имеется подозрение, что то, что он рассказал о Да-Цине, — преувеличено».

Мы можем кое-что добавить к китайскому летописцу. В 166 году цезарем в Риме был Марк Аврелий из династии Антонинов — Аньдун китайских летописей. Таким образом, сам факт приезда в Китай судна из Римской империи не поддается сомнению. Однако в римских источниках нет никаких сведений о посольстве Марка Аврелия в Китай. С другой стороны, те «не ценные и не редкие товары», которые привезли с собой «послы», несомненно не римского, а индийского происхождения.

Итак, «послы от Аньдуна» были просто египетскими или сирийскими купцами, нагрузившими свой корабль индийскими товарами и по воле ветров и течений попавшими в Китай, где им пришлось разыгрывать роль «римских послов».

В 226 году н. э. в Китай прибыл, тоже через Индо-Китай, еще один торговец из Рима — сирийский купец Цинь-Лун, как его имя записали в Китае.

Итак, Римский мир и Китай в течение ряда веков вели между собой довольно оживленную торговлю, особенно сухим путем. Но начиная с III—IV века торговые сношения все более затрудняются, все реже купцы из Римской империи организуют караваны или флотилии на Восток. Основной причиной полного прекращения торговли Рима с Китаем было восстание рабов и нашествие варваров, которые опрокинули античное рабовладельческое общество.

В эпоху замкнутого натурального хозяйства потребности населения, даже его высших слоев, были

очень ограничены и почти полностью удовлетворялись продукцией собственного хозяйства. Торговля имела в экономике феодальной Европы второстепенное значение. Естественно, что бедная, варварская феодальная Европа не могла играть сколько-нибудь существенной роли как рынок сбыта дальневосточных товаров. Сама торговля с Дальним Востоком была в это время очень затруднена, ибо в Средней Азии ей препятствовали сменявшие друг друга парфяне, персы, а начиная с VII века н. э. — арабы. Кроме того, тот сильно сократившийся спрос на шелковые ткани, который представляли феодальная верхушка и духовенство в Западной Европе и Византии, начиная с V—VI века удовлетворяется Византией, где в это время распространилась культура тутового дерева и были созданы правительственные шелкоткацкие мастерские.

Большую роль в ослаблении связей с Дальним Востоком сыграл также культурный упадок, сопровождавший процесс феодализации Европы. Древние рукописи или сжигались ревностными поборниками христианства, как это случилось с большей частью знаменитой Александрийской библиотеки, или полуграмотный монах-переписчик соскабливал с пергамента текст Горация и Плиния Старшего и вписывал «отче наш» и «богородица, дево, радуйся». Старые географические знания были забыты. Наваянные библией рассуждения о «Иерусалиме — пупе земли», о «входе в ад», о «четырех райских реках», о «Гоге и Магоге», обрывки эпоса Александра Великого или полуфантастические описания хождений к святым местам заменили географические познания древних. Память о дальних странах и великих торговых путях выветривалась.

Лишь со стороны Византии, где процесс феодали-

зации принимал своеобразные формы и где духовное оскудение достигло не таких размеров, как на Западе, изредка делались попытки вновь восстановить порванные связи. Так, в первой половине VI века византиец Константин Александрийский (Косьма Индикоплов) странствовал по Аравии, Эфиопии, Индии и Цейлону. В своей книге «Христианская топография», основной задачей которой он считал, между прочим, опровержение Птолемеевского учения о шаровидности земли и утверждение, что земля имеет форму ноёва ковчега, Константин Александрийский даёт подробное описание виденных им стран и упоминает о стране Чиница (исковерканное персидское слово «Чинистан» — страна чинов — Китай). В 568 году н. э. византийский посол Земарх получил у турок, населявших район Тянь-Шаня, сведения о стране Таугаст (по-старо-турски Тобгач — Китай).

В то время как вследствие феодализации Западной Европы сокращались торговые обороты с дальними странами и забывались великие пути, Китай продолжал вести оживленные торговые сношения со Средней Азией и Индией.

Китайские генералы и китайские дипломаты неоднократно вмешивались в дела среднеазиатских государств, а китайские летописцы записывали не только крупные события Средней и отчасти Западной Азии, но отмечали даже переименование городов, рассказывали об обычаях среднеазиатских народов и диковинах, собранных во дворцах среднеазиатских властителей. С IV века н. э. в Китае начал быстро распространяться буддизм и потянулись бесчисленные паломничества китайцев к буддийским «святым» местам.

Так, в начале V века н. э. буддийский монах Фа-Сянь направился из тогдашней столицы Китая Чан-аня через нынешнюю провинцию Ганьсу в Западный Китай и через нынешний Афганистан пробрался в Индию, посетил буддийские святыни и морем возвратился домой. Другой паломник, Сюань-Цзан, прошел в первой половине VII века из Китая к предгорьям Тянь-Шаня и далее на Ташкент, Самарканд, Афганистан — в Индию. Сюань-Цзан вернулся назад сухим путем через Памир и Кашгар. В конце VII века монах И-Цзин совершил плавание в Индию морским путем.

Во время арабского завоевания Персии и Средней Азии Китай пытался вмешаться в борьбу между арабами и персами и, используя крушение Персидской империи, захватить часть Средней Азии. Это повело в VIII веке даже к вооруженному столкновению китайцев с арабами.

Арабские, персидские и среднеазиатские купцы очень скоро стали играть большую роль в торговле с Китаем, проникая туда морским путем или через сухопутную границу из Средней Азии. В торговых городах Китая по морскому побережью и вдоль караванных путей образовались целые мусульманские кварталы.

Арабские и персидские путешественники и географы оставили подробные описания как путей, ведущих в Китай, так и самого Китая.

До сих пор труды мусульманских путешественников, историков и географов являются первоклассными источниками для изучения китайской истории.

Особенно значительная колония мусульман существовала в Китае во время монгольского владычества, и Марко Поло в своей книге непрерывно упоминает

о мусульманах — врачах, воинах, администраторах и ученых, которых он встречал в завоеванном монголами Китае.

Новой эпохой в развитии торговых сношений Европы с Востоком, и в частности Китаем, явились так называемые «крестовые походы», когда западно-европейские феодалы устремились на Восток — в Сирию, Палестину, Египет, Византию — в поисках новых феодальных владений и в надежде пограбить богатые арабские и византийские земли.

Во время крестовых походов феодалы и купцы Западной Европы впервые познакомились с Востоком, который тогда по уровню материальной и духовной культуры стоял много выше Западной Европы. Знакомство с Востоком значительно расширило ассортимент товаров, которыми торговали в Европе. С Востока получались пряности, перец, мускат, корица и гвоздика, столь необходимые в феодальной Европе, где не умели хорошо сохранять продукты и их приходилось обильно сдабривать пряностями, чтобы отбить запах. Оттуда ввозились благовония — мирра, алоэ, бальзам, ладан; краски — шафран, бразильское дерево, квасцы; тростниковый сахар, абрикосы, изюм; дорогие шелковые и хлопчатобумажные ткани и ковры. Для жителей нищей, бедной и грубой Европы Восток казался сказочно прекрасным и богатым. За яркостью, пестротой, изобилием, которые увидели европейские феодалы в захваченных ими дворцах восточных властителей, они не видели подлинной жизни Востока — нищеты, скудости, голода.

В это время и создалась легенда о сокровищах и роскоши Востока.

«Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь. Эта поговорка, вероятно, родилась во время крестовых походов, когда бедные рыцари, оставя голые стены и дубовые стулья своих замков, увидели в первый раз красные диваны, пестрые ковры и кинжалы с цветными камушками на рукояти. Ныне можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство и проч., но роскошь, конечно, принадлежность Европы». (Пушкин, «Путешествие в Арзрум»). Этим преклонением перед Востоком полон и Марко Поло.

Вместе с восточными товарами и восточными рабами просачивались восточные, арабские, греческие, сирийские слова.

Итальянские и французские феодалы и купцы, долго жившие на Востоке, очень отличались от своих родичей в Западной Европе; на их одежде, привычках, языке, понятиях сказывалось сильное влияние Востока.

Несомненно, что вся семья Поло, еще до путешествия на Восток жившая в Константинополе и Крыму, была в известной степени «ориентализирована».

В эпоху крестовых походов в исключительной степени усилилась мощь италийских торговых городов и прежде всего Венеции, Генуи и Пизы. Энергично помогая крестоносцам, снабжая их судами, оружием и снаряжением, италийские города с лихвой вознаграждали себя долей в добыче и теми привилегиями и территориальными уступками, которые они получали в завоеванных крестоносцами странах.

Достаточно сказать, что после первых трех крестовых походов генуэзцы завладели частью завоеванных крестоносцами Иерусалима, Антиохии и Ладикеи, третьей частью Арзуфа, Бейрута и Цесареи и

одного из крупнейших городов Леванта — Акки. Впоследствии генуэзцы захватили город Фамагусту на острове Кипре, Триполис в Сирии, ряд греческих островов (Хиос, Самос и др.) и основали в Крыму город Кафу, быстро сосредоточивший у себя львиную долю торговли с Крымом, степной полосой и дальними Персией и Средней Азией.

Конкуренты генуэзцев, венецианцы, в результате первых трех крестовых походов овладели сирийскими портами Сидоном и Тиром. Очень рано между итальяскими городами возникла длительная конкуренция, скоро переросшая в кровавую войну за владычество на море, за торговые пути на Восток, за фактории в странах Леванта. Первой жертвой этой борьбы сделался город Амальфи. Амальфи — один из первых городов Западной Европы, который начал регулярную морскую торговлю с Востоком, но уже в первой трети XII века конкуренты Амальфи, пизанцы, захватили и разграбили город и уничтожили его торговый флот. В свою очередь Пиза после разгрома ее флота генуэзцами в битве при Мелории в 1284 году испытала участь Амальфи. Генуэзцы захватили в этой битве 33 пизанских корабля и 10 тысяч воинов и матросов. В 1290 году генуэзцы в союзе с Флоренцией разрушили пизанскую гавань и засыпали камнями устье реки Арно.

Своим успехам Генуя в немалой степени была обязана исключительно выгодному географическому положению. Она расположена в наиболее далеко вдающейся на север западной части Средиземного моря и связана с богатыми долинами Роны и Рейна сравнительно короткими альпийскими проходами.

Географическое положение важнейшего конкурента Генуи — Венеции, было также весьма благоприятно. Венеция запряталась в самом дальнем углу Адриатики на островах и могла поэтому не бояться нападения ни с суши, ни с моря. Из Венеции шел прямой путь в Ломбардскую низменность и через Альпы в Швейцарию, Германию и Австрию.

В дальнейшем между Венецией и Генуей идет ожесточенная борьба за владычество над Средиземным морем, за колониальные владения, за богатые фактории — конечные пункты великих торговых путей на Восток. Всюду, в открытом море, в дальних островных владениях, в заморских факториях, в торговых кварталах и на рынках чужих городов, венецианцы и генуэзцы ведут беспощадную борьбу, захватывают, грабят и сжигают корабли и фактории вражеской стороны, убивают, продают в рабство ее граждан. Воюющие стороны не останавливаются ни перед какими средствами в этой борьбе. Иногда она ведется наемными армиями. Иногда она скрывается в борьбе за престол Византии или в спорах и ссорах между собой различных вождей крестоносцев.

В самом начале XIII века на соотношение сил в Средиземном море имел решающее влияние так называемый «четвертый крестовый поход» 1204 года, когда крестоносцы по совету венецианцев и при участии их флота вместо борьбы с мусульманами повернули на Византию, взяли и разграбили Константинополь и основали здесь так называемую Латинскую империю. В завоеванном Константинополе победителям достались огромные богатства. Летописец и участник захвата и разграбления Константинополя Вильгардуэн пишет: «Добыча была так велика, что ее невозможно было сосчитать: золото, серебро и драгоценные камни,

золотые и серебряные сосуды, шелковые одеяния, меха и все, что имеется прекрасного на земле».

Львиную долю добычи получили венецианцы. Прежде всего они, согласно предварительно составленному договору, получили половину всего награбленного. Затем крестоносцы уплатили им огромные суммы в погашение долга за поставленные венецианцами суда, продовольствие и снаряжение. Наконец, венецианцам досталась еще часть добычи, так как они принимали участие и в боевых операциях и имели право на часть той добычи, которая делилась между непосредственными участниками боев.

Но важнее этих несметных сокровищ, дороже доставшегося на их долю золота и серебра были те исключительные привилегии, которые получили венецианцы в основанной крестоносцами Латинской империи. Венецианцы в результате «четвертого крестового похода» захватили важнейшие острова Эгейского моря, берега Мраморного моря, остров Крит, Ионические острова, Далматинское побережье, важнейшие торговые кварталы в Константинополе и других византийских городах. Венецианские фактории появились в Крыму, на берегах Азовского моря.

В общем венецианцы получили три восьмых всей территории, захваченной крестоносцами, и венецианский дож стал титуловаться «господином четверти и одной восьмой Римской империи».

В Латинской империи, и особенно в собственных колониях, венецианцы пытались монополизировать всю торговлю и ростовщичество, непомерно эксплуатируя и всячески притесняя местное население. Недаром один византийский церковник той эпохи сравнивал «прекрасную Венецию» с жабой, морской змеей и лягушкой, а ее граждан с морскими разбойниками.

В 60-х годах XIII века, когда братья Поло начали свое путешествие на Восток, Венеция находилась еще на вершине могущества, но уже тогда генуэзцы готовили контр-удар. Если венецианцы с 1204 года, со времени захвата Константинополя крестоносцами, связали судьбу своих восточных владений с основанной крестоносцами на востоке Латинской империей, то генуэзцы все время пытались в лице различных византийских государств Малой Азии, осколков Византийской империи, найти силу, которая могла бы разрушить Латинскую империю, а с ней и венецианское могущество.

И в самом деле, внутренние противоречия, раз'едавшие Латинскую империю с ее греческим населением, угнетаемым франкскими феодалами и венецианскими торговцами, оказались настолько велики, что в 1261 году, когда братья Поло были на Волге, никейский император Михаил VIII, Ангел Палеолог, происходивший из знатного византийского рода, при деятельной поддержке генуэзцев без большого труда сверг латинского императора и восстановил Византийскую империю.

Он предоставил своим союзникам, генуэзцам, огромные земельные территории и ряд важнейших льгот. Генуэзцы заняли место венецианцев на Востоке. Они властвовали помимо Лигурийского побережья еще над Корсикой, Сардинией, Эльбой, Хиосом, рядом пунктов в Малой Азии, факториями в Крыму, на Азовском, Черном и Каспийском морях.

В 1298 году в битве при Курцоле, в которой принимал участие и Марко Поло, возвратившийся тогда с Востока, генуэзцы нанесли сокрушительное поражение Венеции, уничтожив венецианский флот и захватив массу пленных (в числе их был и Марко Поло).

Победа при Курцоле обеспечила за Генуей господство на Средиземном море вплоть до второй половины XIV века.

Лишь в 1380 году Венеции удалось, и на этот раз окончательно, разгромить Геную. Как мы видим, борьба велась прежде всего за владычество над Средиземным морем, за контроль над торговыми путями на Восток. Здесь можно было вести прибыльную торговлю, покупая на северном побережье Черного моря рабов, хлеб, рыбу, мед, в Персии и Малой Азии — восточные ткани, вино, ангорскую шерсть, в Индии и Аравии — через Красное море — шелк и шелковые ткани, пряности, слоновую кость, ароматические вещества, и продавая на Восток лес, рабов, оружие и другие металлические изделия. Генуэзские и венецианские купцы проникали в Киев и Суздальскую Русь, в поволжские города, Персию и Среднюю Азию.

Но дальние пути были для купцов из Венеции и Генуи закрыты. Да и сама обстановка, сложившаяся в это время на Востоке, очень тормозила развитие торговли.

Страны Западной и Средней Азии и Персия переживали тогда глубочайший политический кризис.

Ушли в безвозвратное прошлое времена, когда халифат объединял весь мусульманский мир от Гибралтара до Ганга. Еще доживает свой век в Багдаде Аббасидская династия халифов, но им подвластен лишь остаток прежнего великого государства, — Испания и Северная Африка, подчинены враждебным аббасидам омейядским халифам, в Египте властвуют Фатимиды, не признающие багдадского халифа даже духовным главой, в Сирии и Палестине образовался

целый конгломерат мелких и мельчайших арабских, мусульманских и христианских государств, всех этих королевств, графств, княжеств, султанатов, эмиратов, бекств, замков, духовных орденов и отдельных рыцарей. Большая часть Малой Азии занята турками — сельджуками; в Средней Азии и Персии растет государство хорезмских шахов, захватывающих по частям земли халифов и подбирающихся к столице халифата — Багдаду. В самом Багдаде халифы — лишь подставные фигуры, за которыми скрываются реальные властители — турецкие и курдские эмиры и султаны, персидские визири.

В больших городах мусульманского Востока — в Дамаске, Алеппо, Багдаде, Мосуле, Тавризе, Хорезме, Бухаре, Самарканде, Герате — создается довольно многочисленный слой ремесленников, кустарей и рабочих, жестоко эксплуатируемый купеческой верхушкой. Эта купеческая верхушка держит в своих руках крупную оптовую караванную торговлю. Главные объекты торговли — дорогие ткани, пряности, ароматические вещества, сафьян, оружие, драгоценности, рабы, меха, шелк.

Хозяевам караванной торговли крайне невыгодна политическая разобщенность и бесчисленные войны, из-за которых важнейшие караванные пути делаются небезопасными, надолго нарушается нормальная жизнь в целых странах. Купцы-караванщики тоскуют по единой «твердой власти», такой власти, которая сделала бы безопасными дороги, срыла бы бесчисленные заставы, усмирила бунтующих ремесленников и позволила бы наладить «нормальную» эксплуатацию широких масс населения.

В такой обстановке монгольские армии начали свое победоносное шествие по Азии и Европе.

В Монголии во второй половине XII века господствующей формой общественных отношений был своеобразный феодализм, когда вся территория была поделена между крупными сеньорами — нойонами и беками. Этим степным, кочевым феодалам была подвластна основная масса населения страны — араты, обязанные податью в пользу сеньора. Прослойка свободных людей была очень незначительна. На самом низу социальной лестницы находились рабы, рекрутированные из пленников или закабаленных аратов.

Границы каждого степного владения — юрта — были строго определены, и внутри юрта для стад степного феодала и отдельных подвластных ему хозяйств отводились точно определенные участки.

Перекочевки монголов с их стадами происходили по точно определенным, мало менявшимся из года в год маршрутам. Между отдельными феодалами происходили беспрерывные войны и междуусобия из-за потравленных участков, спорных лощин и водопоев, угнанных коней и овец. Основным занятием населения Монголии было скотоводство, но в лесостепи и предгорьях существовало развитое земледелие и охота и довольно широко применялось искусственное орошение.

В укрепленном подвижном лагере степного феодала скапливались значительные массы товаров, поступавших к нему в виде дани или добывавшихся при грабительских экспедициях, — мехов, кож, хлеба, шерсти, скота.

Очень рано между Монголией и прилегающими к ней Китаем и Центральной Азией начинает развиваться караванная торговля.

В степь проникают китайские, кашгарские и среднеазиатские купцы. За монгольское сырье и продо-

вольствие они привозят степным феодалам оружие, ткани, посуду, дорогих коней и рабов. С заезжими торговцами в степь проникают чужие верования — буддизм и христианство, хотя основная масса населения придерживается старинной веры — шаманизма.

В конце XII века в Монголии усиливается феодально-аристократическая группа, возглавляемая Темучином. К 1206 году Темучин после длительной и кровавой борьбы объединил под своей властью всю Монголию и принял титул Чингиз-хана.

В 1211—1216 годах монгольские армии в кровопролитных боях захватывают Северный Китай и свергают правившую там тогда Цзиньскую династию. С 1217 года Чингиз-хан во главе огромной монгольской армии начинает завоевание Средней Азии.

Здесь самым сильным соперником монголов оказался государь Хорезма — Мухаммед, который с 1200 по 1220 год создал большое государство в Средней Азии и Персии.

В 1218 году монголы взяли и разграбили крупнейший центр караванной торговли — город Отрар; в марте 1220 года разграбили и сожгли Бухару; в апреле 1220 года монголы взяли и разграбили Самарканд. В 1221 году сыновья Чингиз-хана — Джучи и Джагатай, после семимесячной осады, захватили богатый город Ургенч, причем сам город был разграблен и сожжен, а жители его, за исключением ремесленников, были вырезаны.

Весной 1221 года Чингиз-хан взял и уничтожил цветущий город Балх, в нынешнем Северном Афганистане. Разгромив Хорезмское государство, монгольские армии прошли через Северную Персию, разбили в феврале 1221 года грузинскую армию у Тифлиса и разграбили в 1222 году город Шемаху. В начале

1224 года монголы под командой сына Чингиз-хана — Тулуя — через Северную Персию и Кавказ прошли в донецкие степи, нанесли в битве при Калке страшное поражение половецким ханам и русским князьям, прошли до Днепра, спустились на юг в Крым, опустошили готские и византийские города и через Булгарское царство, существовавшее в нижнем течении Камы, ушли в Азию.

Продолжая завоевание Китая и Персии, монголы под командой Батыя в 1237—1240 годах завоевали и разгромили Русь, в 1240 году монголами был взят и разграблен Киев. В 1240—1241 году монгольские армии громят и опустошают Польшу и Силезию и вторгаются в Моравию. В 1241 году Батый взял после длительной осады столицу Венгрии — Пешт, разграбил и сжег его и истребил его население. Преследуя венгерского короля Белу, Батый вышел на Адриатическое побережье, захватив и разграбив город Катарро. Лишь известие о смерти сына Чингиз-хана, великого хана Угедея, заставило Батыя вернуться назад в Монголию.

В 1258 году внук Чингиз-хана — Хулагу — взял Багдад, приказал убить последнего аббасидского халифа и закончил завоевание Персии и Месопотамии.

В то же время монголы продолжают завоевание Китая. Одолев Нючженьскую династию, правившую с 1115 года в Северном Китае и более известную под именем Цзинь, или «Золотой», монголы затем начинают борьбу за Центральный и Южный Китай, где с 960 года существовала китайская династия Сун. Завоевание Центрального и Южного Китая было осуществлено, главным образом, одним из лучших монгольских полководцев — Баяном. О нем неоднократно упоминает и Марко Поло.

Когда венецианцы Поло прибыли в Китай, борьба монголов с Сунской династией была в самом разгаре. Ликвидация остатков Сунской империи происходила на глазах Поло и была завершена внуком Чингизхана Хубилаем лишь в 70-х годах XIII века. Параллельно этому шло завоевание Тибета, Бирмы и Юннани.

Таким образом Хубилай, или Кубилай, как его называет Марко Поло, стал не только первым монгольским государем, овладевшим всем Китаем, Тибетом, Бирмой и Юннанью, — он впервые за 380 лет объединил весь Китай, который с 907 года был разделен на северную и южную часть.

Своими исключительными успехами монгольские феодалы были обязаны, прежде всего, тем, что вся Средняя Азия, Ближний Восток и Восточная Европа во время вторжения монголов были раздроблены на множество слабых, борющихся между собой государств. Почти всюду монголам удавалось разбивать своих врагов поодиночке и лишь в очень редких случаях монголам пытались противопоставить более или менее прочную коалицию.

Огромное значение имела позиция, занятая крупной купеческой верхушкой Средней Азии, хозяевами оптового караванного торгового пути. Выше я отмечал, что крупному купечеству была очень невыгодна политическая разобщенность и непрерывные войны, мешавшие торговле.

В поисках «твердой власти» среднеазиатское купечество вначале поддерживало завоевательную политику государя Хорезма — Мухаммеда, но с 1218 года крупное купечество начинает поддерживать монголов, ибо создание необъятной монгольской империи сулило большие выгоды для караванной торговли.

Поддержка крупного купечества играла для монголов очень важную, иногда решающую роль. Вместе с тем монголы зачастую начинают выполнять волю крупного купечества. Очень характерна судьба города Балха. Через него проходил конкурирующий с северным путь на Дальний Восток. Когда весной 1221 года армия Чингиз-хана подошла к Балху, город сдался без боя. Обычно монгольские завоеватели щадили население тех городов, которые сдавались, не оказывая сопротивления. Но в Балхе монголы, под тем предлогом, что им необходимо сосчитать население сдавшегося города, вывели его отдельными партиями за городские стены и перебили. Город был полностью уничтожен. Несомненно, что уничтожение Балха было выгодно определенной влиятельной в окружении Чингиз-хана группе купечества и было совершено Чингиз-ханом под ее давлением.

В дальнейшем среднеазиатское купечество играло в монгольских государствах очень крупную роль, снабжая ханов средствами и поставляя Золотой Орде баскаков и откупщиков для сбора русской дани, а китайским монголам — министров финансов, администраторов и дельцов.

Не последнюю роль в удаче завоевательных походов монгольских феодалов сыграла созданная Чингиз-ханом армия, построенная по принципу феодального ополчения. На западно-европейцев и русских того времени огромное впечатление производил ужас, который сопутствовал монгольскому вторжению, неожиданное появление и столь же внезапное исчезновение монгольских армий, страшные опустошения, разграбления и сожжения цветущих городов, необычный вид монгольских всадников. Растерянным свидетелям монгольских нашествий обычно казалось, что

монгольские армии «подобны саранче», что это бесформенная масса людей, идущая куда глаза глядят и уничтожающая все на своем пути.

На самом деле это было, конечно, не так. Монгольская армия была правильно организована. Основой монгольских войск была очень подвижная конница, проходившая с исключительной быстротой огромные пространства. При осаде городов монголы прибегали к содействию среднеазиатских и китайских мастеров осадного дела. Монголы широко использовали боевую силу покоренных народов; в XIII—XIV веках в Китае в составе монгольских армий были крупные отряды аланов, уйгуров, русских. При осаде венгерских городов в первых рядах шли половецкие, русские и польские пленные и лишь затем выступали чисто монгольские части. В монгольской армии существовал своеобразный «генеральный штаб», тщательно разрабатывалась стратегия предстоящих кампаний. Итак, политическая обстановка, сложившаяся в Азии и Восточной Европе, благоприятствовала монголам. Поддержка крупного купечества обеспечила великолепно организованной монгольской армии победу.

Монголы во второй половине XIII века создали невиданное по своим размерам в истории военно-феодальное государство.

К этому времени подвластные монгольским великим ханам земли простирались от Средиземного моря до Тихого океана и от Лены до Индийского океана. Им были подвластны нынешние Месопотамия, Армения, Грузия, Иран, Афганистан, Русь, Крым, Поволжье, Казахстан, Западная Сибирь, Средняя Азия, Восточный Туркестан, Монголия, Забайкалье, Манчжурия, Китай, Тибет и Бирма.

Купцы Средней Азии и Западной Европы широко использовали те возможности для расширения торговли, которые открывали крестовые походы и образование мировой Монгольской империи. Купцы проникали в дальние земли, вновь завязывали давно прерванные торговые связи, восстанавливали заброшенные караванные пути.

Таковыми купцами были и венецианцы — братья Поло. В настоящее время трудно определить, что было основной специальностью братьев Поло. Сам Марко Поло всюду, где представится случай, говорит о производстве и торговле драгоценными камнями, ревенем и хлопчатобумажными тканями, и, надо думать, что эти товары особенно интересовали семью Поло. Надо, однако, иметь в виду, что если среди ремесленников западно-европейских и восточных городов той эпохи существовало большое разделение труда и специальность была наследственной, то среди торговцев такая специализация отсутствовала. Работорговец в зависимости от обстоятельств легко превращался в торговца драгоценностями, скупщика пряностей, торговца хлопчатобумажными тканями и т. д.

Несомненно, что в дальнем пути на Восток братья Поло не очень тщательно придерживались раз навсегда установленного ассортимента товаров.

Во всяком случае, очевидно, что братья Поло не были новичками в торговле с Востоком. Сам Марко Поло пишет, что в 1260 году «братья Поло — отец Марко и Матвей Поло — находились в Константинополе, пришли они с товарами из Венеции».

Как мы говорили выше, в это время венецианцы играли большую роль в Латинской империи, пользуясь там огромными привилегиями и фактически монополизировав внешнюю торговлю Латинской империи.

В Крыму, куда отправились братья Поло из Константинополя, в принадлежащем венецианцам городе Солдае (нынешний Судак), их старшему брату, Марко старшему, принадлежал дом, и он, несомненно, был связан с той крупной торговлей, которую вели генуэзские и венецианские фактории Крыма со степной полосой, Русью и Поволжьем.

Надо думать, что братья Поло не были очень богатыми, крупными купцами. Правда, в средние века сами купцы, в том числе и богатые, ездили по ярмаркам. Но в XIII веке обычно это поручалось доверенным, особенно, когда речь шла о дальней поездке в неизвестные страны. Вероятно, младшие братья Поло были дельцами средней руки, возможно, что они торговали частично на чужие средства, может быть, на средства более богатого старшего брата.

Из Крыма братья Поло направились к месту слияния Волги и Камы и оттуда в Среднюю Азию. Купцы ехали недавно проторенным путем. После монгольского завоевания Восточной Европы и Средней Азии венецианские и генуэзские купцы неоднократно ездили в Поволжье за мехами, серебром и рабами и в Среднюю Азию за шелковыми и хлопчатобумажными тканями. До братьев Поло через степную полосу проехали в Монголию, в ставку великих ханов, посол папы Иннокентия IV Иоанн Плато де Карпини (в 1246 г.) и посол французского короля Людовика IX Вильгельм де Рубрук (в 1253 г.).

В 1262 году, когда братья Поло были на Волге, они оказались невольными свидетелями борьбы между монгольским ханом, владевшим Восточной Европой и бассейном Урала и Эмбы, — Берке — и монгольским ханом Персии Хулагу. Во второй половине XIII века подобные войны происходили часто.

Дело в том, что созданная Чингиз-ханом и его непосредственными преемниками — Угедеем и Мунке — великая империя была крайне непрочной. В нее входили совершенно различные в экономическом, культурном и этническом отношении страны.

Уже в 1260 году, т. е. ко времени, когда братья Поло начали свое первое путешествие на Восток, Монгольская империя распадалась на ряд фактически самостоятельных владений, лишь номинально подчинявшихся великому хану Хубилаю.

В Восточной Европе и бассейне Урала и Эмбы расположилась так называемая Золотая, или Кипчакская, орда, во главе которой в это время стоял Берке-хан, внук Чингиз-хана и брат покорителя Руси — Батыя. Ему были подвластны также и русские княжества. Персия, Афганистан, Месопотамия, Армения и Грузия составляли владения другого внука Чингиз-хана, брата великого хана Хубилая — Хулагу.

Средняя Азия и Южный Казахстан управлялись ханами из рода сына Чингиз-хана — Джагатая; Алтай, Западная Монголия, нынешняя Тува и верхнее течение Оби принадлежали правнуку Чингиз-хана, непримиримому врагу великого хана Хубилая — Хайду. Наконец, восточная часть империи, куда входили Китай, Бирма, Манчжурия, большая часть Монголии, Прибайкалье, Тибет и Восточный Туркестан, принадлежала великому хану Хубилаю.

Между отдельными монгольскими владениями обычно поддерживались очень оживленные торговые сношения. Лишь изредка война, подобная той, что происходила в 1262 году между Берке и Хулагу, временно приостанавливала торговлю.

Каждый год из Средней Азии в Китай и из По-

волжья в Бухару и Персию снаряжались многочисленные караваны. Обычно к богатым купцам — организаторам такого каравана присоединялись более мелкие торговцы и другие путники — паломники, воины, просто путешественники, каким был, например, младший современник Марко Поло — марроканец Ибн-Батута.

Часто купцы присоединялись к каравану посланника или какого-нибудь вельможи. Так ездили в Китай и венецианцы Поло.

Во время второго путешествия купцов на Восток к ним присоединился сын Николо—Марко. Молодой Марко Поло по прибытии в Китай поступил на службу к Хубилаю и в течение семнадцати лет выполнял различные поручения хана.

О китайской карьере Марко Поло среди исследователей существуют большие разногласия. Прежде, базируясь на одной фразе Марко Поло (см. прим. 2 к гл. «О попытке возмутить город Канбалу») и на том, что в китайских летописях той эпохи фамилия Поло упоминается неоднократно, полагали, что молодой Марко сделал в Китае головокружительную карьеру: был вице-президентом военного совета, исполняя должность «следователя по особо важным делам», был президентом департамента сельского хозяйства, президентом коллегии цензоров, вице-королем одной из двенадцати провинций Китая и т. д.

В настоящее время установлено, что в китайской летописной истории монгольской династии упоминается до 15 различных Поло, причем в ряде случаев эта фамилия встречается в летописи уже после отъезда венецианцев Поло из Китая

Тем не менее, несомненно, что Марко Поло исполнял ряд очень важных поручений Хубилая, ездил по делам хана в район, занятый нынешней провинцией Ганьсу, т. е. к западным границам империи Хубилая, в Тибет, в Южный Китай и Бирму — в Аннам и на Зондские острова.

В течение трех лет он был губернатором города и области Янчжоу-фу в Центральном Китае. Наконец, самый отъезд венецианцев из Китая был связан с выполнением очень ответственного поручения Хубилая — доставки китайской принцессы ее жениху, монгольскому владетелю Персии.

На первый взгляд трудно понять, как мог Марко Поло сделать карьеру при дворе хана.

Надо помнить, что он был чужак, человек без рода, без племени и без специальных знаний (военных, финансовых, медицинских), которые могли цениться при дворе Хубилая. Прожив в Китае семнадцать лет, он не успел научиться китайскому языку, на котором говорило подавляющее большинство населения страны.

Чтобы понять, какие обстоятельства благоприятствовали молодому венецианцу в чужой стране, необходимо уяснить себе, что представляло собой монгольское владычество в Китае.

До свержения их монголами Цзиньская и Сунская династии вели между собой нескончаемую многолетнюю борьбу, тяжело отразившуюся на положении населения страны. Войны, сопровождавшие монгольское завоевание, принесли новые опустошения, победы и голодовки.

Сельское хозяйство было приведено в очень тяже-

лое состояние. Во многих районах свирепствовал голод. В стране не прекращались крестьянские восстания.

Для монголов самое важное было укрепиться в завоеванном Китае и наладить регулярное извлечение податей из покоренного населения. Естественно, что Хубилай принужден был вначале несколько снизить обложение крестьян разоренных областей и даже организовать, хотя бы частично, помощь, особенно опустошенным районам. Во многих местах Китая, особенно пострадавших от военных действий, целые округа были разорены, оросительная система разрушена, поля заброшены, толпы разоренных крестьян бродили по стране. Хубилаю пришлось бороться с бродяжничеством, организовать переселение крестьян из районов с избыточным населением в опустошенные во время войны области и восстанавливать оросительную систему.

Но все эти мероприятия были очень недолговечны и давали незначительный эффект. Уже при ближайших преемниках Хубилая положение сельского хозяйства Китая вновь сильно ухудшилось, вновь усилилось крестьянское движение, вылившееся во всеобщее восстание, положившее в 1368 году конец монгольскому владычеству в Китае. Частые войны с другими монгольскими ханами, завоевательные экспедиции в Японию, Яву, Бирму, Юннань, Тибет, наконец, содержание огромного пышного двора Хубилая — все это требовало очень больших средств. В поисках этих средств Хубилай пошел на выпуск огромного количества бумажных денег. Бумажные деньги были известны в Китае еще с начала IX века, но Хубилай впервые выпускал их в таком большом количестве. Преемники Хубилая осуществляли инфляцию с еще

большим рвением, и денежный кризис послужил одним из основных толчков к восстанию, свергнувшему монголов.

Одной из самых серьезных проблем, стоявших перед монгольскими завоевателями Китая, был вопрос о кадрах администраторов. Монгольские феодалы составляли в покоренном Китае очень незначительную прослойку населения.

Кроме того их специальностью было военное дело, и они почти не могли быть использованы в административном аппарате Хубилая. Но даже в армии Хубилай не мог да и не хотел использовать только монголов. В Китае стояли гарнизоны, составленные из отрядов подвластных монголам племен: аланов, русских, уйгуров. Марко Поло упоминает среди других полководцев Хубилая бухарца Насыр-ар-Дина, покорителя Бирмы, и сирийца Мар-Саргиса.

Надо учитывать, что монгольские конные части, привыкшие воевать в степях в условиях Центральной Азии и Восточной Европы, были гораздо менее пригодны в китайских условиях, где действия конницы были очень затруднены.

Еще хуже обстояло дело с гражданской администрацией. До монголов монополия на занятие всех административных должностей принадлежала китайским ученым, т. е. людям, знавшим в совершенстве китайскую литературу и письменность. Этим людям монголы, конечно, не могли доверять. Наоборот, они старались всемерно ослабить значение тогдашней китайской интеллигенции. С 1237 по 1317 год в Китае не допускались экзамены, которые давали право получить определенный чин. Этим самым сокращались кадры китайской интеллигенции, претендовавшей на получение должностей.

Далее, Хубилай провел в 1269 году еще одно мероприятие для ослабления позиций китайских мандаринов. Он ввел во всех канцеляриях обязательное употребление так называемого монгольского квадратного письма вместо китайских иероглифов. Новый шрифт был более легким, чем китайский, и его введение должно было облегчить подготовку администраторов не китайцев. Впрочем, этот шрифт исчез тотчас же после падения монгольской династии.

Не доверяя китайцам и не имея в своем распоряжении монгольских кадров, Хубилай и его преемники широко использовали на административных должностях в Китае выходцев из Средней Азии, Персии, Малой Азии и даже Европы.

Кроме указанных выше бухарца Насыр-ар-Дина и сирийца Мар-Саргиса у Хубилая работали: министр финансов бухарец Ахмед, врач — итальянец Айсе, астрологи и врачи — уйгуры, мастера осадного дела — арабы и персы. Эта пестрая толпа искателей приключений, иностранных специалистов, наемных воинов, фокусников, астрологов, художников и кудесников несколько напоминала окружение Петра I. К ней принадлежала и семья Поло; они случайно были заброшены в Китай, прижились здесь и выполняли самые разнообразные поручения хана.

Своеобразные черты Марко Поло ярче всего отразились на его книге. Марко Поло диктовал свою книгу своему товарищу по генуэзской тюрьме, пизанцу Рустичиано, автору рыцарских романов. Книга эта сохранила все черты поспешной записи. В написании собственных имен совершенно отсутствует единство. Обычно даже в одной и той же главе название како-

го-нибудь города или страны пишется по-разному. Несомненно, что эти названия записаны на слух, и Марко Поло их не проверял. Очень часто в записи сохранена живая речь рассказчика, обращения к слушателю, возвращение к уже рассказанному и т. д. Иногда рассказчик обещает вернуться к тому или иному предмету и забывает это сделать. Бывает и наоборот, начнет о чем-нибудь рассказывать, спохватится, что это уже известно, и прервет рассказ.

Лишь главы, посвященные нескончаемым междоусобиям монгольских ханов, носят явные следы литературной отделки. Здесь есть и вступление, и традиционное описание вооружений и войск противников, и столь же традиционная перегруженность текста вымышленными речами действующих лиц. Родство этих глав с рыцарским романом очевидно. Несомненно, что в этих местах пизанец превратил простой рассказ Поло в роман и сделал, кстати, эту книгу много скучнее.

Долгое время господствовало мнение, что Марко Поло диктовал свою книгу по-итальянски, и лишь в 1827 году исследователь Балделли Бони доказал, что языком первого списка был французский, который во времена Марко Поло был международным языком. Надо подчеркнуть, что это был довольно своеобразный французский язык. Книга Марко Поло написана сильно исковерканным языком, с массой итальянских и восточных слов. Несомненно, что и Марко Поло, и писавший под его диктовку Рустичиано знали французский язык довольно поверхностно. Для обоих это был чужой язык.

Но, несмотря на это, язык книги — яркий и сочный. Речь его подчинена внутреннему ритму, образы выпуклы. описания красочны и насыщены.

При внимательном чтении книги Поло легко убедиться, что Марко Поло, который, по его собственным словам, выучил в Китае четыре азбуки, не знал китайского языка. Надо думать, что он знал арабскую, сирийскую и уйгурскую письменность и тот официальный монгольский шрифт, который ввел Хубилай, т. е. как-раз те шрифты, которые были нужны чиновнику Монгольской империи в Китае. Китайский язык ему был очень мало нужен, так как с китайским населением он имел дело редко.

У Марко Поло китайский язык вытеснен даже из названий китайских городов и рек, и он пользуется вместо него монгольскими, персидскими и турецкими словами. Так, он упоминает китайский город Акбалык (турецкое «Белый город»), китайскую реку Пулисангин (персидское «Каменный мост»), реку Караморан (монгольское Харамурен — «Черная река»), область Зардандан (персидское — «Золотые зубы»).

Он употребляет турецкие и персидские охотничьи и военные термины, календарь называет арабским словом «таквим», китайского императора — «фагфур» (сын бога по старо-персидски).

Но Марко Поло не только называл города и реки Китая теми случайными, зачастую нигде, кроме его книги, не сохранившимися прозвищами, которые были в ходу в разноязычном окружении Хубилая.

Он смотрел на Китай, оценивал китайскую действительность с точки зрения чужеземного купца, удачливого придворного хана.

Необычайно интересно проследить, что фиксирует Марко Поло, что задерживает его внимание в той исключительно красочной, неповторимой по своей причудливости и своеобразию жизни, которую он мог наблюдать, как на пути в Китай, так и в Китае, со-

поставить те стороны жизни Востока, которые отметил венецианец, с теми, которые ускользнули от него, потому ли, что он не мог их осознать, что он не дорос до них, или потому, что он их считал не заслуживающими внимания.

После такого сопоставления образ Марко Поло, который панегиристы и составители энциклопедий за шестьсот лет сделали иконописным и превратили в традиционного, не имеющего индивидуальности «открывателя новых земель», станет полнокровным и ярким, приобретет те черты, которые отвечают его социальной природе.

Марко Поло, прежде всего, купец, хорошо знакомый с крупной караванной торговлей. Все, что связано с караванным путем, с дорогой, расстоянием, качеством травы, водопоя, с торговыми обычаями, ассортиментом товаров, — интересует его чрезвычайно. Иногда он даже заменяет описания виденных им городов изложением процесса производства того или иного товара. Замечательна глава XXXIX:

«Здесь описывается большой город Кабане». «Кабана большой город, народ молится Мухаммеду. Есть тут железо, сталь, анданик. Выделываются здесь из стали большие и хорошие зеркала, изготавливают здесь туцию, очень полезную для глаз. Делают тут сподию, и вот как: выкладут ту землю в печь, где разведен огонь, а поверх печи — железная решетка. Дым и пар, что поднимается от земли, осаживается на решетке — и это туция, а что остается от земли в огне — то сподия».

Описание города заменено описанием изготовления двух снадобий.

«Много тут шелку, выделывают здесь шелковые и золотые ткани, таких красивых нигде нет, отсюда

идет тот шелк, что зовется желл» (Книга Марко Поло, перевод Минаева, гл. XXIII).

«Покупаются тут также драгоценные камни и много их здесь» (гл. XXVI).

«Конскую сбрую работают тут отлично: узды, седла, шпоры, мечи, луки и колчаны, всякие их вооружения на собственный образец».

«...Замужние женщины и девки славно вышивают зверей и птиц и всякие другие фигуры по шелковым, разноцветным тканям» (гл. XXXV).

«...Знайте, еще есть и другие горы, где есть камни, из которых добывается лазурь, прекрасная, самая лучшая в свете» (гл. XLVIII).

«Ткут тут золотые ткани и разные шелковые ткани» (гл. LXXIV).

«Много здесь бразильского дерева, камфары и всяких дорогих пряностей» (гл. CLXIX).

«Выделывают тут много прекрасных подстилок из красной и голубой кожи с птицами и зверями; претонко вышивают их золотыми и серебряными нитями, на вид они отличные» (гл. CLXXXIV).

Таковыми фразами пестрит вся книга. Марко Поло тщательно отмечает, что народ «торговый», «промышленный», или, наоборот, «народ скупой, торгующая маленькая».

Из отдельных товаров он, прежде всего, обращает внимание на ткани; в его книге то и дело встречаются упоминания о восточных тканях — золотых, шелковых, вышитых различными фигурами и цветами, или тонких хлопчатобумажных. Он упоминает множество названий тканей. Видно, что он очень хорошо в них разбирается. В его книге постоянно встречается названия: желл, мосулин, нассит, нак, кремози, бокаран, сандаль, банбасин, болдакин, язды, тафта.

Не меньшее, пожалуй, внимание уделяет Марко Поло драгоценным камням и другим минералам. Везде, где ему представится случай, он не преминет отметить, какие драгоценные камни и металлы, какие минералы добывают в той или иной стране. Беспременно упоминает он о золоте, серебре, меди, стали, рубинах, сапфирах, яшме, халцедоне, одонике, «лучшей в свете соли», нефти, жемчуге, аметистах, лазурике, бирюзе, топазах.

Зачастую Марко Поло рассказывает о новых, неизвестных его соотечественникам минералах. Он старается дать возможно более точное описание их.

Наконец третья группа товаров, интересующих венецианца, — это всевозможные пряности, ароматические вещества и экзотические смолы. Он упоминает инбирь, перец, мускус, корицу, турбит, кубебу, амбру, гвоздику, белый ладан, алоэ, камфару, калгану и т. д.

Подчеркнутый интерес к дорогим тканям, пряностям и драгоценным камням и металлам не случаен. Именно эти товары интересовали прежде всего венецианцев на Востоке, именно эти товары венецианцы перепродавали с огромными барышами в Западную Европу.

Недаром Марко Поло не забывает отметить, что в Кашмире в большой цене кораллы и их можно там выгодно продать, а в Юннани соотношение цены золота и цены серебра таково, что сюда стоит везти серебро, а эта операция может дать большие барыши.

Явное предпочтение, оказываемое тканям, драгоценностям и пряностям, не мешает Марко Поло обращать внимание и на другие товары, преимущественно те, которые могли бы интересовать венецианских купцов. Так, он упоминает о производстве фарфора в

Китае, о выработке сафьяна и других сортов дорогих кож в Аравии, о выработке оружия, о добыче асбеста и т. п.

Даже о бакинской нефти Марко Поло дает точную, деловую справку, хотя сам в Азербайджане не был и о нефти в Европе XIII века никто не имел представления.

«На грузинской границе есть источник масла, и много его; до сотни судов можно зараз нагрузить тем маслом. Есть его нельзя, а можно жечь или мазать им верблюдов, у которых чесотка и короста. Издалека приходят за тем маслом, и во всей стране его только и жгут» (гл. XXII).

В Китае XIII века широко применялся в домашнем хозяйстве каменный уголь. Марко Поло посвящает этому специальную главу, пытаясь разъяснить европейцам XIII—XIV веков, что такое каменный уголь.

Технологию производства какого-нибудь нового для его соотечественников товара он стремится передать с максимальной точностью; особенно заинтересовавшие его диковины Марко Поло забирает с собой. Так, например, он привез с собой в Венецию сердцевину саговой пальмы.

Увидев в Монголии, на пути в Китай, яка, Марко Поло постарался привезти в Венецию шерсть диковинного зверя. Он взял ее с собой в Китай, возил во всех странствованиях и довез до Венеции. Из Суматры он везет с собой в Венецию семена так называемого бразильского дерева, дающего краску.

Не следует, однако, думать, что Марко Поло сухой, расчетливый купец, ловкий разведчик новых путей, интересующийся лишь качеством и ценой товара, водопоями, переправами и безопасностью пути.

Это человек по-своему многогранный, прекрасный наблюдатель, страстный охотник, любитель сказок и преданий, большой ценитель женщин, никогда не упускающий случая рассказать своему товарищу по заключению о том, каких женщин он встречал во время своих странствований. Широко открытыми глазами смотрит он на неведомый мир, на необычайную природу, причудливые и странные обычаи дальних стран. Он наделен прекраснейшей памятью. Через много лет в подземелье гонуэзской тюрьмы он отчетливо и связно восстановит в своей памяти виденные им когда-то зеленые долины Афганистана, молчаливые просторы Памира, людские муравейники китайских городов, ночлеги в предгорьях Тибета, когда с грохотом трескается бамбук, брошенный в костер, чтобы отпугнуть диких зверей, ловлю жемчуга у берегов Цейлона, черных идолов и белых бесов индийских храмов.

В своей книге он приводит массу сведений о своеобразных обычаях тех народов, которые ему удалось видеть. Он рассказывает, как сушат дыни в Шапургане, какие штаны носят женщины в Бадахшане, как в Пашиае мужчины носят кольца, как хоронят мертвых в Тангуте и Китае и сжигают с мертвецом изображения всех предметов, что окружали его при жизни, как уступают дочерей и жен странникам в Хами, Тибете и Сычуани, как в Юннани, когда жена рождает, муж ложится в постель, притворяется больным и принимает поздравления, как ездят на слонах в Занзибаре, как в Сычуани соль и раковины служат вместо денег, как исцеляют в Юннани одержимых бесами, какие бани на сто человек в Ханьчжоу-фу, как татуируют тело жители Индо-Китая, как добывают жемчуг на Цейлоне, каковы ве-

рования браманистов, как в Индии разбойники поят купцов слабительным, чтобы заполучить проглоченные ими драгоценности, как ездят на собаках на санях в Сибири и т. д.

Некоторые из этих описаний поражают своей живостью и красочностью.

Особенно подробно рассказывает Марко Поло об охоте и о новых, неизвестных в Европе охотничьих животных. Таково, например, описание охоты на тигра, которого Марко Поло везде называет львом. В Восточной Африке видел Марко Поло жирафа и очень красиво рассказал о нем. Может быть, чтобы подчеркнуть изящество жирафа, он дальше говорит о женщинах Занзибара.

«Водится тут много жирафов, красивы они с виду, вот какие: тело, знайте, коротенькое и сзади приземистое, потому что задние ноги коротенькие, а передние и шея длинные, а голова от земли высоко, шага на три, голова маленькая, вреда никому не делают, масть рыжая, с белыми полосками. С виду очень красивы. Здешние женщины с виду очень безобразны: рты большие и глаза тоже, а носы толстые, груди у них в четыре раза толще, нежели у наших женщин, очень безобразны. Питаются они рисом, да мясом с молоком и финиками. Виноградного вина у них нет, делают они вино из рису с пряностями, питье хорошее» (гл. СХСII).

Об охоте он не устает говорить. С нескрываемым интересом, удовольствием и любовно описывает Марко Поло «лучших соколов, самых быстрых в свете, они меньше сокола-пелегрима, по брюшку красны и под шейкой и между ляжками», черных ястребов, «что летают быстро и очень хороши на охоте», балабанов, сероголовых соколов, кочетов, орлов, беркутов, со-

бак-«мордашек». Рассказывает про охоту на тигра, носорога, крокодила, говорит о попугаях, обезьянах, страусах, диких ослах. Пышная охота Хубилая приводит его в восторг, и он подробно ее описывает.

Вообще Марко Поло не скрывает своего преклонения перед монгольскими ханами, под власть которых вольготно и безопасно торговать купцам всех национальностей. Перед нами явно человек монгольской ориентации. Он неоднократно подчеркивает мощь Хубилая, его «благое правление», его «милости и благодеяния», но почти не останавливается на тех опустошениях, которые сопровождали монгольские завоевания. Он с сожалением отмечает, что монголы «портятся», окитаиваются в Китае и омусульманиваются в Сирии и Персии.

Марко Поло — венецианец, испытавший сильнейшее влияние восточных культур. Подчеркиваю — не одной культуры, а целого конгломерата культур, воспитавшийся, если так можно выразиться, на большой дороге, в караван-сараях и лавках Азии. Отсюда он вывез не только множество восточных слов, но и всевозможнейшие легенды и сказки, которые он слышал в дальнем пути, ночуя у костра или в караван-сараях, пережидая томительный штиль в Индийском океане.

Просматривая сказки и легенды, попавшие в книгу Марко Поло, невольно обращаешь внимание на довольно явное религиозное безразличие автора. Правда, он подробно описывает историю трех волхвов, житие св. Фомы, чудо в Багдаде, но он считает также нужным изложить историю Будды в том виде, как он слышал ее от какого-то монгольского монаха.

Передавая историю Будды, он обнаруживает даже несвойственный ему лиризм и заканчивает легенду совершенно неожиданно для итальянца-католика XIII века: «Ушел царевич из дворца и от отца в высокие и пустынные горы и прожил там всю жизнь целомудренно, в великом воздержании; будь он христианином, то стал бы великим святым у господина нашего Иисуса Христа».

Многие легенды, приведенные в книге Поло, легко отождествляются с распространенными на всем Востоке сказаниями, частично вошедшими потом в сборник «1001 ночи». Такова, например, история об огромной птице Рух, или Рок, перекликающаяся не только с рассказами Синдбада-морехода, но и с одной из притч китайского философа-мистика Чжуан-Цзы.

Перекликается с книгой «1001 ночь» еще и рассказанная Марко Поло история о том, как в Индии добывают алмазы в неприступных горах: бросают в расщелины мясо, к нему пристают алмазы, и когда орлы и грифы вытащат это мясо, их пугают, отбирают мясо и собирают алмазы.

Неоднократно встречаются у Марко Поло обрывки сказаний о чудесах Александра Македонского, упоминается о месте его свадьбы с дочерью Дария и т. п.

Марко Поло — ориентализированный венецианец, расчетливый, умный купец, ловкий карьерист, прекрасный наблюдатель, страстный охотник, мастерский рассказчик.

Но надо еще раз подчеркнуть, что Марко Поло не мог зафиксировать всего многообразия материальной и духовной культуры Китая, кое-что он не мог понять, кое на что он не обратил внимания, не счи-

тал важным, не считал интересным для своих современников.

Так, Марко Поло очень мало говорит о китайском земледелии, о системе орошения, в корне отличной от европейской. Поражает, что Марко Поло нигде не пишет о культуре чайного дерева, хотя он долго жил в районах производства чая и три года управлял провинцией, где была интенсивная чайная культура.

Он не обратил внимания на очень интересный способ рыбной ловли, широко распространенный в Китае, — ловлю рыбы с помощью птицы карморана. Не упоминает Марко Поло о маленьких ногах китайских женщин.

Между тем Одорик, путешествовавший по Китаю через 35 лет после Марко, подробно описывает и ноги китайских женщин и этот способ ловли рыбы.

В книге Марко Поло нет ни слова о книгопечатании, хотя, рассказывая об издании бумажных денег, Марко Поло вплотную подходит к книгопечатанию.

Во времена Марко Поло китайская культура имела за собой тысячелетия непрерывного развития. Накоплены были огромные культурные ценности. Как-раз при монголах происходил процесс создания китайского романа, чему способствовало знакомство с литературой Средней и Западной Азии, Индии и Ирана и не в меньшей мере политика Хубилая, направленная к ослаблению позиций китайских начетчиков-мандаринов. Вместе с ослаблением их позиций снизилось и значение связанной с мандаринами классической литературы, и это облегчило пышный расцвет бывшего до сих пор подспудным китайского романа. Сходные обстоятельства повлияли на создание в эпоху монголов китайского театра.

Но напрасно стали бы мы искать сведений об этом у Марко Поло. Для него еще были недоступны элементарные основы китайской культуры, и многие явления проходили мимо него.

Кроме того в Китае он вращался в среде монголов, персов и других чужеземцев. Недаром об обычаях населения Индии, Тибета и Бирмы он пишет часто подробнее, чем о китайцах.

Некоторое значение имело и то, что Марко Поло прекрасно сознавал, что его современники не смогут понять многое из того, о чем он знал. По словам его первого биографа, Рамузио, когда Марко Поло перед смертью уговаривали отказаться от его «вымыслов», он ответил, что не рассказал и половины того, что знал.

Быть может, в умолчании Марко Поло о том, что он видел в Китае, есть чувство безнадежности — все равно не поймут.

И все же книга Марко Поло стоит неизмеримо выше своих современниц по точности изложения, по простоте и красочности языка и по объему затронутых вопросов. Книга Марко Поло говорит об огромнейшей территории от Ледовитого океана до экватора и от Венеции до устья Янцзы-Цзяна.

Но европейцы XIII—XIV веков не доросли до того, что мог увидеть и описать даже Марко Поло, и не верили тому, что рассказал Поло о стране Хубилая. К книге Марко Поло отнеслись несерьезно.

Книга Марко Поло и не сыграла той роли в расширении знаний о мире, которую могла сыграть. Она сообщала слишком много.

Разрыв между объемом знаний Марко Поло и его

читателем сделал его книгу фантастической, и ее сохранили, как роман. Если бы над Марко Поло меньше смеялись, то, может быть, его рукописи не были бы сохранены.

Очень показательно, что литературные источники XIII—XIV веков очень скупо, лишь мельком упоминают о книге Поло. Любопытно, что больше всего книга Поло повлияла на тогдашний романс, где после приезда Поло на родину появились вдруг река Баудас и поэтически изложенная, рассказанная у Марко Поло история о чуде, якобы происходившем в Самарканде.

Но книга Поло не только нашла резонанс, главным образом, в поэзии того времени. Она сама попала в разряд развлекательной литературы, стала книгой для легкого чтения, романом, обычно попадала на одну полку с самыми фантастическими историями, выдуманскими путешественниками, и житиями святых.

Из описанных полковником Юлом 75 манускриптов книги Марко Поло — 18 переплетены с другими произведениями, с описаниями путешествий (Одорик, Гайтон), с книгами о святой земле, о Магомете, о чудесах Иерусалима, с романом о Карле Великом, со сказаниями о разрушении Трои, с житиями «святых», сказаниями о Шарлемане, сказаниями об ирландских войнах, «Видением о Петре Пахаре» и т. д.

Очень часто Марко Поло переплетается вместе с книгой де Мандевиля.

Книга о путешествиях Джона де Мандевиля была написана на французском языке между 1357—1371 годами. Храбрый рыцарь сорок лет странствовал по Востоку, побывал в Турции, Армении, Аравии, Сирии, Палестине, Верхнем и Нижнем Египте, Халдее, Ливии и Амазонии.

В Египте де Мандевиль служил в армии султана, отверг предложение султана жениться на его дочери и принять мусульманство, бежал в Иерусалим. Далее он побывал в России, Литве, Польше, Тартарии, Индии, на Суматре, в Китае.

Очень скоро после появления книги она была переведена на английский язык и сыграла очень большую роль в формировании английской прозы. Книгой де Мандевилья зачитывались, ей подражали.

История путешествий рыцаря Джона де Мандевилья пользовалась гораздо большим успехом, чем книга Поло. Так, в XV веке вышло 25 изданий истории путешествия де Мандевилья и всего лишь 5 изданий Марко Поло. Между тем, книга де Мандевилья — фальшивка. Он никогда не существовал, и вся его история выдумана бельгийским врачом Жеганом де ля Барб.

И еще многие столетия «Роман о великом хане» продолжал быть книгой для легкого чтения. Даже в XIX веке находились люди, сомневавшиеся в достоверности рассказанного Поло.

Так, в 1829 году немецкий ученый К. Д. Хюльманн выпустил в Бонне книгу «География Средних Веков», где он пишет:

«Несомненно, что Поло никогда не был дальше Великой Бухары, которая тогда посещалась многими итальянскими путешественниками. Все, что он рассказывает о Монгольской империи, лежащей дальше на восток, состоит по большей части из базарных дорожных рассказов торговцев из тех стран, а упоминания об Индии, Персии, Аравии и Эфиопии почерпнуты из арабских источников. Составитель зашел в своем пристрастии к вымыслу особенно далеко, когда приписывает своему герою, Марко Поло, заяв-

ление, что он будто бы семнадцать лет состоял на службе у Хубилая».

Странная судьба этой книги! Современники считали ее вымыслом, и лишь в XIX веке понемногу, после тщательных изысканий, подтверждается почти все, о чем рассказал венецианец.

В то же время то место в книге Марко Поло, которое производило всегда особенное впечатление, оказалось несоответствующим действительности. Я имею в виду знаменитый рассказ о крытых золотом дворцах в Японии:

«Остров Чипунго на востоке, в открытом море, до него от материка тысяча пятьсот миль. Остров очень велик; жители белы, красивы и учтивы, они идолопоклонники, независимы, никому не подчиняются. Золота, скажу вам, у них великое обилие, чрезвычайно много его тут, и не вывозят его отсюда с материка ни купцы, да и никто не приходит сюда, оттого-то золота у них, как я вам говорил, очень много.

Опишу вам теперь диковинный дворец здешнего царя. Сказать по правде, дворец здесь большой и крыт чистым золотом, так же точно, как у нас свинцом крыты дома и церкви. Стоит это дорого, и не счесть! Полы в покоях, а их тут много, покрыты также чистым золотом, пальца два в толщину, и все во дворце, и залы и окна, покрыто золотыми украшениями. Дворец этот, скажу вам, безмерное богатство, и диво будет, если кто скажет, чего он стоит!

Жемчугу тут обилие, он розовый и очень красив, круглый, крупный, дорог он так же, как и белый. Есть у них и другие драгоценные камни. Богатый остров, и не перечесать его богатств. На этом остро-

ве одних людей хоронят, а других сжигают. Но тем, кого хоронят, кладут в рот одну из тех жемчужин; таков у них обычай» (гл. ССІХ).

Легенда о золотых дворцах Японии, возможно, навеяна старой китайской сказкой о том, как император Цинь Ши Хуанди послал на Восток за море триста юношей и триста девушек за травами, дающими бессмертие. Посланники императора построили себе дворец с золотыми и серебряными потолками.

Когда Марко Поло был в Китае, хан неудачно пытался захватить Японию. Среди воинов Хубилая, несомненно, существовало много рассказов о богатствах Японии. Эти рассказы отразились в книге Поло.

Это место книги Поло — одна из немногих его ошибок — больше всего привлекло внимание. В «Колумбиане», музее Колумба в Севилье, сохранился экземпляр книги Марко Поло с 70 пометками Колумба. Особенно интересовали Колумба слова Поло о золотых дворцах Японии. Знаменитый флорентинский космограф Паоло Тосканелли также писал Колумбу о золотых дворцах Чипанго и о необходимости добраться до этих островов.

Это золотое море все время ослепляло Колумба. Открыв Америку, он все время ждал, что вот-вот заблестят вдали золотые крыши.

О «золотых дворцах Чипанго» грезил конкистадоры, пробиваясь сквозь дебри Центральной Америки, о них грезил Баренц и Ченслер во льдах Арктики.

Марко Поло — венецианец эпохи напряженной борьбы за господство над Средиземным морем, эпохи обострения внутренних противоречий, эпохи формирования венецианской торговой буржуазии.

Марко Поло прожил до 1325 года. Последние десятилетия его жизни совпали с очень тяжелым временем в истории Адриатической республики. Внешне-политическое положение Венеции в конце XIII — начале XIV веков было сильно поколеблено. Поражение при Курцоле ослабило боевую мощь Венеции. С исчезновением Латинской империи для венецианцев был почти закрыт доступ в Черное море, были потеряны прибыльные привилегии, богатые колонии, важные фактории в Малой Азии и на Балканском полуострове. Заклятые враги, генуэзцы, теснили венецианцев в Сирии и Палестине, перехватывали их корабли в открытом море.

В самой республике шла ожесточенная классовая борьба. Купеческая верхушка, организаторы и хозяева заморской торговли пытаются сконцентрировать власть в своих руках. В 1297 году, как-раз после приезда Марко Поло, эти олигархические группы добиваются «закрытия Великого Совета», т. е. лишают огромное большинство населения права пополнять Совет новыми членами. В начале XIV века правящие группы создают так называемый «Совет десяти» — организацию, получившую неограниченные полномочия для борьбы с революционным движением.

В ответ на это мелкое и среднее купечество и моряки организуют ряд революционных выступлений (движение 1300 г. во главе с Бокконио, заговор Тьеполо в 1310 г., заговор дожа Марино Фальеро в 1355 г.). Но средние слои выступают изолированно, правящим группам удается их разбить и еще более усилить свои позиции в республике.

В это тяжелое время, когда позиции Венеции в мировой торговле очень ослабели и внутри республики шла ожесточенная классовая борьба, венециан-

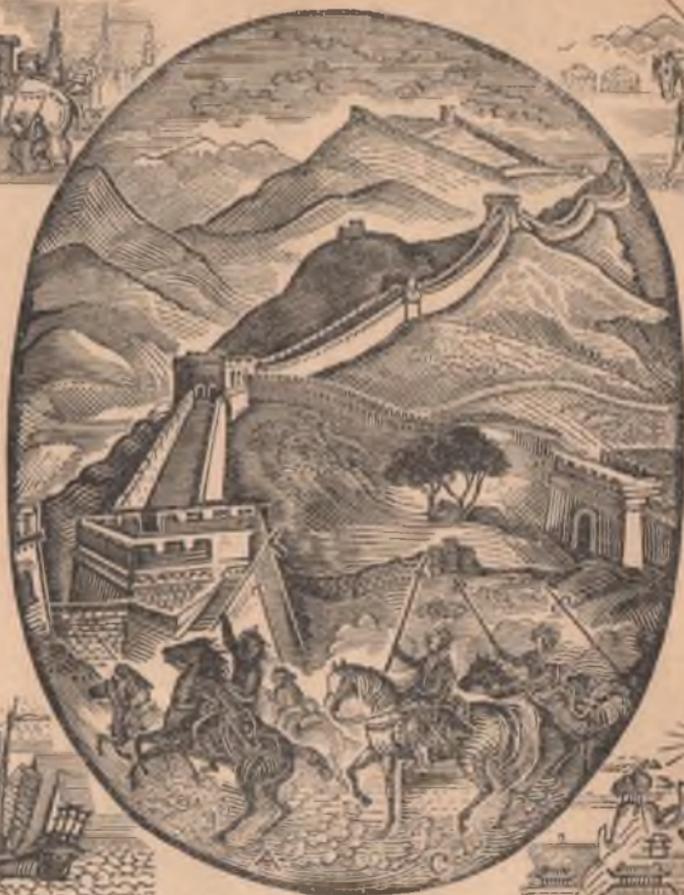
цам было не до новых путей в дальние страны, о которых рассказал Марко Поло.

Но когда изменилось время, увеличилось количество знаний, то начали верить Марко Поло, и прежде всего поверили великому путешественнику искатели приключений, люди мечтающие о золоте.

Маршруты, которыми прошел Марко Поло, были положены на карту много позднее, но золото хана Хубилая, рассказ о странах с золотыми крышами, повели корабли Колумба напрямик через океан к новым открытиям.

К. И. Кунин

Марко Поло

О времени, когда происходит действие, о городе Венеции, о доже, купцах и ремесленниках

Венеция выросла на воде, потому что она боялась опасности с суши.

Степи от Дуная тянутся до дальнего Китая.

Каспийское море в одном месте сужает широкую полосу степей.

В степях кочевники. Одни летом уходят в горы, а зимою спускаются в долины, где скот ест засохшую

траву или откапывает ее из-под снега. Другие ходят по своим степям, совершая из года в год замкнутое кольцо.

По кольцам вырыты колодцы. Районы колец определены обычаем.

Не люди гонят скот — скот идет, люди идут за скотом.

В Таджикистане, в Локайской долине, еще и сейчас привязывают себя пастухи к баранам для того, чтобы не проспять время, когда встанет баран и начнет пастись.

В степи ходит скот, стада велики. В степи скрипят тяжелые колеса. По степным дорогам на тяжелых повозках едут юрты, запряженные десятками волов.

По степям идут и большие караванные дороги, отмеченные частыми пятнами костров, а также сухими костями, верблюжьими, лошадиными.

Когда одолевает какое-нибудь племя и удается ему соединить степные орды и двинуться на Китай или далекую Европу, или на богатые персидские города, то вся степь приходит в движение. Кольцо находит на кольцо, спутываются стада, скапливаются люди, племена двигаются, все более и более нарастая.

Они идут.

Скот с'едает траву.

Они идут, разоряя города, захватывая за собою население.

Это было еще задолго до того времени, когда начали торговать купцы Поло. Сперва по степям прошли гунны. Обошли Каспийское море через реку Яик, оставив направо Уральские горы.

Гунны шли и дошли уже до Италии.

В области, плохо защищенной тирольскими и каринтийскими Альпами, там, где течет река Адидже

и Тимаво, стояли города Падуя, Аквилея, Альтино, Верона.

Реки вливались в море, реки намывали косы, море намывало мели, загораживая путь рекам; реки разливались и образовывали лагуны.

В лагуны заходит морской прилив, мелкие острова гривами пересекают лагуны.

Когда Аттила¹ подошел к стенам города, то ужас был велик и рассказывали о том, что даже птицы в клювах уносили своих птенцов из города.

Золотой венецианский дукат 1280—1289 годов

Стены города были ненадежны. Люди бежали в болота.

Поселились люди и на острове Риальто, на островах Оливоло, Луприо.

Строили беглецы дома, похожие на гнезда морских птиц, загораживались от волн валами из песка и фашии. Так зародилась Венеция.

Море наступало и отступало, оставляя соленый след, и здесь начали добывать соль, выпаривая морскую

воду. Засыпали мелкие болота, проводили канавы, чтобы осушить острова, валами окружали площади для выпаривания соли.

Сразу же началась война со славянами, которые нападали на город. У новоселов не было леса, а лес нужен для кораблей. Лес рос на Далматинском побережье.

Люди торговали солью и боролись за лес.

В 697 году собрался сейм и был избран единый вождь для группы островов, его называли дожем.

В 997 году Венеция уже владела корабельным лесом Истрии и Далмации.

На самих островах шла борьба, остров воевал с островом.

У берегов Средиземного моря было как будто два мира, и миры эти сходились своими границами почти на болотах Венеции.

Был Запад, наследовавший Рим, и был Восток, с другой, греческой, культурой.

В этой борьбе город много раз разрушался.

В Риальто выросла новая Венеция, она считалась вассалом византийского двора.

Новый город торговал солью.

В половине XII века мосты соединили семьдесят малых островов. Греческие архитекторы помогали строить город.

Город считался еще под покровительством греческого святого Феодора.

Город торговал с Востоком. Корабли ходили к Египту и в великое замкнутое море, которое мы теперь называем Черным.

Венецианские купцы привезли из Александрии «моши св. Марка».

По преданию, привезли они этого апостола, засы-

пав свинными тушами, чтобы мусульмане побрезговали обыскивать корабль.

Так завела Венеция собственного святого.

Марк и Лев, который был его символом, стали девизом богатой республики, а государственным цветом объявлен цвет Адриатического моря — лазоревый.

Это был город богатых морских извозчиков. Они отдавали свои корабли под извоз и «принимали риск за товар». Возили товары дорогие, иногда галера подымала товар на миллион рублей золотом.

За фрахт брали три процента стоимости груза. Ссуды под товары выдавали банки.

Специальностью города и была торговля солью.

На островах рано завелось ремесло, имелись литейные заводы, шерстопряды, ювелиры, красильщики. Венецианцы славились умением красить материалы в пурпуровый цвет.

Прославились венецианцы и своим стеклом.

Это был торговый город. Каждый человек, построивший дом, считался владельцем места. Впрочем, строить дом имел право только гражданин Венеции, а граждане были внутренние и внешние. Недавно приехавший человек имел право жить внутри города, но не имел права торговать под венецианским флагом.

Венецианский гражданин, прежде чем забить сваи фундамента, должен был преподнести дожу пару перчаток из оленьей кожи, как знак своего вассального подчинения городу. После этого он мог строить дом. Дома были деревянные, крытые соломой и дранкой. Ночью каналы перегораживались железными цепями.

На островах узенькие переулочки иногда расши-

рялись в лужайки, на лужайках паслись коровы и козы.

Площадь св. Марка была покрыта травой и обсажена деревьями. Ее называли садом.

По городу ходили нахальные свиньи, принадлежащие монастырю св. Антония. Считалось, что они находятся под непосредственным покровительством святого. Сохранились рассказы о том, как жестоко наказывал святой людей, которые хотели отведать свинину, принадлежащую ему. Была даже пословица, которую мы знаем от Франко Саккети: «Шуги со слугами, но оставь святых в покое». Эта пословица заканчивала рассказ о том, как один человек приказал убить свинью св. Антония, но свинья бросилась к нему на кровать, искусала его, отбилась от стражи и ушла.

Корабельное пристанище

Над крышами домов видны были мачты и реи бесчисленных мелких морских судов.

Это была родина и одновременно гостиница кораблей, которые ходили по морям и торговали чем угодно — железом, серебром, стеклом и военной помощью.

Были у Венеции города соперники. Соперничал с Венецией Амальфи, но этот город был разрушен пизанцами.

Лагуны спасли Венецию. Корабли Венеции помогали Византии, и в 1085 году Венеция получила за это новые привилегии, владения и даже специальный квартал в самом Константинополе.

Теперь соперниками Венеции были Пиза и Генуя. Когда крестоносцы начали поход на богатый Восток, на Египет и Палестину, когда началось завоевание во имя гроба господня, венецианцы предложили свои услуги по перевозу войск.

Крестоносцы не имели денег на оплату перевоза, и дож предложил тогда вместо платы помочь усмирить город Зару, восставший против Венеции.

Крестоносцы согласились. Во время осады Зары оказалось, что еще выгоднее — напасть на Констан-

тинополь. Крестоносцы и венецианцы сперва взяли Константинополь во имя греческого царя Исаака, потом отбили город у него. Константинополь был разграблен.

Четырех коней из вызолоченной меди, которые стояли на гипподроме, увезли в Венецию и поставили на фронтоне церкви св. Марка. Они и сейчас стоят там.

Хотели даже перенести центр государства в Константинополь. Но лагуна была безопаснее.

Теперь у Венеции остался один соперник — Генуя. Генуя и Венеция воевали в продолжение шестидесяти лет. Они нападали на флоты, боролись в Крыму и в самом Константинополе.

Братья Поло оставляют Константинополь и едут в Крым

Город Константинополь стоит на проливе, соединяющем Черное море со Средиземным. Город богат, хотя и разрушен. Он огражден высокой крепкой стеной и представляет по виду своему как бы треугольник. Внутри города много холмов и долин. Самая населенная часть города ближе к морю. На противоположной стороне Золотого Рога — город генуэзцев. Он имеет два наименования: Пера и Галата.

В Константинополе три тысячи церквей, и греки зовут его не Константинополь, а Истамболи. Здесь братья Поло жили уже шестой год, оставив семьи в Венеции. Латинянин Болдуин II¹ еще был императором в Константинополе. Но генуэзцы уже готовили восстановление на престоле греческом Михаила Палеолога², из старого знатного дома. Заговор зрел, и переворот ожидался к лету. Братья Поло, имеющие на гербе изображение трех галок, готовились к перелету. Купцы прощались с Галатой.

В городе базары, рынки, лавки. На перекрестках колодки, в которые сажают людей за нарушение городского распорядка.

Вне города, между стеной и морем, тоже лавки.

Пера — город маленький, совсем новый, с хорошими стенами. Стена идет вдоль моря у самого берега, потом поднимается на холм, и на самом верху стоит большая башня, откуда смотрят и стерегут город.

Пролив узок и служит гаванью для обоих городов. Любой корабль может подойти к самой стене и положить мосток на землю.

Город богат, а был богат еще больше.

В городе собор св. Софии с мозаикой и медными воротами. Перед церковью каменная высокая колонна, на колонне медная лошадь на полном скаку. Лошадь только одной ногой касается колонны. Чтобы лошадь не упала, она расчалена со всех сторон железными цепями.

Гипподром, где бывают конные состязания, огромен, весь из мрамора. Здесь остался постамент от тех лошадей, которых увезли венецианцы в Венецию.

В городе беспокойно: венецианцы, генуэзцы, греки нападают одни на других и на корабли, ссорятся в лавках и на базарах.

Черное море также беспокойно.

Про него говорят, оно бурно потому, что окружено со всех сторон большими высокими горами и нет у него другого выхода, кроме того пролива, что возле города Пера.

Много рек вливается в это море, и море все кипит и ходит кругом.

Так рассказывали встарину о круговом течении, которое действительно существует в Черном море.

Северный и северо-западный ветер перерезает это море и леденит корабли. Море бурно.

По этому морю, оставив Константинополь, братья Полоплыли к Крыму, к великому порту, одному из самых знаменитых портов земли — Судаку³.

Азовское море, которое считали тогда разливом реки Тан (Дон), принадлежало генуэзцам.

Отсюда шла драгоценная икра.

Судак, который русские называли Сурож, откуда осталось у нас в языке название «сурожские товары», принадлежал венецианцам. Генуэзцам принадлежала Кафа, на месте нынешней Феодосии, но они не имели права торговать на участке от Солдайи (Судак) до Кафы и оставаться в Солдае больше трех дней. Кафа же славилась невольничьим рынком.

Генуэзцы держали при себе наемные войска, которые назывались оргузии. Слово это происходит от арабского слова «оргузил», и от него происходит испанское слово «альгвазил» и русское «ярыга» — ярыжка. Оргузии исполняли роль полиции.

Отношения генуэзцев к татарам были полувассальные, и в 1380 году, 8 сентября, им пришлось даже участвовать в «несчастнейшей, как они говорили, битве против русских».

Они входили подсобным отрядом в войска Мамая.

В Судаке братья Поло имели дом. Впоследствии, когда дела в Крыму сильно запутались, они отдали его в собственность одному монастырю.

Около самого Судака находился город Солхат⁴, нынешний Старый Крым на Симферопольском шоссе. Город этот был так велик, что всадник едва мог обехать его на хорошем коне в половину дня.

Мечеть этого города внизу была покрыта мрамором, наверху порфиром.

Караваны собирались в Судаке. Из Судака и из Тапы, которая стояла на месте нынешнего Азова, шли они в Китай.

На наши деньги путешествие от Судака до Китая стоило около двух тысяч рублей золотом на чело-

века, да к этому еще нужно было прибавить рублей полтораста на голову вьючного скота. В повозки запрягалось по три верблюда, и повозка весила тридцать кантаров гемуэзского веса. Так сообщает об этом купец Пеголотти.

Нужно купить крытые русские повозки.

Повозки эти запряжены волами и на обратный путь обыкновенно захватывали соль.

В повозки накладывали провизию, товар и даже тюфяки для ночлегов.

От Тана до Сарая 25 дней на быках, да еще 12 дней в кибитке.

Отсюда один день вверх по воде до Сарая, столицы хана, оттуда на реку Яик 8 дней. Оттуда 20 дней до столицы Хорезма на Аму-Дарье. Оттуда 35—40 дней до Фараба в Туркестане.

От Фараба до старой Кульджи 45 дней караваном.

Потом 17 дней до Хами и еще до Желтой реки 45 дней верхом.

Везти лучше всего полотно до Хорезма (Хивы). В Хиве обменять на серебро, и серебро везти в Китай.

Братья Поло в Китай не поехали. Это было далеко и сейчас не нужно. Они решили сделать более близкую поездку на реку Тигри, которую мы теперь называем Волгой.

Меха были тогда одним из самых драгоценных товаров.

Россия платила хану дань мехами, значит, ближайшее место для покупки мехов была ханская ставка, недалеко от слияния Камы и Волги.

Монах Плано де Карпини рассказывает о татарах и как они сражались

По широкому степному коридору с края земли, оттуда, откуда не приходили никакие вести, двигались татары. Они шли из глубины к морю.

Трудно даже описать ужас, который овладел тогда миром.

Писали о татарах, что они не похожи на остальных людей, ни скулами, ни щеками, ни одеждой, что у них нет закона о справедливых деяниях, и им не запрещен никакой грех. Грехом считается у них только прикоснуться к огню ножом или извлекать ножом мясо из котла, или рубить топором около костра и ранить этим огонь. Грехом считается у них опираться на плеть, ударять лошадь уздой и мочиться в ставку. Грехом считается выплюнуть пищу, мыть платье и собирать грибы, все остальное для них безразлично.

Они идут, увлекая за собой народы. Во время верховой езды переносят великую стужу. Они неутомимы, потому что всегда имеют запасных лошадей.

Они едят все, что можно разжевать, и убивают всех, кто им сопротивляется.

Во главе их идет некто, которого называют Чингиз. Они завоевали народ, называемый китаи¹.

Рассказывали даже, что татары завоевали народ,

который имеет одну руку и одну ногу и бегает колесом. Так говорил монах Плато Карпини².

Он проехал через земли татарской орды в 1246 году.

Когда шли татары, то оказалось, что в пожаре, который они зажгли, стали ясно видны границы мира; впервые люди услышали о том, что такое Китай.

В том месте из книги Карпини, которое я сейчас приведу, правильно рассказано о завоевании татарами Северного Китая и о том сопротивлении, которое оказали им на юге Китая.

«И когда он несколько отдохнул, то, созвав всех своих людей, двинулся равным образом на войну против Китаев и, после долгой борьбы с ними, они покорили большую часть земли Китаев, императора же их заперли в его главном городе. Они осаждали его так долго, что у войска нехватило с'естных припасов, и, когда у них не было вовсе, что есть, Чингизхан приказал им, чтобы они отдавали для еды одного человека из десяти.

Жители же города мужественно сражались против них при помощи машин и стрел, и когда не стало хватать камней, то они вместо камней бросали серебро, и главным образом серебро расплавленное, ибо этот город был полон многими богатствами.

И после долгого сражения, не будучи в состоянии одолеть город войною, татары сделали большую дорогу под землею от войска до середины города и, открыв внезапно землю, выскочили, без ведома тех, в середине города и сразились с людьми того же города; и те, которые были вне, таким же образом сражались против горожан; разбив ворота, вошли в город; убив императора и многих людей, завладели городом и унесли золото, серебро и все его богат-

ства и, поставив во главе вышеназванной земли Китаев своих людей, вернулись в собственную землю.

И тогда впервые, после победы над императором Китаев, вышеназванный Чингиз-хан сделался императором.

Все же некоторую часть земли Китаев, как расположенную на море, они никоим образом не одолели вплоть до нынешнего дня.

...Бороды у них нет, и в очертании лица они очень схожи с монголами, однако они не так широки в лице; язык у них особый; в целом мире нельзя найти лучших мастеров во всех тех делах, в которых обычно упражняются люди.

Земля их очень богата хлебом, вином, золотом, серебром и шелком, а также всеми вещами, которые обычно поддерживают природу человеческую».

Рассказывает дальше Плано Карпини, что татары победили куманов (половцев) и покорили малую Индию. Разные истории он рассказывает, чтобы пробудить у европейцев волю к сопротивлению. Ужасна судьба побежденных:

...«Совершив это, они вступили затем в землю турков, которые суть язычники; победив ее, они пошли против России и произвели великое избиение в земле России, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей России, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что; едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве...

Возвратившись оттуда, они пришли в землю Мордванов, которые суть язычники, и победили их войною. Подвинувшись отсюда против Билеров, то есть великой Булгарии, они и ее совершенно разорили. Подвинувшись отсюда еще на север против Баскарт, то-есть великой Венгрии, они победили и их.

Выйдя отсюда, они пошли дальше к северу и прибыли к Паросситам*, у которых, как нам говорили, небольшие желудки и маленький рот; они не едят мяса, а варят его. Сварив мясо, они ложатся на горшок и впитывают дым и этим только себя поддерживают; но если они что-нибудь едят, то очень мало.

Продвинувшись оттуда, они пришли к Самогедам; а эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей**.

Кто такое паросситы, разгадать трудно, они упомянуты рядом с самоедами.

Побуждать людей к сопротивлению было нужно, потому что татары очень искусные противники. Против нестройных европейских войск они имели организованную армию. Вот что пишет Плато Карпини:

«О разделении войск скажем таким образом: Чингиз-хан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников был поставлен один, который называется ты-

* В примечаниях к книге Карпини, составленных И. Малеинным о паросситах, сообщается следующее: «финские племена, жившие в Пермской и Вятской губерниях».

** Плато де Карпини. «История монголов», 1911 г., стр. 25—26.

сячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них тьма.

Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному.

Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же если один или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются.

Оружием татары тоже превосходили европейцев. Каждый из них имел: «два или три лука, или, по меньшей мере, один хороший, и три больших колчана, полные стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия».

Татары умеют переходить реки, и вот что об этом рассказывает монах:

«Когда же они добираются до рек, то переправляются через них, даже если они и велики, следующим образом: более знатные берут круглую и гладкую кожу, на поверхности которой они кругом делают частые ручки, в которые вставляют веревку и завязывают, так что образуют в общем некий круглый мешок, который наполняют платьями и иным имуществом, и очень крепко связывают вместе; после этого в середине кладут седла и другие более жесткие предметы; люди также садятся в середине.

И этот корабль, таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть

вперед наравне с лошадью человека, который бы управлял лошадью.

Более бедные имеют кошель из кожи, крепко сшитый, всякий обязан иметь его. В этот кошель, или в этот мешок, они кладут платье и все свое имущество, очень крепко связывают этот мешок вверху, вешают на хвост коня и переправляются, как сказано выше».

В дальнейшем в описании Марко Поло читатель, вероятно, будет удивляться многочисленности татарских армий. Это объясняется тем, что татары увлекали за собой побежденные народы.

«Перед лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь татары. Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видали их противники, и таким образом окружают противников и замыкают в середину; и таким образом они начинают сражаться со всех сторон. И хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много» *.

Для того, чтобы сопротивляться татарам, нужно было принять их тактику. Плано Карпини поучает своих современников:

«Ряды надлежит подчинить, подобно татарам, тысячникам, сотникам, десятникам и вождям войска. Эти вожди никоим образом не должны вступать в сражение, как не вступают и их вожди, но должны смотреть за войском и поддерживать порядок.

Они должны также установить закон выступать на

* Плано де Карпини, «История монголов», 1911 г., стр. 28, 30—31.

войну одновременно или иначе, смотря по тому, как они построены, и всякий, кто покинет другого, или идущего на войну, или сражающегося, или всякий, кто побежит, если не отступают все вместе, должны быть подвергнуты тяжкому наказанию, так как тогда часть воюющих татар преследует бегущих и убивает их стрелами, а часть сражается с теми, кто остается, и таким образом приводятся в замешательство и подвергаются избиению и остающиеся, и бегущие. И равным образом всякий, кто обратится к собиранию добычи, раньше чем войско противников будет окончательно побеждено, должен быть подвергнут самой тяжелой пене. Ибо у татар такого человека убивают без всякого сострадания».

Надо было также привлекать к себе пленных.

«Вместе с ними в войске есть много таких, которые, если улучат удобное время и получат уверенность, что наши не убьют их, будут сражаться с ними, как сами сказали нам, изо всех частей войска, и причинять им больше зла, чем другие, являющиеся их сильными неприятелями.

Все это, написанное выше, мы сочли нужным привести только, как лично видевшие и слышавшие это, и не для того, чтобы учить лиц сведущих, которые, служа в боевом войске, знают военные хитрости. Именно мы уверены, что те, кто опытен и сведущ в этом, придумают и сделают много лучшего и более полезного. Однако они получают возможность, благодаря вышесказанному, иметь случай и содержание для размышления. Ибо сказано в Писании: «Слыша, мудрец будет мудрее, и разумный будет обладать кормилами»*.

* П л а н о д е К а р п и н и. «История монголов», стр. 40, 43.

Потом оказалось, что татары, слив в одно царство земли от океана до Крыма, пропускают торговые караваны и не убивают купцов.

Оказалось, что торговля с татарами выгодна.

Первым товаром были русские рабы, которых покупали в городе, ныне называемом Старым Крымом, около Судака, у подножья горы Агармыш и в Кафе (Феодосия).

Оказалось, что татары не только продают, но и покупают.

Вести пришли из Крыма, где на южном берегу стояли фактории и замки, принадлежавшие купцам всех народов. Дошли эти вести до Венеции.

В стране на Великой реке

Перед поездкой братья осведомились о делах. Оказалось, что великий хан сохранил под собственным управлением восточные и северо-восточные провинции, те места, которые мы сейчас называем Манчжурией, Кореей, Северным Китаем, Монголией, Тибетом, те места, где сейчас находятся республики Таджикская, Узбекская, Туркменская.

Хан захватил Кашмир и часть Гималаев.

Ханы северо-запада владели землей от Невы до Аральского моря и от тундры до Крыма и Кавказа, а в сторону Европы — до Дуная и Карпат.

В Сибири были свои собственные ханы.

Афганистан, Персия, Белуджистан, Закаспийские земли, а также восточная половина Малой Азии принадлежали другой отрасли Чингизова рода.

И, наконец, существовало ханство, включающее в себя большую часть нынешнего Узбекистана и китайского Туркестана. Границы его лежали на Амударье, Аральском море, озере Балхаш и дальше шли по Алтаю.

Границы были непостоянны. Ханства создавались и распадались.

Братья поехали к ближайшему хану — хану Бер-
се. Его ставка была на Волге.

В пути к братьям пристал попутчик, венецианец Дудже.

Ехали медленно. По дороге встречали замки. Всего путешественники проехали мимо сорока замков. Почти в каждом замке был другой язык или наречие. Были замки генуэзцев, венецианцев, греков, в некоторых жили готы², язык которых был один из германских. Готы сперва занимали южно-русские степи.

В Крыму готы жили с III века и первоначально владели всем полуостровом, но постепенно они были оттеснены к южной горной части Крыма между Судаком и Балаклавой.

Здесь сохранилось около трех тысяч готов, которые одновременно находились в зависимости от Восточной Римской империи и от половцев, а затем от татар.

Купцам Поло пришлось вести с ними дела. Готы, с одной стороны, теснились генуэзцами, с другой — татарами.

У готов можно было получить сведения о русском рынке.

С русскими у готов всегда были оживленные сношения. Князь Владимир киевский, которого называли «святым», говорил по-готски. Готы по отношению к половцам вероятно играли роль контрагентов, переправлявших половецкие товары и то, что половцы добывали на Руси, на морские пути.

В «Слове о полку Игореве» сказано:

«На реке Каяле свет во тьму превратился, рассыпались половецкие по русской земле, как леопарды из логовища вышедшие, погрузили в бездну силу русскую и предали хану их великое буйство. Уже хула превзошла хвалу, уже насилие одолело вольность,

уже филин спустился на землю, раздаются песни готских красных девиц по берегам моря синего, звеня русским золотом, воспевают они времена Бусовы, славят мщение Шураканово».

Шуракан был половецкий князь.

Этим местом «Слова о полку Игореве» интересовался Карл Маркс.

Палатка монгольского хана во время похода

По рисунку XIX века, приведенному в книге Юла

Дорога шла по равнине, наполненной источниками и ручейками.

Дубовый лес охранял дорогу от ветра.

Рассказывали, что в этих местах разбитые татарами бежали куманы, называемые у русских половцами.

Куманов было так много, что они сперва ели древесный лист и древесную кору, а потом пожирали друг друга.

У ворот готских замков, там, где жили купцы данники, умерли с голоду прежние хозяева — куманы.

Другая часть куманов убежала в Венгрию, где до сих пор одна из провинций зовется Кумания.

Теперь куманов уже не было. В Крыму жили татары. В замках сидели купцы, разно говорящие, торгующие разными товарами.

Начиналась степь. Степь сузилась, начались соленые озера.

Здесь лежали кучи соли. Русские брали соль и платили со всякой нагруженной повозки по два куска материи, как пошлину.

Сюда же приходили за солью корабли.

На самом перешейке был вал и ров, называемый Перекоп.

Здесь стояла застава.

Отсюда медленно идущие повозки братьев вступили в мир иных отношений.

В степи жили люди в юртах, поставленных на колеса. Юрты покрыты белым войлоком. Некоторые юрты так велики, что имели до 30 футов в ширину. Их везли с места на место, не разбирая, и расстояние между колесами повозок было 20 футов.

Когда дом был на повозке, он выдавался за колеса по крайней мере на 5 футов с той и другой стороны.

Двадцать два вола, запряженные в два ряда, тянули эту повозку. Ось повозки была как мачта корабля. Ехали повозки, нагруженные сундуками, повозки, запряженные верблюдами.

Венецианцам интересно было останавливаться у баев, говорить с ними через переводчиков о ценах на рабов, шерсть и воск.

Купцов угощали кумысом.

Когда пил господин, то при каждом глотке, один из слуг восклицал громко «га!»

Кумыс предлагали настойчиво, и когда хотели побудить кого-нибудь к питью, то хватали его за уши и сильно тянули в стороны, чтобы, как говорили, расширить горло.

Но ушей венецианцев никто не касался, потому что они были в этой стране чужеземцы.

Здесь ели сушеное мясо, высушенное без соли, но не дающее никакой вони. Мясо ели разрезанным на куски, вместе с водой и солью, потому что не знали другой приправы.

Между тем страна была богата. Ткани шли сюда из Китая, из Персии, а из России и других северных стран шли меха такие драгоценные, что венецианцы не могли оторвать от них глаз. У богатых было по две шубы, бедные носили шубы из собачьих и козьих шкур.

Ехать было все же трудно, потому что в ответ на угощение кумысом приходилось угощать сухарями и давать вино, которое нужно было венецианцам для дороги самим.

Переплывали широкие реки.

На маленькие лодки ставили повозки так, что правые колеса были в одной лодке и левые в другой.

Ехали дальше.

Ночевали в степи и тайно мыли у рек платье. Платье здесь никто не мыл, потому что боялись, что небо пошлет за это гром. Моющих платье здесь били.

Только посуду мыли кипящей похлебкой из котла и похлебку выливали обратно в котел.

Руки мыли, набравши воду в рот и мало-помалу выпуская ее в горсти.

Шли повозки, шли мимо курганов; на курганах стояли каменные женщины³, обращенные лицом к востоку. Перед пупком они держали чашку.

Это были могилы куманов, но куманы здесь уже не кочевали.

Степь была пройдена, начались леса, уже зеленые, потому что наступала весна — лучшее время для путешествия.

С высокого берега увидели, наконец, венецианцы великую реку.

За рекою, на противоположном берегу белели каменные дома, это был город Булгары⁴. Этот город в развалинах сейчас лежит на берегу Волги.

Спустились купцы к Волге, переплыли лодкой на остров и там, за этим островом, поросшим тополями и ивами, на песчаной горе увидели лежащий город. Было в нем во времена Поло всего только 500 домов и несколько мечетей. Город был обитаем преимущественно зимою, а летом жители его кочевали со стадами в полях. На зиму вокруг города ставились юрты, и город вырастал. Кроме каменных домов были и деревянные — из бревен, сколоченных деревянными гвоздями. Посредине города возвышалась круглая башня, до вершины которой было семьдесят две крутых ступеньки по внутренней неудобной лестнице.

Братья остановились в городе и на другой день принесли царю богатые свои товары.

Царь сидел на престоле, покрытом греческой парчей, по правую сторону от него находились подвластные ханы, по левую — он посадил купцов. Перед каждым гостем был поставлен отдельный столик, гостям дали мясо и медовое вино, которое называлось сычевкой. Разговор шел о камнях, о товарах.

Берке был любезен, взял весь товар и дал за него большую плату.

Братья Поло остались на Волге и провели год у Берке-хана.

Странно чувствовали себя купцы Поло первую весну.

Ночь так коротка, что если поставить вечером, когда в небе уже вечерняя заря, котел на огонь, то до утренней зари мясо не успевает свариться. Ночью в небе выходит совсем немного звезд, штук пятнадцать.

Заря не утихает, свет так велик, что можно видеть лицо человека на расстоянии выстрела из лука. Луна едва успевает появиться на горизонте, как уже блекнет перед утренним светом.

Ночь коротка. А дальше, на север, говорят, есть народ, называемый «весь», у которого ночь короче часу.

Для нас, северян, ночи на Каме не так уж и коротки. Для арабов они белы и чудесны. Арабские купцы ездили в город Булгары не только торговать, но и удивляться.

Они приезжали смотреть на розовое почти всю ночь небо.

Так ездят сейчас пароходами на Шпицберген.

Зимой, наоборот, ночи были бесконечны.

Виноградного вина не было.

Пили вино медовое, кумыс, а весной березовый сок.

Масла здесь нет, едят все с рыбьим жиром.

В банях мужчины моются вместе с женщинами.

За преступление наказывают, привязав человека за руки и ноги к четырем столбам и рассекая потом ему топором тело от шеи до бедра.

Торговля оживленная. Много можно купить товара в обмен на драгоценные камни, если этот товар мед, воск и рыбий клей и если не дорого платить за шкуры черных лисиц.

Прошла зима 1261—1262 года. Пора было возвращаться в Судак.

Но тут разразилась война между старшей и младшей ветвями Чингизова дома, т. е. между Кипчакским ханом Берке и персидским ханом Хулагу⁵.

Дудже, спутник братьев Поло, уехал в Москву. Москва была новым городом, куда перешла торговля из разоренного Киева. Торговала Суздальская Русь с генуэзцами, расположившимися в Тане на нижнем течении Дона. В Москве на посольстве были итальянцы. Римляне обучали москвичей лить колокола. Около Кремля появился сурожский ряд. Торговля здесь была выгодна, и венецианский гражданин Дудже здесь задержался.

Аксаков в биографии Ф. И. Тютчева говорит, что этот Дудже был родоначальником дворян Тютчевых.

О стране меха, которую мы называем Сибирью, и о стране, называемой Россия

Зима была долга. Дуло, мело. Замерзла большая река. Сидели люди у огня, рассказывали, торговали.

Рассказывали больше о том, как добывают шкуры, рассказывали много, потому что рассказы увеличивают цены. Шкуры идут издалека, из стран, где, как говорят, совсем нет лета.

Шкуры есть у племени самоедов, и эти люди живут только охотой. Палатки и платья их также сделаны из шкур зверей. У океана, говорят, живут чудовища, ноги у них — ноги быков, голова человеческая, а лицо, как у собаки.

Два слова они говорят по-человечески и лают потом, чтобы отдохнуть.

Люди, которые то говорят, то лают, — это вероятно люди, знающие только несколько слов на чужом языке.

Там есть страна, в которой снег не сходит и люди ездят на собаках.

Говорят, что там так холодно, что действительно солнце не решается выходить в небо из-за мороза, и там есть дыра в земле, и оттуда дуют ветры.

Живет там царь Канчи¹, Чингизова племени. У людей нет ни городов, ни замков. Питаются они говядиной и молоком, хлеба у них нет никакого. Водятся там соболи и горностаи.

Эта дурная страна длится на тридцать дней пути, царь построил там дома у дороги.

Какая там дорога?

Лед и грязь. На колесах там не ездят, и сделали тамошние жители род повозок без колес, с гладким дном, впереди загнутым в виде полукруга. Впрягают они в эти сани — так зовут эти повозки — по шесть больших собак и едут, и погоняют. Ловят они зверей капканами.

Страна эта очень далеко; там так темно, что не только не видно солнца, но даже луна и звезды не видны в сумраке.

Между миром и этой страной лежит великая Россия, в которую уехал Дудже.

Россия большая страна на севере, живут там христиане и даже имеют собственный свой язык. Народ там простодушный и красивый, женщины белы и белокуры. Страна эта еще не торговая, но есть и в ней дорогие меха. Самый жестокий холод на свете — в России; трудно от этого холода укрыться. Страна идет до океана, на океане острова с птицами, на океане льды. От России было бы близко до Норвегии, но из-за льдов и холода дойти туда невозможно. Хорошо было бы поехать в Москву, но холодно и далеко. Вывозят из России воск и шкуры, а также рабов, лучших по сорту.

В эти годы шла в России поголовная перепись, от которой не могли освободиться даже новгородцы.

«Окаяннии, говорится в летописи, изочтоша всю землю русскую, токмо не чтоша игуменов».

О битве у Дербента, которая помешала купцам вернуться на родину

В 1261 году, когда Матвей Поло и Николай Поло были в городе Булгарах, а Марко Поло жил еще с матерью в Венеции, на острове Риальто, учился стрелять из лука и гонял свиней св. Антония, в этом году произошла великая распря между Хулагу, царем восточных татар, и Берке, царем запада.

Хулагу, восточный царь, боролся с Берке за богатые земли Азербейджана. Ждал Хулагу врага у Дербентских ворот, у заставы, а по-татарскому «калуги» Дербентской. Застава эта находится между горами и Каспийским морем. Это та страна, рассказывал потом Марко Поло со слов дяди, через которую Александр Македонский¹, идя на Запад, не мог пройти, потому что дорога здесь узка и опасна. С одной стороны море, с другой высокие горы. Между горами и морем дорога очень узка, несколько человек здесь могут устоять против всего света.

Александр пройти здесь не смог и выстроил башню и закрыл проход, чтобы враг не напал на него сзади. Место это он назвал Железными Воротами.

В романе об Александре говорится, что в этом месте, между двух гор, Александр заключил татар,

но то были не татары, а куманы, аланы и другие племена.

В древние времена здесь постоянно происходили передвижения народов. Хазары воевали с персами за этот проход.

Это место всегда охранялось. Еще писатели Рима говорили об Албанских воротах, на западном берегу Каспийского моря.

Слово Дербент персидское. «Дер» значит дверь, «бент» — преграда, застава. Дербент — значит «врата заставы» по-персидски. У арабов это место называлось Баб-уль-аб-вап, т. е. главные ворота, или же Баб-уль-Хаид — железные ворота. Турки называли это место Тамир-Капысы — железные ворота. Вспомним, что море мы называем Каспийским. Грузины называли это место Дэгвиз-Кари — морские ворота. Вот здесь и бились татарские рати.

Место здесь горное, в ущельях — крепости, сражаться трудно. Море, которое здесь подступает к горам, называют Глевешелан. Сюда генуэзцы перетаскивали по рекам корабли и уже ездят по этому морю, возят отсюда шелк. Было за что сражаться.

Об этом месте подробно рассказывает Вильгельм де Рубрук², который прошел через Аланские и Лесгийские горы Железными Воротами.

«Аланы³ на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине, которая простирается между владениями Сартаха, Аланами и Железными Воротами, отстоящими отсюда на два дневных перехода, где начинается равнина Аркакка.

Между морем и горами живут некие сарацины,

по имени лесги, горцы, которые также не покорены, так что татарам, жившим у подошвы гор Аланов, надлежало дать нам двадцать человек, чтобы проводить нас за Железные Ворота. И я обрадовался этому, так как надеялся увидеть их вооруженными, ибо я никогда не мог увидеть их оружия, хотя сильно интересовался этим.

И когда мы добрались до опасного перехода, то из двадцати у двоих оказались латы. Я спросил, откуда они к ним попали. Они сказали, что приобрели латы от вышеупомянутых аланов, которые умеют хорошо изготавливать их и являются отличными кузнецами. Отсюда, как я полагал, татары сами имеют немного оружия, а именно только колчаны, луки и меховые панцыри. Я видел, как им доставляли из Персии железные панцыри и железные каски, а также видел двоих, которые представлялись Мангу вооруженными в выгнутые рубашки из твердой кожи, очень дурно сидящие и неудобные.

Прежде чем добраться до Железных Ворот, мы нашли один замок аланов, принадлежавший самому Мангу-хану, ибо он покорил ту землю. Там впервые нашли мы виноградные лозы и пили вино.

На следующий день мы добрались до Железных Ворот, которые соорудил Александр Македонский. Это — город, восточная оконечность которого находится на берегу моря, и между морем и горами имеется небольшая равнина, по которой тянется самый город вплоть до вершины горы, прилегающей к нему с запада; таким образом, выше нет никакой дороги из-за непроходимых гор, а ниже нельзя пройти по причине моря, и дорога лежит единственно прямо по середине города поперек, где находятся Железные Ворота, от которых назван город.

Он имеет в длину более одной мили, а на вершине горы стоит крепкий замок; в ширину город простирается на полет большого камня. Он окружен крепчайшими стенами без рвов, с башнями, построенными из больших обтесанных камней. Но татары разрушили верхушки башен и бойницы стен, сравнив башни со стеною.

Внизу этого города земля считалась прежде за настоящий рай земной.

На два дня пути отсюда мы нашли другой город, по имени Самарон⁴, в котором живет много иудеев. Когда мы проехали через него, то увидели стены, спускающиеся с гор до моря»^{*}.

И так сошлись люди у калуги Дербентской. Триста пятьдесят тысяч конных было у Берке. Триста тысяч было у Хулагу. Собрал Берке сотников и тысячников и сказал...

А что сказал, я передам, но не скажу за верное, потому что никто этого не знает. Книгу Марко Поло записал сосед по гонуэзской тюрьме Рустичиано, пизанец.

Рустичиано писал романы, романы читали тогда все, много старых романов находилось в библиотеке собора св. Марка.

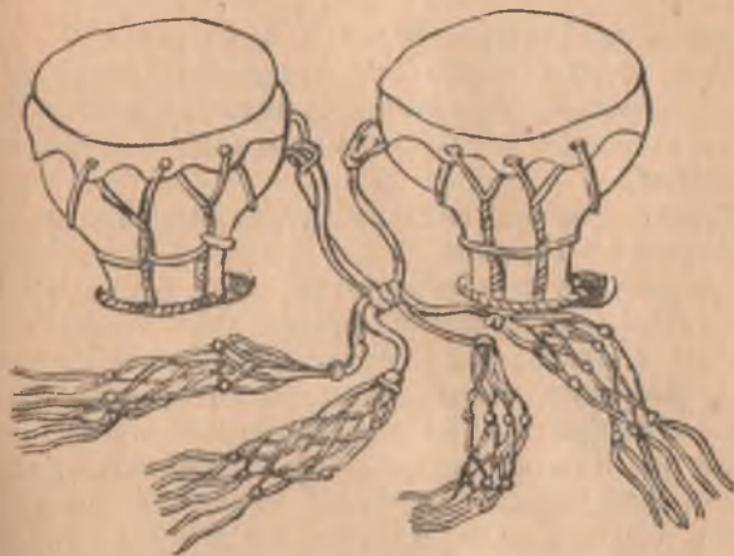
Это — романы о рыцарях, говорящих речи, о герцогах.

В конце книги Марко Поло устал спорить со своим секретарем, и начал Рустичиано писать его книгу как роман, сам от себя.

«Знайте, что великий и сильный Хулагу хочет драться с нами; и неправ он, потому что, воистину,

^{*} Вильгельм де Рубрук. «Путешествие», стр. 170—171.

Вот что: правда на нашей стороне, а на его неправда, а поэтому всякий да будет уверен, что мы победим; вот еще что должно вас поддерживать — людей у нас больше, нежели у него. И так как мы пришли сюда драться издалека, то через три дня хочу я дать сражение; станем действовать умно и в порядке, чтобы дело наше шло от хорошего к лучшему. Умоляю, как умею, всех быть храбрыми и действовать

Накар

По современному китайскому рисунку

так, чтобы весь свет о нас заговорил. Больше этого не хочу говорить; прошу всех в назначенный день быть готовыми, действовать умно и быть храбрыми...

Замолк тут Берке и не сказал больше ничего».

Так записал татарскую речь по-французски романист из города Пизы, Рустичиано, со слов венецианца Марко Поло, который узнал об этом от своего дяди.

Известно одно.

С обеих сторон забил накар⁵. Воины начали бить нагайками в малые барабаны у седел, и конные рати начали сходитьсь. Стрелы затмили солнце, и не переставали люди пускать стрелы до тех пор, пока не опустели колчаны. Тогда взялись за сабли. Гроза началась во время боя, и люди не услышали грома. Шел бой, и черепа людей обратились в подковы для коней.

Повернулись татары Берке и побежали.

Умели татары сражаться отступным боем, завлекая противника, но храбро сражались войска сына Хулагу Абаги, и обратилось притворное отступление в истинное.

Было это зимой, гнался Хулагу и разграбил лагерь Берке за Терекком.

Во время грабежа вернулись люди Берке и напали на Абагу. Побежали войска Абаги к Тереку. Гнались за ними люди Берке, сражались на льду.

Под копытами коней вскрылась река, начался ледоход, и множество воинов потонуло.

Жгли на берегах трупы убитых. Воины после поражения рассеялись. Отряды Берке вернулись к темным лесам России и принесли туда песню:

Ой, дербень, дербень калуга,

что значит

О, застава Дербента!

Вот, что узнал я из книги достопочтенного Юла, лучшего исследователя жизни Марко Поло.

К великому хану

Берке увел свои отряды за Волгу. За Волгой было и раньше беспокойно: грабили татары, грабили русские, нападая на путников, чтобы достать пищу и лошадей. Нужно было что-то решать, и братья решили ехать в столицу к хану Хулагу, в Бухару.

Не станем описывать весь путь, потому что он будет описан впоследствии Марко Поло.

Шли братья-купцы шестнадцать дней в пустыне, не встречая ни городов, ни крепостей. На семнадцатый день увидели они глиняные высокие стены благородной Бухары. Кладбище лежало перед городом. Город начинался узкими проходами, караван-сараями, синими куполами мечетей с изразцовыми входами, верблюжьим криком караванов, прохладой деревьев над зелеными прудами. Быстрые арыки бежали по улицам. Посреди города стояла вторая крепость на высокой горе. Персы, индусы, татары, евреи в черных халатах, китайцы толпились в городе. Здесь был большой рынок. Город Бухара был лучшим городом в Персии. Он стоял среди оазисов, в стороне от реки Заравшан.

Рассказывают, что однажды пошло бухарское вой-

ско в далекие земли воевать. Хан победил врагов и позвал поэта.

Поэт должен был воспеть славу на персидском языке.

Ханы были тюрки, но города были персидские и ханы быстро переняли персидскую речь. Персидские поэты воспевали им славу. И персидские архитекторы строили дворцы.

Хан был уже не из тех ханов, которым достаточно, чтобы слуга кричал «га!» при каждой выпитой чашке кумыса.

Но поэт-перс не запел славу, он запел о звоне реки Заравшана в оазисе Согд. Он так запел, что хан почувствовал тоску по родине, выбежал из палатки без туфель, сел на лошадь и двинул войска обратно к Бухаре, бросив шатер.

Так хороша была Бухара, город купцов, архитекторов, судей и поэтов.

Здесь проторговали братья три года.

Лучший фарфор в Бухаре из Китая.

Шелк идет из Китая. Из Китая идут золотые вещи.

Про женщину говорят, что она красива, как китаянка.

Нехорошо купцу покупать товар из вторых рук.

Товар нужно покупать там, где он дешев, там, где умеют ткать ткань, обжигать белую глину.

Говорят про китайских мастеров, что у них два глаза, а у франков только один.

В Бухаре было в это время посольство великого хана Кубилая¹, который был великим ханом над всеми землями, занятыми монголами, и жил сам в Китае.

С посольством поехали в Китай венецианцы.

Знали они, что заняли Китай монголы, что стоят их аулы около городов. Торгуют с городом мясом. Китайцам монголы не доверяют, а сами делать вещей не умеют и не умеют управлять завоеванной страной.

Поэтому хорошо в Китае у монголов сарацинам² и сирийцам-несторианам³, хорошо будет и венецианцам. Можно встать между завоевателями страны и умеющими хорошо работать китайцами.

И потом не все ли равно, куда ехать, если ехать вместе с посланниками и население по дороге будет давать корм и подставных лошадей.

Как ехали венецианцы в Китай, неизвестно. Можно думать, что посольство пошло через Самарканд, на Кульджу, а оттуда вышло на северную Тянь-Шаньскую дорогу.

Под стенами города Самарканда на лужайках наслись тяжелые боевые слоны.

Дороги пересечены быстрыми мутными арыками.

Вне города, на расстоянии выстрела, стояли две башни такой высоты, насколько можно бросить вверх камень; они были сделаны из грязи и человеческих черепов. Рядом было еще две башни из того же материала, поменьше.

Сады города полны фруктовых деревьев, от водоема к водоему — дороги из высоких и тенистых деревьев. Посреди этих дорог подымались крытые ходы, увитые виноградником на возвышениях, с которых можно было осмотреть все зеленое озеро сада. Путешественники остановились в ханском дворце со множеством комнат, отделанных золотом и лазурью и полированными изразцами.

Дворец стоял на насыпанном холме и окружен был рвом с водой.

Латники в шлемах и забралах из неширокой железной полосы, пересекающей лицо снизу вверх, охраняли дворец.

В саду раскинута палатки и навесы из цветных ковров и шелковых тканей, вышитых вставленными кусками. Такие ковры называем мы сейчас сюзане. Стены дворца убраны занавесами и шелковыми тканями розового цвета. Занавесы подхвачены серебряными и позолоченными бляхами, с изумрудами и жемчугом. Сверху вниз висят куски шелковой ткани, с шелковыми разноцветными кистями.

Легкий ветер дул через полутемные комнаты дворца, раскачивая кисти, и это было очень красиво.

Но еще лучше, говорят, дворцы в Китае, и нужно туда ехать.

Почтовая служба облегчала путь. Стояли на дорогах специальные дворцы для приезжающих. В эти дворцы вода привозилась из мест, до которых было сутки пути. Везде были лошади. А когда проезжали царские посланники, то они снимали седла со своих лошадей и клали на свежих. Этого мало: если у купца или посланника, или князя устанет лошадь дорогой, и они увидят другую, то он может заставить сойти человека с лошади и взять ее себе. И никто не смеет сказать — нет.

Не только одна эта дорога так снабжена лошадьми, но и вся земля.

Кубилай хотел получать в несколько дней вести со всех своих земель и ото всех границ.

Царь говорил, что пускай лучше придет к нему посланник или купец в два дня и заморит двух лошадей, чем придет в три дня на свежей лошади.

Дорога уставлена столбами, указывающими расстояние.

Посланные должны проходить не менее десяти лиг в день. Каждая лига около двух европейских миль. Но посланный проходит по пятнадцати и двадцати больших лиг в сутки. Если падает лошадь в месте населенном, то мясо продают жителям, а если лошадь падает в дороге, то ее бросают. Так ехали купцы с посланниками великого хана. Они переправлялись через мутные реки, пересекали оазисы, в которых уже созрел хлопчатник, дающий пух, похожий одновременно и на шерсть овцы, и на пух ивы.

Воля хана вела купцов. Жара не спадала и ночью, ветер был сильный и знойный.

Они шли через пески. Кони вязли, переходя через холмы, покрытые рябью так, как под водою рябо дно моря на мелях у венецианского Лидо. Редкие сухие тамариски встречались по дороге. За песками лежал город, весь в яблочных садах. Горы, покрытые снегом, стояли на горизонте.

Между яблочными садами и синим снегом темней синели густые еловые леса.

Длинные облака не плыли, а стояли у гор, там, где жара долины заставляла таять снега.

Трава была богата. Быстрая река разбивалась в прыках. Дальше шла дорога в горы. Серебряная гора с железными отвесами, с бесчисленными уступами и пиками, гора, описанная монахом Чань-Чунем⁴, который ехал с юга Китая к Чингиз-хану⁵, и больше никем не описанная, стояла перед венецианцами.

Камни крупнели, здесь невозможно было уже пройти ни колесам, ни коням со всадником. Люди спешили и вели коней за собой.

Сосны, прямые, как свечи, движущиеся от ветра и высокие, поднимались до неба одна подле другой.

Птицы смолкли. Пустынно и молчаливо. В синем небе голубым раскидистым пламенем плавилась в ветре хвоя.

На южных склонах было еще тепло, на северных венецианцы чувствовали холод, как-будто они были одеты не в шерсть, а в железо.

Острые скалы стояли вокруг. Нужно было молчать, потому что боялись обвалов. Ехали дальше. Ехали через поле, усеянное белыми костями, ехали снова через сто песчаных холмов и ночью обмазывали головы коней кровью, потому что боялись духов.

И снова шли горы, вдали были белы, как песок, а ближе оказывалось, что они покрыты снегом.

Шли дальше, уже не было людей кругом, целые дни проходили в молчании. Земля была как дно высохшего моря.

Через снега вышли из гор в степи. Во все стороны виднелись только желтоватые облака и блеклые растения. Потом встретили реку. Река текла через камни и песок, в ней почти не было воды, но она была радостью. Наконец, увидели людские обиталища, черные телеги и белые юрты.

Шли долго и, наконец, увидели стену длинную, как ночь в четырнадцать часов. Стена шла из дали и уходила в желтый туман пустыни. Она была из глины, склоны ее одеты камнем. Никто ее не охранял, потому что она воздвигнута была против степных кочевников, а многолы давно уже ее перешли.

Хан жил в летнем дворце недалеко от нынешнего Бейпина. Здесь купцы Поло отдыхали и долго учились, как войти к хану, не задевши за порог. Хан был занят и принял гостей не скоро.

Купцы меняют хозяина

Венецианцы осмотрели пестрый двор. Много странного видели здесь итальянские купцы. Золото и серебро здесь было как ничто, и кушанья приготавливали, сжигая полынь и сухой навоз. Несториане из Сирии, монголы, китайцы, армяне шумели вокруг дворца, и тому, кто ходил вокруг ханской ставки, нужно было знать не менее, чем четыре языка, только для того, чтобы отвечать на окрики стражи.

У дворца стояло серебряное дерево, кончающееся наверху четырьмя львиными головами и статуей ангела с трубой.

В честь прибытия посольства был дан пир.

Утром затрубил серебряный ангел наверху дерева и из серебряных пастей львов потек пенистый «умыс, медовое вино и рисовая водка.

Купцы познакомились с мастером-парижанином, который сделал это диво. Оказалось, что под корнями дерева устроен каземат, и там сидят люди, которые управляют ангелом и дуют в трубу, а вино по трубам идет из ханской кухни.

Марко Поло так писал о приеме купцов и о разговоре их с ханом.

«Пришли Николай и Матвей к великому хану, и принял он их с почетом, с весельем, да с пирами.

Обо многом он их расспрашивал, об императорах, о том, как они управляют своими владениями, творят суд в своих странах, как они ходят на войну, о королях спрашивал он их, о князьях и о баронах.

Рассказывали Николай и Матвей обо всем правду, по порядку и умно. Люди они были разумные и по-татарски знали».

Остались купцы при дворе Кубилая.

Был такой путешественник Афанасий Никитин¹. Ходил он из Новгорода за три моря, в Индию, и описал он Индию очень подробно.

Сказание свое записал Никитин в Новгородской летописи. А в конце записал что-то на непонятном языке.

Буквы славянские, а язык непонятен.

Недавно прочли его запись, оказалось, что кончается его сказание мусульманской молитвой на персидском языке. Переменил Никитин веру и даже расписался об этом тайно в церковной книге.

Люди ходили по большим дорогам по торговым делам, а не из-за религии.

Когда Иоанн Плано де Карпини в 1246 году пошел по поручению папы Иннокентия IV к татарам, то должен он был поговорить с великим ханом о том, не желает ли великий хан принять христианство. Ехал монах, видел поля, покрытые черепами, видел сожженный Киев, в котором едва осталось двести домов, видел русских, платящих дань татарам. Одну шкуру белого медведя, одну — бобра, одну — соболя, одну — черную лисью. Говорил монах о религии, а по дороге смотрел на то, как вооружены татары и как с ними воевать.

Об этом он и написал свою книгу.

После него поехал другой монах. Шел слух, что у татар есть уже христиане. Вот поехал в восточные страны Вильгельм де Рубрук из ордена францисканцев. Он ехал, как монах, был даже бос, согласно уставу ордена.

Ехал он, думая, что сын Батыея Сартах принял христианство.

Ехал он в 1253 году. И тоже разузнавал, как воевать с татарами, если нельзя взять их союзниками.

Теперь посылал купцов в Европу Кубилай.

Путь был ясен.

Если государи посылали монахов проверить военные пути, то почему не мог послать Кубилай купцов посмотреть пути на Европу и в Сирию.

Мунке-хан писал королю франков:

«Во имя вечной силы божией, во имя великого народа Моалов, это да будет заповедью Мангу-хана для государя Франков, короля Людовика и для всех других государей и священников, и для великого народа Франков, чтобы они поняли наши слова. И когда вы услышите и уверуете, то, если захотите нас послушаться, отправьте к нам ваших послов; и таким образом мы удостоверимся, пожелаете ли вы иметь с нами мир или войну.

Когда силою вечного бога весь мир от восхода солнца и до захода об'единится в радости и в мире, тогда ясно будет, что мы хотим сделать; когда же вы выслушаете и поймете заповедь вечного бога, но не пожелаете внять ей и поверить, говоря: «Земля наша далеко, горы наши крепки, море наше велико», и в уповании на это устроите поход против нас, то вечный бог, тот, который сделал, что труд-

ное стало легким и что далекое стало близким, ве-
дает, что мы знаем и можем»².

Это письмо было полно далекими угрозами.

Для Кубилая Европа была краем земли, бедным и неинтересным.

В Самарканде были свои обсерватории, люди смотрели на звезды и предсказывали солнечные затмения.

Итак, Европа была далека и сравнительно малоинтересна.

Интереснее была Палестина, через которую проходили караванные дороги, интересно было посмотреть, как борются христиане с арабами, а заодно интересно было пригласить несколько сот, или хоть сотню христиан-ремесленников, потому что не во всем можно было поверить китайцам, а в военном искусстве, в искусстве, например, разрушать стены, китайцы были совсем отсталым народом.

Дал Кубилай братьям Поло золотую дощечку, которая служила дипломатическим паспортом и сказал им: «Поезжайте к папе и скажите, что просит великий хан прислать к нему около ста христиан умных, во всех искусствах сведущих, чтобы они могли доказать идолопоклонникам, что идолам поклоняться не надо».

Но дело Кубилая было не в Риме, а в Палестине, и поэтому велел он братьям «привезти масло из лампы, что висит в храме у гроба господня в Иерусалиме».

Дал купцам Кубилай посла, сели все трое на коней и пустились в путь.

Ехали они с почетом, но дорога была трудная, не всегда было можно идти вперед, то из-за разливов рек, то по дурной погоде, то от снегов. Как ехали

царские посланники, полтора века позже рассказывает господин Рюи Гонзалес де Клавихо, который от испанского короля ездил ко двору Тимура в Самарканд в 1403 году.

«Обычай был такой, что когда приезжали посланники в какое-нибудь место, в город, местечко или селение, то сейчас распоряжались, чтобы принести много мяса, как для них, так и для тех, которые были с ними, и плодов, и овса столько, что хватило бы на втрое большее число; приводили людей, которые бы берегли посланников и вещи их день и ночь, и стерегли также их лошадей; и если пропадало что-нибудь, то управление того места, где они остановились, должно было заплатить за это.

Если жители места, куда они приезжали, в какое бы то ни было время дня и ночи, не сейчас приносили все, что нужно, то им давали столько ударов палками и кнутами, что нельзя было не удивляться. Или сейчас же посылали за старшинами города или места, куда они приезжали; их приводили к послам, и первым делом они требовали палок и прутьев и били их так безжалостно, что было удивительно, и говорили, что ведь они знают приказ царя оказывать всякие почести посланникам, когда бы они ни приехали, и приносить все, что им нужно; что они приехали с этими посланниками, а у них не было готово все, что нужно; так как они дурно исполняют приказ великого царя, то они заплатят сначала сами, а потом их имущество и городское управление; таким образом, им приходилось угадывать, когда должны приехать посланники, если всегда так делалось, как теперь.

Когда они приезжали в какое-нибудь место или город, прежде всего люди, которые провожали

посланников, требовали арраисов, что у них означает старшин: первого человека, какого встречали на улице, схватывали, навязывали ему на шею покрывало, снявши его с головы, — они имели обыкновение носить покрывало на голове, — и, сидя сами на лошадях, тащили его пешком и ударяли палками и кнутами, чтобы он показал, где дом старшины.

Люди, которые видели их по дороге и узнавали, что это царские слуги, догадавшись, что они являлись с каким-нибудь приказанием от царя, принимались бежать, точно будто дьявол гнался за ними; а те, которые были в своих палатках и продавали свои товары, закрывали их, тоже пускались бежать и запирались в своих домах, а проходя говорили друг другу: ельчи, т. е. посланники, так как уже знали, что с посланниками приходят для них черные дни; и так бежали, точно дьявол гнался за ними».

Так ехали и братья Поло по поручению хана.

Потом перешли послы границу татарского царства и попали в новое армянское царство. Здесь нужно было ехать медленней. Кругом стояли замки франкских баронов, тамплиеров³ и тевтонских рыцарей⁴.

Крестоносцы владели южным берегом Малой Азии и портами. Особенно славился порт Лаяса, который ныне называется Аяс.

Караваны из Аравии шли через Армению⁵ и здесь встречались с товарами Западной Европы. Сама Армения вывозила козий пух, лес, изюм, железо и коней, которые славилась во всем Ливане. Повсюду находились послы и представители генуэзцев, которые были освобождены от таможенных

сборов. На караванных путях генуэзцы имели свои фактории.

Венецианцы пользовались меньшими привилегиями.

Братья Поло здесь ехали, уже платя за лошадей, но все еще пользуясь именем послов Кубилая.

Из Лаяса послы прямо отправились в Сирию, которая называлась у арабов Ашшам, что значит левая сторона.

Палестина тогда цвела. Славилась она розовыми насаждениями у Иерусалима, апельсинами, оливковым маслом, бананами, миндалем, ранними сливами и посевами мака для опиума.

Рынки переполнены иностранцами. Очень дороги гостиницы и бани, но цены на провизию были терпимы.

В Иерусалиме, кроме дождя, своей воды не было. Город пил воду из цистерн.

Крестоносцы не были могущественными. Только замки были в их руках. С трудом они охраняли дороги. Они могли брать дань со страны, но не могли ею владеть.

Иерусалим, мощный каменными плитами, показался купцам душным и бедным сравнительно с китайскими деревнями. Только виноград был здесь превосходен.

В Иерусалиме братья не задержались, поехали в Акру, большой порт.

Акра была так значительна и важна, что мусульмане предлагали крестоносцам менять Акру на Иерусалим, когда впоследствии заняли этот город, но крестоносцы не согласились.

В Акре Николай и Матвей Поло узнали, что папа умер и вести переговоры как-будто не с кем. Их при-

нял папский легат, который представлял власть папы «во всем Египте».

Был тот человек с весом и звали его Теобальдом⁶ из Пьяченцы.

Выслушал он братьев и сказал, что нужно подождать, пока будет выбран новый папа.

Пока что нужно было ехать домой. Так братья и сделали.

Венеция за это время переменилась. Выросли каменные дома. Появились новые мосты. Корабли толпились в гавани.

Общее положение было тревожное.

Жена старого Матвея Поло постарела и не узнала мужа.

Жена Николая Поло, которую тот оставил дома беременной, умерла в родах. Сыну уже исполнилось 15 лет. Он говорил по-французски, умел стрелять из арбалета, знал цены на товары и никогда не видал сада больше, чем площадь перед церковью св. Марка, где деревьев было больше десяти.

Марко Поло младший появляется в нашей книге и начинает свое двадцати- шестилетнее путешествие

Марко Поло, сын Николая Поло, родился в Венеции, на острове Риальто, в 1254 году.

О том, как он рос, мы не знаем ничего. Вероятно, к пятнадцати годам он уже, как молодой венецианский гражданин, знал, что за столом нужно сидеть не скрещивая ноги и не опираясь локтями. Знал, что чашу с вином нужно брать обеими руками, что нельзя заглядывать в чужую тарелку, ковырять пальцами в зубах и дотрагиваться до края стакана большим пальцем. Все эти правила были тогда известны и несколько позднее их во Флоренции даже изложили в стихотворной форме.

Марко Поло в январе бросал снежки, потому что в январе иногда бывает снег в Венеции, в июне ел студень из жареных куропаток и молодых фазанов. Носил большую свечу во время крестного хода и, может быть, участвовал в празднике Розария.

Во время этого праздника идут впереди крестного хода мальчики и девочки самые красивые и самые степенные. Каждый мальчик и каждая девочка носят имя какого-нибудь святого и в этот день его изображают. Между ними пускают мальчиков веселых и бойких, они изображают дьяволят.

Дьяволята выкидывают разные штуки, могущие смутить стыдливость девочек или рассмешить мальчиков. Шутки этих дьяволят бывали изобретательны. Вся сцена должна была изображать героическую отважность святых, которые всю жизнь сопротивляются искушениям злого духа.

Более вероятно, что Марко Поло изображал здесь дьяволенка, а не святого. Так думаю я, судя по его предприимчивому характеру.

Ходил ли Марко Поло в школу, я не знаю. Мы не знаем даже, был ли он грамотен по-итальянски. Книжку его записал сосед по тюрьме, пизанец Рустичиано, и вот какими словами начинается она:

«Государя и императоры, короли, герцоги и маркизы, графы, рыцари и граждане и все, кому желательно узнать о разных народах, о разнообразии стран света, возьмите эту книгу и заставьте почитать ее себе».

Книга Марко Поло написана для неграмотных.

Но сам Марко Поло говорит о себе:

«Научился он их языку (монгольскому) и четырьмя азбукам и письму в очень короткое время».

Какие же это четыре азбуки? Об этом много спора.

В другом варианте книги написано:

«Выучил четыре разных языка, умел и читать и писать на каждом».

Предполагают, что Марко Поло по-китайски не говорил. Думают, что знал он письмены басыпа*, арабские письмены, уйгурские и сирийские.

При Кубилае жило четыре народа: таджики, китайцы, уйгуры¹ и аракуны (христиане-сирийцы).

* Квадратное монгольское письмо, изобретенное при Кубилае.

Уйгурский шрифт — это монгольский, произошедший от сирийского. Уйгурским алфавитом записаны законы Чингиз-хана. Кубилай-хан поручил тибетскому ученому Пагпа-ламе составить чисто монгольский алфавит. Пагпа-лама составил квадратную монгольскую азбуку, в основу которой лег алфавит тибетский. Всего квадратный алфавит заключал в себе 1000 букв, состоящих из сорока одного коренного знака. Так что возможно, что Марко Поло знал два монгольских алфавита.

Потом сирийскую азбуку и арабскую.

Но он вряд ли был грамотен по-итальянски.

Марко Поло умел, наверно, говорить при отъезде и по-французски, знал названия товаров, и для него Ближний Восток был местом, откуда идут товары. Еще умел он стрелять из арбалета и грести на лодке.

Торговали в доме Марко Поло, вероятно, камнями, материями, ревенем, о котором он отмечает везде подробно.

Заехали братья с молодым своим спутником к новому папе. Здесь они не очень настаивали даже на том, чтобы им дали сто человек христиан; получили они пузырек с маслом и двух монахов, да словесные поручения к великому хану.

Поехали прямо на Лаяс. В это время султан египетский Бундукдарк напал на Армению. Положение Армянского царства и феодалов, засевших в замках, было трудное. Монахи подумали и вернулись. А семья Поло поехала дальше. Бояться им было нечего, потому что они имели охранные грамоты Кубилая.

Путь шел от Лаяса прямо на Арзрум.

Армению Малую описывает Марко Поло так:

Царь Малой Армении правит своею страной по

справедливости и подвластен татарам. Много здесь городов и городищ и всего вдоволь, а от охоты на зверей и птиц потехи много. В старину здешние дворяне были храбры и воинственны, теперь они слабы и ничтожны. В город Лаяс привозятся все пряности, и все ткани с Ефрата и товары из Венеции и Генуи свозятся сюда, и здесь покупаются».

Описывает Марко Поло землю туркменов, которые кочуют в горах и долинах, и хвалит туркменские ковры.

В городах, рассказывает Марко Поло, живут армяне и греки, занимаются они торговлей и ремеслами.

Проследить путь Марко Поло очень сложно. В этот момент монголы захватывают новые страны. В городах остается прежнее население, но города называются то старыми именами, то теми именами, которые им дали завоеватели. Границы стран подвижны.

В Великой Армении, рассказывает Марко Поло, в городе Арзинга, т. е. Эрзинган², выделяется лучший в свете букаран. Этот букаран ввел во многие сомнения комментаторов Марко Поло. Итальянский летописец Джованни Виллани³ упоминает о военных состязаниях во Флоренции с раздачей призов из букарана хлопчатобумажного. Букаран часто упоминается в старом французском эпосе. Позднее, во времена Генриха Тюдора, у знаменитой Анны Болейн белье было из букарана. Букаран был ходовая дорогая материя, которая, конечно, заинтересовала купца.

Понравились Марко Поло в этом городе бани.

Об Эрзингане, называя его Арзинга, рассказывает Клавихо.

Дорога к городу шла по местности, перерезанной горами и высокими скалами. Было 4 мая, но снег еще лежал на дороге.

Город Арзинга построен на равнине, возле реки, которая называется Евфрат. «Это одна из тех рек,— говорит Клавихо спокойно,—которая вытекает из рая. Равнина, на которой стоит этот город, окружена со всех сторон очень высокими горами. Наверху гор много снега, а внизу снега нет. Равнина покрыта полями и виноградниками. Сам город небольшой, стены у него каменные с башнями. Дома в городе все террасами, и по этим террасам люди ходят как по улицам. Город очень населен, в нем много красивых улиц и переулков, обстроенных лавками. Живет в нем много несториан, армян и греков».

«Дорога за Арзингой,—рассказывает Клавихо,—идет между высокими безлесными горами, в которых бежит много воды и растет удивительная трава вверху и внизу». «Страна большая,—рассказывает Марко Поло,—и летом, скажу вам, приходят сюда толпы ливанских татар, потому что во все лето здесь привольное пастбище для скота, а на зиму татары уходят туда, где тепло и есть пастбища».

Дорога Марко Поло прошла около самого Арарата; может быть, он был в Эривани. Великая Армения граничит с Мосулом.

В Мосуле Марко Поло, вероятно, не был. Земли, которые Марко Поло видал и о которых он только слышал, отмечаются в его описаниях. Правда, рассказывает он, что в Мосуле ткут отличный букаран, самый красивый и самый тонкий в свете. Все царицы одеваются в него.

Это очевидно муслин, и здесь купец не оши-

бается, но самое важное для Марко Поло в Мосуле — это алмазы, и рассказывает он об этих алмазах по сказкам. Рассказывает он так:

«В тех горах много больших и толстых змей, злых и ядовитых, в пещерах лежат алмазы. Ручьи сносят алмазы в пропасти и в большие пещеры. Есть там большая глубокая долина, а кругом в скалах — пещеры, ходить туда никто не осмеливается, и люди делают вот что: берут они куски мяса и бросают в глубокую долину, мясо попадает на множество алмазов и они пристают к нему. Завидит орел мясо, схватит его и потащит на другое место, а люди кричат на орла и отнимают от него мясо. Или ходят за орлом и ищут алмазов в его помете».

Нет, не был в этих местах Марко Поло.

Был он в Тавризе.

«Тавриз большой город в Персидской стране. Народ в Тавризе торговый и занимается ремеслами, выделывают здесь дорогие золотые и шелковые ткани. Сюда за чужеземными товарами сходятся латинские купцы, покупаются тут драгоценные камни. и большую прибыль наживают купцы, которые приходят сюда.

Здесь народ мало занимается делами и много всяких чужих людей, армяне и персиане, и грузины, и несториане, и яковиты⁴, кругом города прекрасные сады, много разных вкусных плодов».

Так рассказывает о Тавризе Марко Поло.

Тавриз он не сумел вспомнить и описать. Дополним описание Тавриза рассказом Клавихо.

«Этот город лежит в долине между безлесными хребтами гор. Город не окружен стенами. Горы с левой стороны подходят совсем близко к городу, вода,

которая течет с этих гор, нездорова. Горы, которые с правой стороны, покрыты снегом, с этих гор бегут ручьи, они проведены в город и растекаются в нем по аркам. На хребте гор с левой стороны есть вершина, ее купили генуэзцы. Когда они начали здесь строить замок, хан позвал генуэзцев и сказал:

— В моей земле нет обычая, чтобы купцы строили замки. Вы действительно купили эту землю у меня, и можете поэтому взять эту гору к себе на родину и там строить что угодно».

Генуэзцы начали спорить, и тогда хан приказал отрубить им головы.

«В городе много хорошо отделанных улиц и переулков, есть большие рынки, со многими дверями, похожими на алькасерии *, и в них внутри опять дома и лавки, с хорошо устроенными магазинами. Здесь много проходов и ворот на разные улицы, и продают шелковые и бумажные ткани, сандал и тафту, шелк и жемчуг.

В одном из проходов этого рынка есть люди, которые продают духи и мази для женщин, и женщины сами приходят покупать эти благовония, женщины ходят совсем закутанные в белые покрывала с сетками из черных конских волос перед глазами».

«На улицах и площадях этого города, — пишет Клавиho, — есть много водоемов и колодцев, весной их наполняют кусками льда, ставят много медных и жестяных кружек, и народ может пить».

Марко Поло мог покупать здесь или смотреть, как покупает его отец в лавке жемчуг. Жемчуг покупают так: два купца садятся друг против друга, руки их

* Лавка, где продается шелк (испанское слово арабского происхождения).

покрыты платком, суставы пальцев обозначают свойства жемчуга и цены его. Жемчуг различается по круглости, по величине, по оттенку, по подобранности. Два человека сидят друг против друга, руки их закрыты и пальцы спорят. Это такой торг, о котором не надо кричать. Этот язык, вероятно, знали старшие Поло.

Многое в книге самого Марко Поло покрыто платком, и его можно понять только тому, кто знает язык купеческих пальцев.

Марко Поло не кричит о своих делах и не сообщает того, что не должны знать генуэзцы.

Путь Марко Поло извилист. Он не торопится, и по дороге купцы покупают и продают. Этим и объясняется, что трудно построить их путь по прямой линии.

Медленно ехали Николай Поло и брат его Матвей. Дичился их молодой Марко. Отец был ему незнаком, никогда он его раньше не видел. Говорил отец больше по-татарски, шутил чужие шутки, вспоминал про пекинских женщин, которых дают путешественникам от хана. Забавлялся смущением сына и ругал его, когда тот сам начинал шутить.

Путь через Южную Персию

Из Тавриза попали купцы в город Саве¹. Город лежал в развалинах. Отсюда направились они, вероятно, в город Иезд, или Язди². Это был большой красивый город. Тут выделяется, пишет Марко Поло, много шелковых тканей, называют их язди. Купцы торгуют ими с большой прибылью по разным странам.

Отсюда семь дней дорога шла по равнине, попадались леса и заросли. Фазаны перебегали дорогу, подымались неохотно.

Марко Поло стрелял в них из лука.

Вдали показывались стада диких, быстро бегущих ослов.

Ночевали в поле, у костров, постеливши на землю кошмы.

Через семь дней пришли в царство Керман. Царство это только что покорили татары. Здесь были бирюзовые копи. Бирюза искони ценилась в Персии, хотя и говорили в народе, что бирюза — это кости людей, умерших от любви, и носить ее нехорошо, потому что любовь будет несчастной.

Шла бирюза — лучший сорт — просто отполированный, сорт похуже расписывался золотом, и слова

талисмана прятали недостаток камня. Это была выгодная торговля.

Еще производилась здесь сталь превосходных сортов. Делали конскую сбрую, узды, седла, а также производили луки и колчаны. Женщины вышивали ткани.

В этой стране в горах водились лучшие соколы, маленькие, с красными брюшками и шейками. Соколиная охота была любимым делом и модным безумием*, сокол — лучшим подарком.

Сокол в персидской поэзии — символ подобострастия: ручные сокола покорно возвращались к господину и бегали перед ним, подняв крылья вверх и опустивши голову, с благородно-подобострастным видом. Так написано было в модной тогдашней книге «Беседы птиц».

По дороге из города Кермана попадались маленькие крепости, поселки, много дичи, хорошо было охотиться на куропаток, с купленными соколами.

Ночами становилось холодно, путешественники едва спасались под одеялами и шубами. Шубы на них были персидские с длинными рукавами.

Спали путешественники, засунув ноги в рукава.

Два дня шла дорога вниз. Через два дня встретили развалины города Команди.

Вообще развалин кругом было много.

Глиняные стены, лишенные крыш, расплывались.

Иногда блестели среди развалин вымытые из стен блестящие изразцы.

Раньше здесь были посеы и виноградники, сейчас ходили татары за своими стадами, но у куп-

* См. хотя бы более позднюю новеллу Поджо «О враче, который лечил слабоумных и безумных». (Фацетти, М., 1934).

Арабский караван
Миниатюра рукописи XIII—XIV веков

цов была золотая дощечка и они могли приказывать голосом, криком, палками и прутьями.

Теплело. На горах росли дикие фисташки. Птицы сидели на курчавых фисташковых деревьях. Вечером кабаны подходили к лагерю.

В остатках садов показались финиковые пальмы. На полях изменился вид скота.

Белые, огромные быки с круглым горбом между лопаток смотрели на дорогу.

Овцы были огромны, как ослы. Зад их покрывал тяжелый, толстый, жиром наполненный хвост.

В таком курдюке было весу фунтов до тридцати.

Ели рис с бараньим салом, ели руками, руки вытирали о сапоги, о седла, чтобы кожа не сохла.

Ночевали тревожно: кругом ходили разбойники. Они охотились на людей и скот. Стариков убивали, молодых продавали в рабство. Разбойники имели своего царя, это был один царевич, Нигудер, отложившийся от хана. Его отряды удалились в области, граничащие с Индией, и воевали со всеми.

Отбился Марко Поло от каравана, потому что караваны идут медленно, так и хочется поехать вперед. Был схвачен людьми Нигудера и уведен в плен. Здесь пришлось купцам остановиться. Письма ни ханские, ни папские помочь не могли. Марко самому удалось бежать из плена.

Рассказывает об этих разбойниках Марко Поло коротко и с ужасом.

«Матери у них индианки, а отцы татары. Когда они задумают напасть на страну и разграбить ее, то нагоняют они мрак колдовством. И едут, нагнав темноту рядом. И когда заберут равнину, ничему там не спастись, ни людям, ни скотине, и нет той вещи, которую они бы не забрали».

Арабское торговое судно XIII—XIV веков

Поехали дальше. Шел спуск, и все теплело. Сухость гор сменилась влагой, чувствовалось море, появились пестрые, не знакомые Марко Поло птицы. Наконец путешественники прибыли в город Ормуз³. Город стоял у моря. Тут же была и пристань.

Марко Поло называет море — «морем-океаном», но это был Персидский залив.

Сюда приходили на своих судах купцы из Индии, привозили пряности, драгоценности, жемчуг, ткани, слоновую кость. Это был центральный порт Востока. Пишет Марко Поло (приведу его слова в сокращении):

«Солнце печет здесь сильно. Страна нездоровая. Законы неприятные. Если умрет купец, то имущество его царь берет себе. Вкусно финиковое вино, но от него слабит. Народ не ест пшеничного хлеба и мяса, а питается финиками, соленой рыбой и луком. Народ здесь черный. Летом живут не в городах, а в садах, и когда подымается ветер, то люди прячутся в воду. Хлеб на полях сеют в ноябре, в марте уборка, и только одни финики держатся до мая».

Жара здесь так велика, что от жаркого ветра погибла раз тысяча шестьсот человек конницы да пять тысяч пеших, они попали в жаркий ветер и погибли все, и жителям города Ормуза пришлось хоронить своих врагов во избежание заразы.

Отсюда можно было ехать морем в Китай. Но корабли были слишком ненадежны. Рассказывает Марко Поло:

«Суда у них плохие и сколочены они не железными гвоздями, а сшиты веревками из коры кокосовых орехов.

Кору эту бьют до тех пор, пока она не сделается тонкой, как конский волос, тогда вьют из нее черевки и ими сшивают суда. На судне одна мачта, один парус, палубы нет. Товар покрывают кожами, на кожи ставят лошадей, которых везут на продажу в Индию. Плавать на таких кораблях очень опасно».

Купцы Поло не сели на суда, а круто повернули обратно, идя почти прямо на север, чтобы затем сухим путем, через Памир, явиться к Кубилаю.

Длинный путь от Тавриза к Персидскому заливу объясняется, вероятно, тем, что купцы торговали по дороге. Была, кроме того, и другая причина. Вероятно — главная.

Кубилай в 1263 году дал хану Хулагу титул иль-хана, признав тем его самостоятельность.

Но посмотреть внимательно, что делается на Иране, очень стоило.

В 1256 году монголы прочистили караванные пути, уничтожив ассасинов, о которых будет речь впереди.

Братья Поло в своем длинном рейсе, проверяли для Кубилая Иран и его караванные пути.

Об ассасинах (действие, рассказанное Марко Поло, происходит в 1262 году)

Путешественники вступили снова в степи. На сотни верст одно только дерево стоит в них. Листья на нем с одной стороны зеленые, с другой — белые. Орехи — словно каштаны, но внутри пустые. На сто миль кругом нет других деревьев. Это дерево, говорят, стоит и сейчас там. Это — тысячелетний чинар.

Здесь купцы и их охрана поехали опять с великой опаской, потому что они вошли в область горного старца и его ассасинов¹.

В горах к югу от Мазандерана жили люди, которых одни называли гашишин, другие — федави, но чаще их звали измаилиты. Секта названа так по Измаилу, правнуку Али, которого большая часть шиитов признает законным наследником. Измаилиты отличаются от прочих мусульман своим верованием.

Ассасины внутри делятся на несколько степеней, всего степеней семь. Старший был старейшина гор. Вот про него, как про «горного старца», и пишет Марко Поло. За старцем следовали «великие призыватели»; они были заместниками его в кре-

постях и носили, как и горный старец, белые одежды. В третьем разряде находились «простые вербовщики». Четвертая степень называлась «рафик», т. е. товарищи, она уже не владела тайнами измаилизма. Пятая степень была «обреченные», они выполняли приговоры великого старца. Их одежда была белая, а шапка, кушак и сапоги — красные. Шестой разряд был «новички».

Эти разряды были для внешнего оглашения. На самом деле было внутреннее разделение на семь разрядов.

Первое место в этой иерархии принадлежит лицу «невидимому», воображаемому, долженствующему явиться в последствии времен, одним словом Иمامу, который «утверждается Аллахом». Второе занимает худидже, «доказательство» (милости божией). За ним следуют судаси, «шестиричные», которые должны находиться в таком же отношении к «доказательству», как тот к Иمامу, а Имам к Аллаху. Четвертый отдел составляли даи, «зазывалы»; пятый — тес-уни, «девятеричные», которые только что посвящались и произносили клятву служения ордену; шестой — мукеллеби, «особачившиеся», т. е. которые ищут случая обратиться, как гонимые ищут дичь. Седьмой — мумени, «верующие», или народ. При сравнении этого разделения с первым, или гражданским, видно, что в последнем нет места Иمامу, во имя которого старейшина горы требовал повиновения народов, потому что он существо невидимое, а в духовном недостает «обреченных», потому что это были люди чисто военные.

Не буду здесь рассказывать всей истории измаилизма. Измаилиты пытались укрепиться в Тунисе,

потом в Персии. Они пытались укрепиться и в Сирии.

На стороне измаилитов был знаменитый персидский поэт Насыр-и-Хосров, который умер в долине Юмгана, в Бадахшане. Внутри измаилизма происходила борьба.

Ассасины представляли собой орден, вроде ордена тамплиеров, который тоже обвинялся христианами в ереси...

Они нападали на мусульманских эмиров и на замки крестоносцев.

Ужас перед ними был так велик, что коменданты замков срывали укрепления и бежали, для того, чтобы крепость не была занята ассасинами.

Ассасины воевали то с мусульманами, то с крестоносцами. Они вели свою политику, в этой сложной войне феодалов. В расцвет силы ассасинов у них было шестьдесят тысяч человек. С Аладином, султаном, знаменитым по своей войне с крестоносцами, у ассасинов был мир на условии, что он не будет их трогать, впрочем, и на него было два покушения, в 1174 и 1176 годах. Убийств, совершенных ассасинами, было столько, что слово «ассасин» стало означать на французском и итальянском языках убийцу.

Из предводителей крестоносцев ассасины убили Раймонда Первого, графа Триполійского.

Тогда орден тамплиеров, т. е. храмовников, осадил замки ассасинов. Ассасины согласились платить тамплиерам дань. Тамплиеры отступили. Глава ассасинов написал к королю крестоносцев Амальриху Первому, что он готов принять вместе со своими учениками христианство, при условии сложения дани.

Начались переговоры. Но послы Амальриха были убиты тамплиерами, и сам Амальрих умер чрезвычайно поспешно. Тут уже разницу между ассасинами и тамплиерами понять трудно.

Например, маркграф Конрад Тирский был убит ассасинами в монашеских рясах, или был убит людьми, которые называли себя ассасинами. В 1250 году Людовик Святой при высадке в Акре выдал ассасинам подарок, как бы выкуп за свою жизнь.

Но ассасины мешали торговым путям, по которым купцы ходили к монголам. Хан Хулагу послал сильные отряды в Мазандеран и Курдистан и завоевал несколько ассасинских замков, но отдельные крепости еще держались.

Вот как владел старец людьми. Я приведу рассказ Марко Поло, который не лжет.

«Развел старец отличный сад в долине между двух гор. Такого сада и не видал никто. Были там самые лучшие в свете плоды. Настроил он там самых лучших домов, самых красивых дворцов, таких не видано было прежде; они были золоченые и самыми лучшими в свете вещами раскрашены. Провел он там каналы; в одних было вино, в других молоко, в третьих мед, а в иных вода.

Самые красивые в свете жены и дети были тут; умели они играть на всех инструментах, петь и плясать лучше других жен. Сад этот, толковал старец своим людям, — есть рай. Развел он его таким точно, как Мухаммед описывал сарацинам рай: кто в рай попадет, у того будет столько красивых жен, сколько пожелает, и найдет он там реки вина и молока, меду и воды. Поэтому-то старец развел сад точно так, как Мухаммед описывал рай сарацинам; и тамошние сарадины верили, что этот сад — рай.

Входил в него только тот, кто пожелал сделаться ассасином.

При входе в сад стояла неприступная крепость; никто в свете не мог овладеть ею; а другого входа туда не было. Содержал старец при своем дворе всех тамошних юношей от двенадцати до двадцати лет. Были они как бы его стражей и знали понаслышке, что Мухамед, их пророк, описывал рай точно так, как я вам рассказывал. И что еще вам сказать? Приказывал старец вводить в этот рай юношей, смотря по своему желанию, по четыре, по десяти, по двадцати, и вот как: сперва их напоят, сонными брали и вводили в сад; там их будили».

Марко Поло знает не все. Старец гор поил своих учеников не только медом, вином и водою, он приучал их к гашишу, одуряющему веществу, которое добывают из конопли. Гашиш и опиум втягивают человека. Человеку, употребляющему гашиш, он нужен каждый день, и люди не могли вырваться от старца, потому что он каждый день давал им гашиш. Так начиналось с первого сна...

Дальше рассказывает Марко Поло:

«Проснется юноша, и как увидит все то, что я вам описывал, поистине уверует, что находится в раю, а жены и дети во весь день с ним: играют, поют, забавляют его, всякое его желание исполняют; все, что захочет, у него есть; и не вышел бы оттуда по своей воле...

Двор свой горный старец держит отлично, богато, живет прекрасно; простых горцев уверяет, что он — пророк. И они этому, поистине, верят.

Захочет старец послать кого-либо из своих убить кого-нибудь, приказывает он напоить столько юно-

шей, сколько пожелает, когда же они заснут, приказывает перенести их в свой дворец.

Проснутся юноши во дворце, изумляются, но не радуются, оттого что из рая, по своей воле, они никогда не вышли бы. Идут они к старцу и, почитая его за пророка, смиренно ему кланяются; а старец их спрашивает, откуда они пришли. «Из рая», отвечают юноши, и описывают все, что там, словно как в раю, о котором их предкам говорил Мухаммед; а те, кто не был там, слышат все это, и им в рай захочется; готовы они и на смерть, лишь бы только попасть в рай; не дождутся дня, чтобы итти туда.

Захочет старец убить кого-либо из важных, прикажет испытать и выбрать самых лучших из своих ассасинов; посылает он многих из них в недалекие страны с приказом убивать людей; они идут и приказ его исполняют; кто останется цел, тот возвращается ко двору; случается, что после смертоубийства они попадают в плен и сами убиваются.

Вернутся к своему повелителю те, кто спаслись, и рассказывают в точности, как дело сделали; а старец устраивает пир да веселье великое; смельчаков он хорошо знает, за каждым из посланных он отряжает особых людей, и они ему доносят, кто смел и ловок в душегубстве.

Захочет старец убить кого-либо из важных или вообще кого-нибудь, выберет он из своих ассасинов и, куда пожелает, туда и шлет его. А ему говорит, что хочет послать в рай, и шел бы он поэтому туда-то и убил бы таких-то, а коль сам будет убит, то тотчас же попадет в рай.

Кому старец так прикажет, охотно делал все, что

мог; шел и исполнял все, что старец ему приказывал. Кого горный старец порешил убить, тому не спастись.

Скажу вам по правде, много царей и баронов из страха платили старцу дань и были с ним в дружбе.

Рассказал вам о делах горного старца и его ассасинов, а теперь опишу, как и кем он был уничтожен.

Но вот, что я позабыл и теперь доскажу; у старца таких, что повиновались ему и по его обычаю жили, было много во всей стране, от Дамаска в одну сторону, до Курдистана в другую.

Довольно об этом, расскажем об его гибели.

Это было в 1262 г. Хулагу, царь восточных татар, узнал обо всех злых делах, что творил старец, и решил уничтожить его. Набрал он из своих князей и послал их с большой ратью к той крепости; три года осаждали они ее и не могли взять; будь там продовольствие, никогда бы не взяли ее, но через три года нечего было там есть. Так-то был взят и убит старец Ала-один вместе со всеми своими; с тех пор и поныне нет более ни старца, ни ассасинов. Кончилось владычество старца».

Но Марко Поло ошибался.

Крепости измаилитов были разрушены. Измаилиты разбежались, скрылись в ущельях Памира, и все же измаилизм существует и сейчас.

Сейчас глава измаилитов Ага-хан живет в Лондоне и Бомбее, и, хотя он еретик с точки зрения мусульман, но все же он глава всемусульманской лиги.

Он кончил Оксфордский университет, лошади его берут лучшие призы в английских скачках. Англичане дали ему титул «его высочество». Он носит

смокинг и получает тайную дань от последних своих подданных на Памире.

Есть измаилиты и в Западном Китае, возле Яркенда.

Измаилиты пережили тамплиеров, хотя многие из потомков храмовников тоже имеют титулы в Германии, но их орден распался.

Но жив измаилизм, а казалось бы так просто обличить его. Ага-хан все еще живой бог, а между тем прапрапрадед его — Решид-эддин, который выдавал себя за бога и никогда при других не спал, не ел, не пил, не плевал и не делал ничего другого, что делает обычный человек, чуть ли не погиб, когда, спускаясь в божеском своем качестве с горы, повредил ногу и захромал, что показалось народу подозрительным.

Измаилизм жив тысячи лет, но сейчас ослабевает на Памире, после того как ввели латинский алфавит; в Хороге начала выходить газета и пришел автомобиль.

Торговый дом Поло зимует около Памира

Точный путь купцов Поло так и не проведен по карте исследователями.

Вероятно, дело в том, что это были не просто путешественники, а купцы, они ехали, покупая товары в одном месте и продавая в другом. Вероятно, один из братьев делал выезды в сторону, за товаром, а другой его поджидал.

По карте видно, что путь разветвлен.

Были купцы в это время разные. Генуэзцы и венецианцы шли от фактории к фактории.

Если посмотреть, как расположены замки ассасинов или селения несториан, то увидишь, что люди живут по торговым путям маленькими поселками.

Для того, чтобы представить себе жизнь мира того времени, нужно вспомнить о караванных путях. Поселения вытягивались вдоль караванных путей и около корабельных пристанищ. В результате люди жили небольшими гнездами. Мы уже видели, как генуэзские поселения тянулись до Тавриза.

Марко Поло обычно называет народы не по нации, а по религии, а название религии дает по народу. Мусульмане у него названы сарацинами. Под именем сарацин идут уйгуры, имевшие в XII

веке свое владение в Восточном Туркестане и впоследствии во всех монгольских владениях, сохранившие влиятельное положение как чиновники монгольской канцелярии, и персы, и, наконец, арабы.

Точно так же Марко Поло говорит о несторианах, но среди несториан были и сирийцы, и уйгуры, и вообще могли быть люди любой нации. О несторианах я пользуюсь случаем поговорить здесь отдельно.

Сирийцы, несториане по религии, оказались на Востоке передатчиками греческой культуры арабам и персам. Они оказались племенем переводчиков. Переводили и сирийцы-яковиты. Через них шли на Европу индусские басни и арабские сказки.

Несториане были изгнаны из Византии и переселились в Персию.

Несториане — это представители одной из сирийских христианских сект, которые в результате торговли и религиозных гонений широко рассеялись по Востоку.

Могилы несториан встречаются в Китае и у нас в Сибири.

Несториане, не имея собственной культуры, во всю свою историческую жизнь играли роль передатчиков культуры, они переводили с греческого и арабского. Они принесли на Восток свой способ писания — алфавит. Их алфавит лег в основу монгольского и корейского.

Несторианские селения сейчас встречаются на Памире, в Месопотамии, в Западном Китае и в Индии на Малабарском берегу.

Замки ассасинов встречались в Сирии и на Памире, а также в Африке. Их можно мысленно расположить, только представив себе станции на караванных путях,

Часто нация оказывалась связанной с профессией. Определенные ремесленные умения сосредоточивались в определенной местности, как это недавно было в России.

Это явление остаточное, — так, как сейчас остатком старого является то, что во Франции чистильщики сапог савояры, а у нас айсоры (несториане).

Люди жили не плотными массами, а небольшими колониями торговцев и ремесленников.

В Средней Азии в городах жили персы, а в деревнях турки — земледельцы на орошенных землях. На неорошенных землях жили скотоводы монголы. А вдоль караванных путей стояли фактории разных национальностей.

Фактории эти бывали об'единены на принципе предприятия и могли быть оформлены как религиозные.

Так организовались фактории несториан, ассасинов, христианские фактории — храмовиков или тевтонского ордена. Фактории эти обычно не пытались ассимилировать окружающее население, потому что это были поставщики сырья для купцов, и фактория интересовалась не людьми, а товаром.

Некоторое представление об этих факториях могут дать рыцарские замки Прибалтийского края.

Тогдашняя торговля была торговлей главным образом посреднической. Карл Маркс говорит:

«Тот закон, согласно которому самостоятельное развитие купеческого капитала находится в обратном отношении к степени развития капиталистического производства, с особенной ясностью обнаруживается в истории посреднической торговли, например, у венецианцев, там, где главный барыш приносит не вывоз продуктов из своей страны, а посредничество при

обмене продуктов таких обществ, которые еще не развились в торговом и вообще в экономическом отношении, и эксплуатация этих других стран производства». («Капитал», т. III, гл. XX, Москва, 1930, стр. 253).

Эта торговля, оторванная от производства, изменяла и определяла типы расселения того времени.

Далее Карл Маркс говорит:

«Торговые народы древности существовали как боги Эпикура в междумировых пространствах вселенной или, вернее, как евреи в порах польского общества. Торговля первых самостоятельных, пышно развившихся торговых городов и торговых народов, как торговля чисто посредническая, основывалась на варварстве производящих народов, для которых они играли роль посредников» (стр. 255).

В «1001 ночи» мы видим, что существовали национальные кварталы в городах мусульманского Востока.

В Константинополе русским отвели определенные кварталы, в которых они имели право жить.

Под Москвой была «Немецкая слобода».

Это явления разновременные, но связанные между собой.

Наши купцы венецианцы ехали от фактории к фактории, как-будто навещая своих.

Все пути братьев Поло указаны в его путешествии в большем количестве суток езды, чем их проезжает путешественник. Это путь нагруженного каравана.

Ассасины со своими убийцами-артельщиками, в красных сапогах и поясах и в белых одеждах, или тамплиеры в белых плащах с красным крестом — враги большой торговли.

В 1256 году истребляют монголы ассасинов, а в 1307 году арестованы были тамплиеры и сожжены в мае 1310 года на костре, как еретики.

Предприятия крупнели.

Ехали караваны братьев Поло. Город Балк¹, в котором можно было бы хорошо поторговать, лежал в развалинах. Мраморные стены домов закопчены, на верях висят разбитые лазоревые ворота.

На них надпись:

«Этот город построен во имя бога и волей султана превращен в подобие рая».

В городе было совершенно тихо.

Очень солнечно. Трава прорастала сквозь камни мостовой. Город молчалив, как кладбище у городских ворот. Дикае козы ходили по виноградникам и щипали виноград. Колья виноградников уже сгнили, но тяжелые коричневые лозы, крепкие, как толстое скрученное железо, повторяли рисунок опоры.

Двенадцать дней от мертвого города шли купцы с товаром на северо-восток. Много травы, много дичи, воды, а людей нет.

Через двенадцать дней встретили замок около соляной горы.

Соль твердая, ломают ее железом.

Народ храбрый, одеваются люди в кожи зверей и пьют вареное вино. Они мусульмане, а мусульманам запрещено пить вино, но говорят люди около соляных рудников, что огонь изменяет сущность вина и даже его имя.

Шли купцы Поло три дня и, наконец, пришли в область Бадахшан². Здесь стоял город Бадахшан, который не сохранился сейчас даже в развалинах. Рядом с городом — рудники, и там в глубоких норах добывались рубины.

Добывши кусок породы, понемногу обламывают ее кругом долотом и ищут рубины. Здесь же в городе гранят рубины на точильных камнях. Страна, где добываются рубины, называется Шугнан³. Там же добывают прекрасный камень лазурик, выходы которого были потеряны и найдены только сейчас экспедицией Горбунова.

Царство Бадахшан имело много крепостей в высоких горах и неприступных местах и много пшеницы. Народ был храбр и не боялся врага.

Продали купцы бумажные материи, потому что знатные мужчины и женщины носили штаны в сборку: шло на такие штаны шестьдесят и восемьдесят и даже сто аршин бумажной материи.

«И все это для того, — пишет Марко Поло, — чтобы задница казалась потолще, толстых женщин мужчины очень любят».

Продали купцы зеркала и мазь для глаз, а купили они рубины, поторговавшись с царем: царь не выпускал много рубинов, чтобы не подешевели они па рынке.

Торгуя и пережидая погоду, сидели здесь купцы долго. Место было безопасное. Выезжали купцы в долину Пашиай, в жаркую страну, и в долину Кашмира, откуда можно дойти и до Индийского моря. К этому времени мальчик Марко уже возмужал. Он говорит: «Люди черны и худы, а женщины хоть и черны, да хороши».

Сюда можно было бы привезти кораллы из Италии, но кораллы вряд ли довели купцы из Венеции. Наступила весна, нужно было ехать дальше.

Солнце было такое, что если навернешь узду на руку, то к вечеру на руке белая полоса, солнце жжет и загораешь мгновенно.

Лазоревые льды и снега сверкают под солнцем. Они спят глаза. Три венецианца по косой тропе поднимаются в лазоревое небо. Долина превращается в ущелье, ущелье становится все круче, круче. Зверей много. Пастбища превосходны. Дикие козлы прыгают в горах. Их убивают у реки, когда приходят они на водопой. Ущелье все круче, круче, вот перевал...

Здесь сходятся, почти встречаются истоки рек, в одну сторону бегут воды Аму-Дарьи, в другую — притоки Инда.

Лазоревые голубые льды ледников лежат вокруг. Небо выпито льдами, небо весною голое и синее, зимою здесь накапливаются снега. Здесь родина воды Средней Азии.

Караван шел уже на яках, низких быках, с длинной шерстью, метущей сухую траву и снег перевалов.

Двенадцать дней шли по той равнине, называемой Памиром.

Разводили костры из корней травы. Птиц не было видно. Огонь костра горел слабо. Он задыхался от недостатка воздуха. Вода закипала легко, но не разваривала мяса.

Потом дорога начала спускаться, дышать стало легче, и у Марко Поло прекратилась тоска сердца, которая охватывала его в горах.

Дорога спускалась, опять показались альпийские пастбища, карликовая береза, зашумели ручьи, показались башни укреплений.

Страна нефрита и страна песков

В области Хотан¹ уже было тепло, рос хлопок, виноград. Но не из-за этого остановились здесь купцы.

За Яркендом начинается пустыня, с редко разбросанными барханами и балками, промытыми горными потоками. Затем почва становится каменистой, и дорога выходит на старое русло реки.

Повсюду виднеются вырытые ямы, глубиной метра в два, шириной в несколько метров, из этих ям добывают валуны, гальку, песок, глину, промывают и находят нефрит.

Цены на нефрит разные. Желтый или белый нефрит с темнокрасными жилками самый редкий и дорогой. Если камень шероховат, то он еще дороже.

Отсюда нефрит развозят во все стороны, и он, переходя из рук в руки, доходил в свое время до северных морей.

Когда-то из нефрита делали лучшие каменные топоры. Потом нефрит перестал быть полезным и стал священным.

Всего дороже нефрит в Китае. Одни ворота в Пекине зовутся нефритовыми; через них возили в город драгоценный камень.

Вот здесь и закупили нефрит купцы.

Взять с собою кожу или овечью шерсть было невыгодно, потому что впереди еще была большая, тяжелая дорога.

С нефритом и рубинами спустились купцы в пустыню.

Барханы, однообразно направленные, рябые от ветра, тянулись до горизонта. Великая пустыня кругом, оазисы редки, всюду пески, колодцы известны только местным жителям.

Когда набегает неприятель, бегут жители в пески, в другой оазис, и ветер засыпает их след.

Колодцы редки. Всюду горы, пески и долины, и нет нигде никакой еды.

Узкие кожаные ведра опускают в колодцы. В колодцах воды человек на пятьдесят, иногда на сто, и скот пьет грязь, которую зачерпывают со дна. Пустыня страшна. Пустыня заносила над головой путника меч, она сыпала песок и расстилала кожаный коврик для казни (казнимого сажали на кожаный коврик).

Вот что рассказывает про нее Марко Поло:

«Едешь по той пустыне ночью, и случится кому отстать от товарищей поспать или за другим каким делом, и как станет тот человек нагонять своих, услышит он говор духов, и почудится ему, что товарищи зовут его по имени, и зачастую духи заводят его туда, откуда ему не выбраться, так он там и погибает. И вот еще что: и днем люди слышат голоса духов, и чудится часто, точно слышишь, как играют на многих инструментах, словно на барабане».

Об этих шумах и страхах до Марко Поло говорили китайские путешественники.

Через пустыни шли путешественники, проходили

через города, занесенные теперь песками. Шли пустынями, мимо башен, не имеющих входа. На вершинах башен сидела стража. Если путешественники приближались к башне, спасаясь от разбойников, то спускали с нее привязанную лестницу, и, бросив товар и верблюдов, прятались путешественники и отсиживались в башнях неделями.

Потеряв счет дням, дошли купцы до области Хами², которую Марко Поло называл Камул.

«Страна эта лежит между двух степей, народ здесь веселый, то и дело играют, поют и пляшут, и ублажают свою плоть. Гостям-иноземцам всегда рады; женам приказывают исполнять все желания иноземца, сами уйдут по своим делам и дня два-три домой не приходят, а гость там, что пожелает, то и делает с женою; спит с ней как бы со своей женою; поживает в свое удовольствие. И в этом городе, и в этой области жены любятя так, а мужья не стыдятся. Жены и красивы, и веселы, и любят потешиться.

Случилось, когда еще царствовал Мангу-хан, татарский царь, узнал он, как в Камуле отдают жен иноземцам, и приказал он, чтобы никто не смел под страхом наказания принимать к себе в гости иноземцев.

Узнали в Камуле тот приказ и очень огорчились, собрались на совет и вот что порешили: взяли большие подарки, понесли их к Мангу-хану и стали его просить, чтобы позволил им жить, как деды завещали, а деды им говорили, что боги их любят за то, что иноземцам они отдают и жен, и всякое добро, и хлеба у них много оттого, и всякий труд спорится.

Услышал это Мангу-хан и сказал: «хотите срамиться, так живите по-своему», и согласился, чтобы жили

они по-своему. И держались они всегда этого обычая и поныне держатся».

После отдыха шли дальше и достигли Великой Китайской стены.

Ехали дальше мимо асбестовых копей. Ехали уже китайскими землями и восхищались изобилием ревеня.

В городе Ганьчжоу-фу³, у северо-западного угла Великой стены, остановились.

Город был превосходный.

Три христианских церкви, мечеть, китайские храмы, идолы деревянные, глиняные, каменные, все вызолоченные и хорошо сработанные.

Здесь прожили купцы год.

И Марко Поло говорит:

«Николай, Матвей и Марко прожили в этом городе целый год по делу, о котором не стоит говорить».

Читали мы описания о том, как быстро ездили по делам хана. А здесь люди, вместо того чтобы считать дни, останавливаются на года. Кажется ясным мне, что год они крупно и сложно торговали, может быть, так крупно, что даже хан был у них в доле.

Уже много лет ехали купцы. Марко Поло научился говорить по-татарски. Много раз видел он зиму и лето, видел много разных вер, путей и женщин. Много раз обернулись их деньги. Наконец, приехали братья к великому хану Кубилаю⁴.

Хан Кубилай был подобен розе

В мае прибыли братья Поло Матвей и Николай и Марко Поло — юноша — ко двору хана Кубилая. За сорок дней была выслана им встреча.

Братья приехали в прекрасный дворец Шаньду.

Это был новый дворец. Вокруг дворца шла на шестнадцать миль стена. За стеною был парк. И много сюда было пущено оленей, ланей и антилоп. Раз в неделю выезжал Кубилай на охоту, травил зверей ручным леопардом.

Кубилай был из рода Чингиз-хана. Привык он с детства к кочевкам, но уже сильно окитаились монголы, и Кубилай кочевал по-китайски. За стеной стоял большой дворец из бамбука, на золоченых лакированных столбах. Каждый столб кончался драконом, голова дракона поддерживала стропила, а лапы дракона раскинуты одна вправо, другая влево. Золоченые драконы лапами поддерживали блестящую бамбуковую кровлю. Дворец этот можно разобрать, стоит он как палатка, растянутый на двухстах шелковых веревках.

До августа живет здесь Кубилай. 28 августа пригоняют сюда десять тысяч белых кобыл. Молоко этих кобыл имели право пить только люди из рода великого хана, да еще люди племени ойратов. Приходят

десять тысяч белых кобыл, идут они пыльными дорогами, никто не смеет пересечь их путь.

Из молока этих кобылиц делают кумыс и в конце августа разливают его по земле в честь духов, покровителей хана.

На крыше дворца стоят ламы, тибетские и кашмирские. День и ночь стоят они, держат караул и колдуют, чтобы тучи не смели приходиться к дому хана без спросу.

Так могущественен хан, что, говорят, утром он, отдавая приказания всем, не забывает приказать и солнцу, чтобы оно поднялось.

Хан постарел уже, боится проспать, и должность эта передана церемониймейстеру, иначе большой бы беспорядок произошел в мире. Тучами заведуют тибетцы, счет солнцу ведут китайцы, знают они темные дни солнца и в эти дни готовят черный порошок, зажигают его в медных ступках, называемых пао, и мечут камни в небо, чтобы дракон выпустил солнце из зубов.

В 1256 году взошел Кубилай на престол.

Еще не весь Китай покорен Кубилаем, и поэтому звездочеты говорят, что нельзя ходить хану по улицам столицы с музыкой. Еще воюют у берега моря неверные татары, и хотя отвыкают от седла бароны Кубилая, но много еще людей ходят за стадами в степях, много еще вольных охотников в зимней стране, откуда идут меха.

Китайцам верить нельзя. Они хорошо придумывают, но слишком хорошо помнят. Лучше верить тем, кто здесь чужой.

При дворе Кубилая много христиан, несториан из Сирии, много сарацин, есть генуэзцы, венецианцы, персы.

Китайский портрет хана Кубилая

Купцов Поло приняли с почетом. Доложили они хану, каким путем шли, что видали, как стоят замки на Западе, как торгуют на дорогах. Хорошо принял братьев хан, увидел хан Марко, а тот тогда был молодцом. Спросил Кубилай:

— Это кто?

— Государь, — отвечал Николай, — это мой сын, а твой слуга.

— Добро пожаловать, — сказал хан.

Пир был великий.

На престоле сидел Кубилай. Пили вино из лоз, недавно привезенных в Китай, пили кумыс и рисовое вино, и медовое вино, и пиво из ячменя, и пальмовое пиво, и Кубилай говорил с братьями, и пока он говорил одну фразу милости, четыре раза подносили ему чашу.

Марко Поло ушел от стола. Прекрасен был сад Кубилая. Соколы всего мира, орлы с ледяного моря, беркуты с моря Гилянского, приученные останавливать на бегу лисицу, умеющие выклевать у волка глаза, красногрудые соколы, пригодные для охоты на журавля, индийские цветные птицы, не имеющие ни имени, ни голоса, висели в золоченых клетках. А за стеною маком цвела степь.

Небо было послушно—ни одного облака, безоблачна здесь весна.

Пил без счету Кубилай.

Говорил ему врач Айсе, родом из Италии, говорил ему правду в глаза.

— Вредно пить вино, вредно есть мясо, от этого пухнут ханские ноги.

Хан любил правду, но больше любил вино.

«Великий государь царей, который зовется Кубилай, с виду вот каков: росту он хорошего, не мал и

не велик, среднего роста. Только в меру, мускулист и сложен хорошо. Лицом бел и как роза румян; глаза черные, славные, и нос хорош, как следует. Законных жен у него четыре, и старший сын от них станет по смерти великого хана царствовать в империи; называются они императрицами и каждая по-своему; у каждой свой двор, и у каждой по триста красивых, славных девок.

Слуг у них много, евнухов и всяких других, и служанок; у каждой жены при дворе до десяти тысяч человек. Всякий раз, как великий хан пожелает спать с какою женою, призывает ее в свой покой, а иной раз сам идет к ней. Есть у него и другие подруги...

Каждые два года, или как пожелает, великий хан посылает своих послов; они ему выбирают самых красивых девушек, согласно с данными им предписаниями о красоте, четырехста или пятсот, больше или меньше. Оценивают они этих девушек таким образом. Когда послы придут туда, они приказывают собраться всем девушкам области и отряжают особых оценщиков; эти люди осматривают каждую девушку в подробности, т. е. ее волосы, лицо, брови, рот, губы и соразмерность других членов, и затем оценивают их в 16 карат, в 17, 18, 20, более или менее, смотря по красоте, сообразно с приказом великого хана отбирают, сколько нужно, девушек в 20 или 21 карат и уводят их.

При дворе их снова осматривают другие оценщики, и из всех выбирает великий хан для своего покоя тридцать или сорок самой высокой ценности; их отдают женам князей, а те обязаны ночью наблюдать, нет ли у девок какого уродства, тихо ли они спят, не храпят ли, чистое ли у них дыхание, нет ли дурного запаха.

После таких наблюдений девок разделяют на пятки; каждый пяток три дня и три ночи пребывает в покоех великого хана, исполняя необходимую службу. Первый пяток сменяет второй, и так чередуются, пока все не исправят службу. Пока один пяток находится в покое великого хана, другие пребывают в соседнем. Когда великому хану захочется пить или есть, или иное что понадобится, девки внутреннего покоя приказывают тем, что в соседнем покое, а они приносят, что нужно. Великому хану прислуживают только одни эти девки.

Другие девки, менее высокой цены, живут во дворце, при других князьях, и выучиваются готовить кушанья, шить платья и другим рукодельям. А если какой боярин пожелает жену, великий хан выдает за него одну из этих девок с большим приданым, и так он выдает их всех замуж за бояр».

Было у Кубилая десять сыновей от законных жен, семеро из них имело титул ван, что значит король. Звали одного из них королем Мирного Запада, другого — королем Мирного Севера. Был еще король Тибета, король Тангута, один сын заведывал границами.

В Южном Китае еще остался китайский император. Тот император даже на прогулку ездил, запрягая женщин. И скучал.

Кубилай-хан тоже скучал. Он кочевал из дворца во дворец, вызывал к ханскому престолу евреев, мусульман, христиан, колдунов, заставлял спорить о божестве. Победителя награждал, а побежденного поил вином и всегда смеялся.

Хан был мудр, но люди боялись его, боялись при входе, боялись сидя, стоя, разговаривая.

Марко Поло четыре года ехал через разные земли.

В Венеции Марко Поло воспитывался без отца. Он никого не боялся.

Когда спросил Кубилай купцов о дороге, то часто путались они в названиях городов, в описании дорог. Часто забывали они, где и какая трава и как перейти перевал. Тогда они вызывали Марко. Марко помнил все. Он не боялся зацепиться за ханский порог, говорил смело, с ним хану было интересно, и хан разрешил Марко ездить у его стремени.

Стали звать Марко «Господин Марко Поло».

У стремени хана поехал Марко Поло из летнего дворца в зимний дворец Канбалу².

Канбалу — это нынешний Бейрут, там стоял большой дворец. Про дворец рассказывает Марко Поло, и вот он каков:

«Прежде всего, квадратная стена; каждая сторона миля в длину, а в округе, значит, четыре мили, а стена толстая, в высоту добрых десять шагов, белая и кругом зубчатая; в каждом углу по красивому, богатому дворцу; в них хранится сбруя великого хана, луки, колчаны, седла, конские узды, тетивы, все, что нужно на войне; есть еще по дворцу у каждой стены, такие же как угольные; всего по стенам восемь дворцов, и во всех сбруя великого хана; в каждом, знаете, одно что-нибудь: в одном луки и ничего иного, в другом только одни седла, и так в каждом дворце одно что-нибудь.

В стене, на юг, пять ворот; посредине большие, открываются только, когда великий хан выезжает или въезжает; подле них с двух сторон по воротам; ими входят все прочие люди; а по углам есть еще по большим воротам, ими входит всякий.

За этой стеной есть другая, в поперечнике поменьше, нежели в длину; и тут восемь дворцов, таких же,

как и первые, и в них также хранится сбруя великого хана. На юг в этой стене, как и в первой, — пять ворот; и по углам ворота так же, как и там; посредине дворца великого хана, выстроен он вот как: такого большого нигде не видано; второго этажа нет, а фундамент над землею десять пядей; крыша пре-высокая.

Стены в больших и малых покоях покрыты золотом и серебром и разрисованы по ним драконы и звери, и птицы, кони и всякого рода звери; и так-то стены покрыты, что кроме золота и живописи ничего не видно. Зало такое просторное, более шести тысяч человек может там обедать.

Диву даешься, сколько там покоев, просторных и прекрасно устроенных, и никому в свете не выстроить и не устроить покоев лучше этих. А крыша красная, зеленая, голубая, желтая, всех цветов; тонко да искусно выложена, блестит как кристальная и светится издали, кругом дворца.

Крыша эта, знайте, выстроена прочно, простоит многие годы. Между первой и второй стеной — луга и прекрасные деревья, и всякого рода звери: есть тут и бурые олени, и зверки с мускусом, антилопы и лани, и всякие другие красивые звери, и за стенами только по дорогам, где люди ходят, их нет, а в других местах и там много красивых зверей.

На лугах травы много; дороги все мощеные и подняты на два локтя; нет там грязи, и дождевая вода на них никогда не застаивается, но, разливаясь по лугам, удобряет почву, и травы оттого много.

В северо-западном углу большое озеро, и много там разных рыб. Великий хан приказал напустить туда рыб, и всякий раз, когда захочется ему рыбы, сколько нужно там и есть. Берет там начало и выте-

кает из озера, скажу вам, большая река, рыбе выход железными и стальными сетями загорожен.

От дворца на север, скажу вам, на один выстрел из лука великий хан приказал устроить холм. Холм этот в высоту сто шагов, а в округе — тысячу; весь он покрыт деревьями; они всегда в зелени, никогда не бывают без листьев.

Когда кто великому хану расскажет о каком-нибудь красивом дереве, он приказывает вырыть то дерево с корнями и с землею и на слонах привезти к тому холму; как бы велико ни было дерево, его привозят, и самые красивые на свете деревья тут. Холм этот великий хан приказал покрыть лазуриком, зеленым; и деревья тут зеленые, и гора зеленая, и все зеленое, и зовется возвышенность зеленым холмом. На вершине посредине — дворец, большой, красивый и весь зеленый»³.

В этом саду розой цвел Кубилай.

Чингиз-хан, узнав о чудесном монахе, китайце Чань-Чуне, вызвал его для разговора к себе из Южного Китая в Среднюю Азию. Для Кубилая, пятого хана монгольской династии, этого было уже недостаточно.

Монгольская династия чувствовала себя уже двадцатой династией Китая, она приняла китайское название Юань.

Политика Кубилая сложна. Конфуцианское чиновничество было враждебно монгольской династии. Ученость этого чиновничества основывалась на знании трудной китайской письменности.

Монголы изобрели и ввели очень сложный слоговой алфавит, так называемый квадратный. Этим они отделились из области административной и деловой китайских ученых.

XIII и XIV века для Китая — века дальних торговых сношений, века вытеснения китайской науки из китайского административного аппарата государства.

Китайская литература этого времени преодолевала традиции. В это время создан классический бытовой китайский роман и китайский театр.

Административные должности при дворе были заняты пришельцами со всего мира. Среди них был и Марко Поло.

Но одновременно монголы находились под влиянием китайской культуры и хотели овладеть ею.

Кубилай восстановил академию наук, которая называлась «лес кистей».

Принимали туда по конкурсу. Учащийся должен был быть не менее двадцати лет отроду, должен был быть монгольским верноподданным и добрым сыном.

Экзамен для поступления был легкий, нужно было составить сочинение на 500 иероглифов.

В коллегиях учились монголы и китайцы поровну.

Кроме литературы в «лесе кистей» изучали еще анатомию, астрологию и даже астрономию. Неподалеку от дворца стояла обсерватория, при ней состояло семьдесят шесть чинов небесной башни, из них пятьдесят китайцев.

Здесь экзаменовались по календарю, правилам волхования, законам движения пяти планет и по географии.

Чины коллегии изучали также книги морали и историков.

Мусульмане учились отдельно.

Так покровительствовал наукам Кубилай, взявший для наименования своей династии первое слово из

знаменитой китайской классической книги «Книга перемен».

Чины небесной башни описывали жизнь неба. Коллегия «соединенных кистей», она же коллегия «леса кистей» выделяла комиссию из двадцати двух человек. Они сопровождали хана для записи всего им сделанного или сказанного.

Был сад, был комитет леса кистей, небесная башня и среди них Кубилай цвел розой.

Город Канбалу, от бунта обезопасенный

Газета в Китае выходила уже давно, текст ее не набирали, а резали на дереве в нескольких экземплярах и клише отправлялось в разные места страны с гонцами.

Издавались также календари и альманахи.

Марко Поло называет их словом «таквим», слов это арабское. Известно оно в Персии; в Италии его впоследствии употреблял сын великого Данте, Якопо Алигьери.

Календари издавали в Китае сами правители — ханы, князья. Издавалось не менее трех миллионов ста тысяч экземпляров этих календарей-альманахов. Были они разных размеров и цены, печатались они с деревянных досок.

Отдельно выходил альманах для мусульман.

В китайских альманахах указывались наилучшие дни для заключения брака, счастливые и несчастливые дни вообще, лучшие дни для шитья платья, формы прошения на императорское имя и вообще другие полезные сведения.

Вассалу дарил император альманах, и это считалось признанием подданства.

Подделывание альманахов было запрещено законом.

Были простые и роскошные издания альманахов и назывался альманах: «Книга непрерывного согласия с небесами». В них указывались час и минута восхода солнца в разных частях империи, затмения, полнолуния и новолуния. Заведывал альманахами некий уроженец Запада. Для составления альманаха рабо-

Караульная башня в Бейпине, построенная в 1273 году

тала небесная башня. В небесной башне стоял бронзовый небесный глобус трех футов в диаметре, сфера Зодиака шести футов в диаметре, воздвигнутая на четырех драконах, круги Зодиака были разделены со внутренней стороны на 360 градусов.

Заведывал обсерваторией астроном Кубилая Го

шоугин, ученик некоего астронома Елюйчуцай, спутника Чингиз-хана в его походах, работавшего в обсерваториях Самарканда.

Обсерватория стояла на холме, стены не окружали ее, всякий мог притти, особенно если он был монгол или хотя бы чиновник. Наверху башни была терраса, предназначенная для астрономических наблюдений. Инструменты были утверждены на мраморных фундаментах. Отдельно стояла длинная труба, которую можно было наводить на любую точку неба. Звездам и кометам здесь велся строгий учет.

Институты астрономов и астрологов были не только в Канбалу, но и в нынешнем Нанкине. Здесь составлялись предсказания.

Кроме официальных ханских ученых было еще в Канбалу между христианами, сарацинами и китайцами более пяти тысяч астрономов и гадалелей, и все они получали от великого хана пищу и одежду. Они составляли каждому человеку, по его желанию, гороскоп, читая судьбу по звездам. Редкий человек не имел квадратной таблицы со своим гороскопом.

Составляя гороскоп, расспрашивали звездочеты своих клиентов о часе рождения, о числе жен, о часах любви и часах огорчений. Пять тысяч звездочетов всех национальностей ходили по городу, получая пищу и одежду от хана.

В небесную башню, не огражденную стеной, приходили звездочеты за справками о звездах. И вот узнал великий хан через звездочетов за несколько лет до приезда Марко Поло, что хочет взбунтоваться Канбалу против монголов. Тогда велел хан бросить старый город, неудобный для действий конницы, и построить новый на берегу реки.

Вот какой город построил хан.

Обсерватория монгольской эпохи в Бейлике

Город квадратный, все четыре стороны по 24 мили. Обнесен город земляным валом в высоту шагов двадцать, в толщину шагов десять. Стена выбелена и украшена зубцами.

В стене двенадцать ворот, потрое с каждой стороны. У каждых ворот помещение для войска, на каждом углу города дворец-казарма.

Все улицы прямые и из конца в конец все видно, и может конница скакать от ворот к воротам. Посреди города дворец-казарма. И есть там покои с запасами оружия, а сверху висит колокол, и когда прозвонит колокол три раза, никто не смеет ходить по городу, разве только доктор, и тот с фонарем.

Держат охрану Канбалу не одни китайцы, привезены сюда люди из разных стран.

Под предводительством русского князя Григория стояли здесь гарнизоном десять тысяч русских воинов*.

Разбили монголы стены Киева китайскими стенобитными машинами, под руководством китайских инженеров, а русским войском держат в узде город Канбалу.

Вероятно, среднеазиатские и китайские чиновники в Руси составляют списки людей, подлежащих обложению.

У каждых ворот посменно дежурят тысячи воинов, и тем не менее, вследствие слова звездочетов, народ китайский в подозрении.

Живет народ не только в городе, а в предместьях; там улицы узкие, дома за стенами. В каждом предместье много хороших гостиниц, куда пристают куп-

* А. J. Charignan. «Le livre de Marco Polo», vol. II, p. 30

цы из разных мест. Каждому народу назначена особая гостиница: одна — итальянцам, другая — немцам, третья — французам¹. Продажных женщин, считая женщин города и предместий, двадцать пять тысяч. Они разбиты по сотням, над каждой сотней — начальник. Десять сотен женщин составляют тысячу, и все двадцать пять тысяч подчиняются главному начальнику.

Когда приходят к хану послы по делу, то послов содержат за ханский счет. И поставляет начальник посланнику и каждому члену посольства на ночь по женщине.

Каждую ночь женщина сменяется, нет им за это никакой платы, потому что это их подать великому хану.

Но ходить по улице они не имеют права, — раз'езжает ночью стража по тридцать и сорок человек и проверяет — не ходит ли кто в городе.

И если найдется человек, мужчина или женщина, который ходит по городу великого хана после звона, то арестовывают этого человека и заключают в тюрьму. Допрашивают его утром. И после допроса приговаривают его, судя по вине, к великому или малому сечению.

Бьют планкой, сделанной из бамбука, узлы бамбука сглажены. Различается планка большая и малая. Всего считается две тысячи семьсот пятьдесят девять преступлений, за которые подвергается виновный пяти видам наказаний. Наказываются люди малой планкой от десяти до пятидесяти ударов. Планка имеет тяжелый конец, шириною в полтора дюйма, а легкий — в один дюйм. Бьют также большой планкой; большая планка имеет тяжелый конец в два дюйма, а легкий — в полтора дюйма. Кроме того бы-

вает ссылка временная, и ссылка вечная, и смертная казнь при помощи отсечения головы или удавления. Временная и вечная ссылка сопровождается наказанием большой планкой, сосланному на год дают 60 ударов, сосланному на два года — 70, на три года — 80, на четыре года — 90, и на пять лет — 100 ударов.

Кроме того клеймят лицо. Таких людей потом зовут пестролицыми, и ими населяют окраины.

За вечернюю прогулку после звона бьют только планкой. Женщин и девиц наказывают без снятия шаровар, но шаровары не должны иметь подкладки.

Впрочем, — замечает Марко Поло, — когда присуждают человеку большее или меньшее сечение, от этого, случается, иной и умирает.

Так наказывают здесь за преступления, не проливая крови, потому что мудрые звездочеты говорят, что нехорошо показывать кровь солнцу.

От наказания можно откупиться, если наказываемый — чиновник. Но есть непрощаемые преступления. Не прощается отцеубийство, составление ядов и чародейство, неуважение к родителям, убийство рабочим мастера, непрочное строение судов для государева путешествия и ошибка при вложении доклада в конверт.

По этим преступлениям нет в городе Канбалу прощения.

Хан Кубилай отправляется на охоту и господин Марко Поло ему сопутствует

Прожил хан в хорошо устроенном городе Канбалу декабрь, январь и февраль. В марте поехал на юг, за два дня пути к морю.

Поднялся двор хана. Много у великого хана леопардов, приученных к охоте, и охотничьих волков, и тигров. Тигров везут в клетке на телеге, а рядом с каждым тигром в той же клетке маленькая собачка.

Везут в клетках орлов.

Два брата ловчих, Баян и Минган, смотрители собак, имеют каждый под начальством по десять тысяч псарей. Десять тысяч псарей одеты в красный цвет и десять в голубой.

У каждого из этих братьев разные собаки — гончие и борзые, и меделянки. Когда великий хан едет, то по одну его сторону идет один брат со своими десятью тысячами ловчих и с пятью тысячами собак, а по другую сторону идет другой брат со своими людьми и собаками. Идут вплотную друг к другу.

Растянулась охота на целый день пути.

Двенадцать тысяч баронов сопровождают хана. Каждому из них подарено тринадцать одеяний разного цвета и установлено, в какой праздник какую одежду надевать. В новый год надевает весь двор

белое платье, а все народы приносят подарки хану и дарят ему тысячи дорогих белых коней. И все вещи, которые дарят, — белые.

В этот же день выводят пять тысяч слонов под белыми попонами. И этот день у китайцев траурный, потому что белый цвет в Китае обозначает траур.

Сейчас великий хан уезжает к морю.

Взял он с собою псарей, да пятьсот кречетов, и сероголовых соколов во множестве, и ястребов для ловли водяной птицы. У птиц великого хана к ноге привязана серебряная бляха.

Соколу от Кубилая не улететь — на сто дней лету кругом земли хана.

У хана подагра. Едет он в прекрасной деревянной комнате, которая установлена на спинах четырех слонов. Это не комната, а дом, обит он тигровыми шкурами.

Сидит царь, едет через свою страну. Морем вокруг него идут люди. Подъезжает какой-нибудь барон к хану, докладывает:

— Царь, журавли летят.

Делает Кубилай знак, и раскрывается потолок в его комнате, спускает Кубилай сам сокола. И видит хан охоту, и великая ему потеха и удовольствие.

А другие князья и рыцари скачут вокруг великого хана.

Великая хану честь, но на юге есть еще другой царь, китайский. Живет он в городе, окруженном озерами. И охотясь, спускает на дичь стада женщин.

Еще не всего достиг Кубилай.

В палате его на стоянке помещается тысяча всадников, в другой палатке он спит. Внутри палатки обиты соболем, а снаружи — тигровым мехом.

Три палатки у Кубилая и отдельно у его жен.

Птицы и звери тоже живут в шелковых палатках.

В палатках попоше живут врачи и звездочеты.

Стоит около океана Кубилай станом, до весны охотится. На двадцать дней пути никто не смеет охотиться в этих местах. И расплодилось здесь великое множество зайцев, с'едают они крестьянские поля. Зато зайцы здесь не боятся людей, и олени выходят на охотника. Охотится хан стрелами, ловчими птицами, леопардами. Охотится, не пугая зверей.

Здесь подружился Марко Поло сперва с врачом Кубилая, которого звали Айсе¹. Он состоял в великом почете. Айсе не любил охоту и даже говорил Кубилаю, что охота вредит крестьянским полям. Об этом записано в китайских летописях. Сведущ был Айсе в науке алхимии. Читал он по-арабски и по-гречески, и по-персидски.

Италию любил Айсе.

Умел Айсе добывать душу вина, называемую нами спиртом. Знал работы Альберта Великого² и араба Абу-Муссы-Джафара-эль-Суфи³. Сам Айсе пытался добыть золото из туции⁴. Спорил с ним Марко Поло.

Работа была невыгодна, у туции была хорошая цена, туция нужна была женщинам, чтобы подводить глаза.

— Торговля, — говорил Марко Поло, — превращает любой товар в золото. И выше всех алхимий — алхимия великого хана.

Вот в чем она состоит.

В Канбалу стоит монетный двор великого хана. Приказывает взять он луб тутового дерева, режет этот луб на четырехугольные кусочки и метит их своей печатью. Эти маленькие кусочки папки выпускаются с такой торжественностью, как-будто они

из чистого серебра или золота. Бумажки бывают на разную цену, и никто не смеет, под страхом смерти, их не принимать.

Говорит Марко Поло: «Про великого хана сказать можно — алхимию он знает вполне.

Все его подданные, повсюду, скажу вам, охотно берут в уплату эти бумажки, потому что, куда они ни пойдут, за все они платят бумажками, за товары, за жемчуг, за драгоценные камни, за золото и за серебро: на бумажки могут все купить и за все ими уплатить; бумажка стоит десять безантов, а не весит ни одного.

Приходят много раз в году купцы с жемчугом, с драгоценными камнями, с золотом, с серебром и с другими вещами, с золотыми и шелковыми тканями; и все это купцы приносят в дар великому хану. Созывает великий хан двенадцать мудрых, для того дела выбранных и сведущих, и приказывает им досмотреть приносы купцов и заплатить за них, что они стоят. Досмотрят мудрецы все вещи и уплачивают за них бумажками; а купцы берут бумажки охотно и ими же потом расплачиваются за все покупки в землях великого хана...

Много раз в году, сказать по правде, приносят купцы вещей тысяч на четыреста безантов, и великий хан за все расплачивается бумажками.

Скажу вам еще, много раз в году отдается приказ по городу, чтобы все, у кого есть драгоценные камни, жемчуг, золото, серебро, сносили все это на монетный двор великого хана; так и делают: сносят многое множество всего этого; а уплачивается всем бумажками. Так-то великий хан владеет всем золотом, серебром, жемчугом и драгоценными камнями всех своих земель...

Когда бумажка от употребления изорвется или попортится, несут ее на монетный двор и обменивают, правда, с потерей трех на сто, на новую и свежую.

Если кто пожелает купить золота или серебра для поделки какой-нибудь посуды, или пояса, или чего другого, то идет на монетный двор великого хана, несет с собою бумажки и ими уплачивает за золото и серебро, что покупает от управляющего двором».

Эта алхимия нравилась Марко Поло.

Понимал Марко Поло сущность этих операций. Говорил он, что за товары не приходится платить высокой цены, так как деньги бумажные.

Монголы выпускали бумажные деньги сперва с осторожностью, но всего было выпущено денег на 1 248 270 тысяч рублей. Это произошло уже при преемниках Кубилай-хана и так разорило народ, что в 1359 году началось восстание. Через десять лет монголы были изгнаны.

Пока торговля цвела. Ремесло приобрело широкий рынок. Арабы, итальянцы, узбеки и индусы привозили и увозили товары, но курс денег был не везде ровен, не везде принимали деньги хана. Были области, где вместо бумажных денег шли деньги соляные и деньги из раковин.

Марко Поло был частым гостем соболовой палатки хана, рассказывал хану про Палестину, Памир, про пустыни, где лошади вязнут в песке, и про горных старцев.

При Марко Поло привезли к хану с острова Мадагаскара дивный подарок: слоновьи зубы и амбру, добываемую из китов, и, главное, перо птицы Рок. Длина пера равнялась девяноста пядям.

Вместе с врачом был Марко Поло ближним чело-

веком при хане. Врач, глава звездочетов, придумал для Марко Поло должность — ездить по всей стране, все замечать, а главное смотреть, где принимают и где не принимают бумажные деньги и откуда какой можно привезти товар. Должен был Марко Поло все это разведать и, разведавши, приезжать и рассказывать хану.

Марко Поло так нагяделся на разные диковинки, так привык к дальним путешествиям, что уехал в новый путь от двора хана с радостью.

Марко Поло—разведчик

Последний раз побывал на пиру Марко Поло. Хан сидел за столом выше других, на северной стороне, лицом к югу. С левой руки сидела старшая жена, по правую руку, много ниже, — сыновья, племянники и родичи.

Головы их приходились у ног великого хана.

Столов было великое множество; посредине стояла чаша из чистого золота, в чашу входила бочка вина. Из большой чаши вино разливалось по золотым сосудам на восемь человек, и из этого сосуда черпали золотыми ковшами. Князья подавали еду и питье великому хану. Рты и носы у князей были прикрыты шелковыми тканями, чтобы не дышали они на пищу великого хана.

Когда великий хан пьет, все становятся на колени и низко кланяются. А хан пьет много.

У входов стоят великаны с палками, следят они за тем, чтобы никто не наступал на порог, а если кто наступит, то бьют его палками не раздвояя, или должен он откупиться.

За пиром получил Марко Поло дощечку серебряную, написано было на ней: «По воле великого бога и по великой его милости к нашему государю да бу-

дет благословенно имя хана, и да помрут и исчезнут все ослушники».

Получил Марко Поло серебряную дощечку, а была еще золотая. И была еще золотая со львиной головой. И была еще золотая с кречетом.

Поехал Марко Поло.

Дороги бежали во все стороны. Через каждые двадцать пять миль стояли станции, по-китайски — янпу, по-татарски — ям, а по-русски слово сохранилось в названии ямщик.

Станции были роскошны, дороги — шоссе. Везде лошади для перемены, по-нашему — перекладные. На станциях постели с шелковыми одеялами. Между двумя станциями, через каждые три мили — маленькие поселки, в которых живут пешие гонцы великого хана. Бегут они по дороге, одетые легко, пояса на них с колокольчиками. Бегут они вскачь три мили, а через три мили стоит смена. Услышит смена звон колокольчиков, принимает на ходу письмо и бежит дальше, а этот гонец отдыхает.

В одни сутки получает хан так вести за десять дней пути.

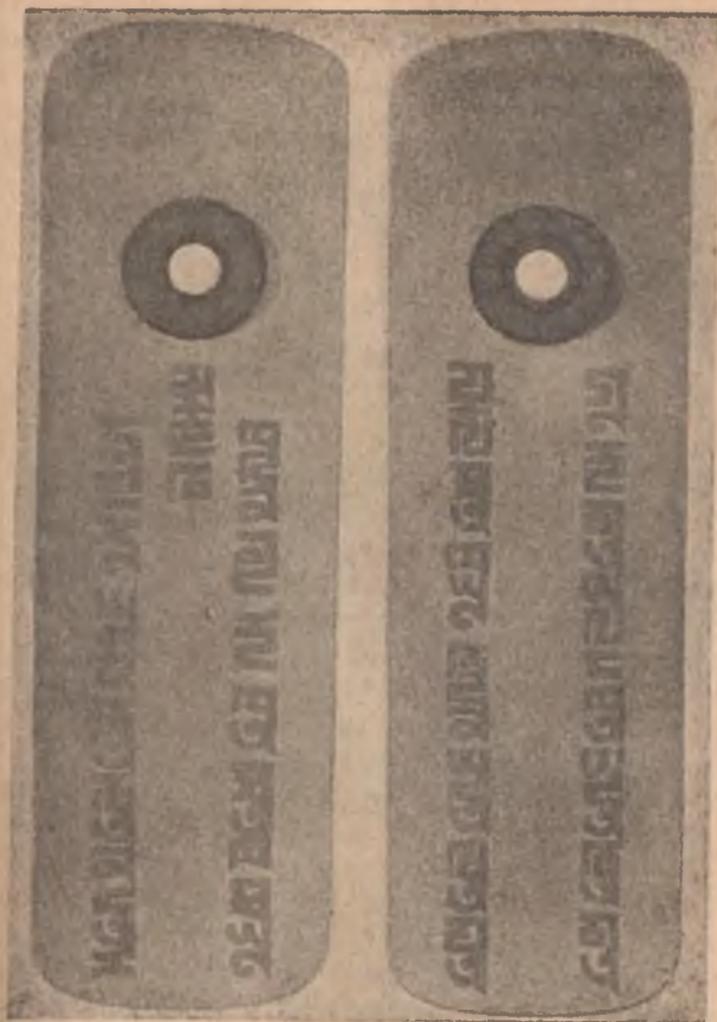
Так получает хан скорую почту и плоды во время их созревания.

Марко Поло ехал одетый купцом, не торопился. Дорога обсажена деревьями, тениста, на остановках можно пить рисовое вино. Лучше всего пить его горячим.

Зимой на станциях тепло, в печках горит каменный уголь.

Так ехал Марко Поло. Становилась дорога пустынной. Проверял Марко Поло, чем торгуют люди, по какой цене можно привезти сюда перец и ремень.

Проезжал он горами, где рос имбирь, ехал лесами

«Пайзы»

Золотые подорожные монгольских таянов

и в лесу встретил зверей, не знавших охоты великого хана. Переезжал Марко Поло через великие реки и доехал до разоренной области.

Дикие звери сделали себе логово в брошенных деревнях, звери не боялись человека, потому что они привыкли к человеческому мясу. Ночью подходили медведи и волки к огню. Везли с собой путешественники бамбук и клали зеленые стволы бамбука в огонь. Горит бамбук, гнется, треск идет на десять миль вокруг. Приходится лошадей спутывать железом и завязывать им глаза, чтобы не убежали они от страха и не достались зверям.

Двадцать дней ехал Марко. Хищные звери в лесу, лисицы грелись на дороге. Трава росла у брошенных домов. Наконец, доехали до людей.

Странный народ, насмешливый, разбойный. Хороши здесь собаки. Бумажных денег хана никто не берет, деньги из соли, одежда из звериных шкур или холщевая. Сюда нужно везти соль. Соли у хана много. Добывают ее, выпаривая из морской воды или выкачивая рассол из глубоких колодцев. Нужно сюда еще везти дешевую материю, а отсюда можно увезти собак крупных, как ослы, и бирюзу.

Странный здесь есть обычай.

Девка, если она не жила со многими мужчинами, ничего не стоит. Когда приходят сюда иноземцы и поставят палатки, приходят тотчас старухи из деревень и привозят дочерей, и так приведут двадцать и сорок женщин. С женщинами этими жить можно, а увозить с собой нельзя; нужно им дарить вещи в удостоверение, что с ней жил, и хорошая женщина должна носить таких подарков не менее двадцати.

А женившись, здесь живут верно.

Приводили к Марко Поло женщин много, и запи-

сал он в своей книге «Приходить сюда следует молодым — от 16 до 24 лет».

Марко Поло было не больше¹.

Дальше шел Марко Поло, прошел восемь царств.

Монастырь в Тибете

По приведенному в книге Юла рисунку

видел корицу, видел страну, где спрашивали у него коралл, а коралл нужно было везти из Италии. Видел страну, где водилось много гвоздики. И пришел, наконец, в область, где был обычай уступать иноземцу дочь, и сестру, и жену. Считалось в обла-

сти Гаинду², что приносит это дому изобилие, а хозяин уходит из дома, чтобы не мешать иноземцу.

Притти до от'езда считается невежливым. Был Марко Поло молод. Вывесил он у дома, где он остановился, шапку, в знак своего пребывания, и долго жил бедный муж в поле.

Ехал Марко Поло дальше. Дошел до страны Зардандан³, где у людей были золотые зубы и где при родах ложился муж на постель и кричал громче женщины, и после родов сам принимал поздравления и лежал как бы усталый, в доказательство того, что ребенок его собственный. В этой стране не было уже письмен, деньги у них были золотые, мелочь — раковины.

Счет шел на палочках.

С этой страной хан воевал недавно.

Отсюда вернулся Марко Поло к хану с товарами и рассказами. Принят он был хорошо.

Шесть месяцев ездил Марко Поло, все запомнил, все рассказал. Хан и удивлялся, и смеялся. Называл он Марко Поло мудрецом. Начал посылать его в разные страны.

Ездил Марко Поло по всей великой земле, все видел, все рассказывал.

А старшие Поло торговали, но и они дождались великой славы.

Братья Поло и господин Марко Поло младший оказывают хану великую услугу

Южный Китай еще не был завоеван, там еще сохранилась Сунская династия. Приезжие корабли платили пошлину китайцам, а не монголам. Ремесленники и купцы не все принадлежали великому хану, и бумажные деньги не шли на берегу Китайского моря.

Земля эта звалась Манги¹. Тамошний народ не был приучен к войне. Земля была изрезана каналами и рвами, в каждый город вход через мост. Монголы много раз проходили эту землю и не могли покорить ее.

Князь татарский Баян Чингсан подходил к городам, а города запирались. Пять городов осаждал Баян и не мог взять. Шестой взял и подступил к столице, Ханьчжоу-фу².

Тамошний царь бежал на кораблях на острова. Умер он в 1278 году. Наследовал ему брат.

За наследством прибыли суда Кубилая.

В 1279 году последний придворный государя посадил мальчика себе на плечи и прыгнул в море.

Цветущие города достались Кубилаю, города, в которых была соль; даже удивительно, сколько доходу эта соль дала великому хану. Досталась великому

хану вся земля, с каналами, кораблями, но все еще держался город Сай-ан-фу³.

Это был большой и богатый город, и к нему принадлежало еще двенадцать больших городов, здесь производили шелк и парчу. Когда уже весь Южный Китай был покорен, город держался еще три года. Подойти к городу можно было только с севера, со всех других сторон он был защищен большим озером. Город держался бодро, потому что по озеру подвозили к нему провизию.

Братья Поло и господин Марко посмотрели на стены города, стены из глины.

Марко знал всех людей в лагере, знал, что есть в нем мастера, которые умеют строить стенобитные орудия.

Огненные катапульты китайцев не могли разбить стены города. Нужно было придумать что-нибудь проще и вернее. В итальянских городах умели строить стенобитные орудия, искусство это осталось от римлян. Практика при осаде замков была большая, и венецианцы даже брали подряды на взятие городов машинами.

Дальше рассказывает сам Марко Поло:

«А великий хан повелел взять город во что бы то ни стало. Говорили тут два брата и сын, господин Марко: «Великий государь, есть у нас мастера, делают они такие снаряды, что большие камни бросают; не выдержит этот город; станут машины бросать камни, тут он и сдастся».

Согласился великий хан и повелел как можно скорее изготовить те снаряды. Были у братьев в услугах немец да христианин-несторианец, хорошие мастера. Приказали им братья построить две-три такие машины, чтобы бросали камни в триста фунтов.

Тувемцы Сан-Мяо в Гуйчжоу
По старинному китайскому рисунку

Состроили мастера две отличные машины; приказал великий хан отвезти их к войску, что осаждало город и не могло его взять. Пришли туда машины, установили их; татары глядели на них, как на великое в свете чудо.

Что же вам сказать? Установили машину и бросили камень в город; ударился камень в дом, рушился и ломает все, наделал шуму страшного.

Увидели жители такое неслыханное бедствие, изумились, испугались и не знают, что говорить им и что делать. Собрались на совет, а как спастись от этого снаряда, не придумали. Стали они тут говорить, что если не сдадутся, так все погибнут, посоветовались, да и порешили всячески сдаваться.

Послали сказать военачальнику, что сдаются и хотят быть под великим ханом. Принял их военачальник и согласился, а город сдался.

По милости Николая, Матвея да Марко вышло так, и не малое то было дело. И город и область — самые лучшие у великого хана; большой ему доход отсюда».

Город был взят. Но не все покорились монголам, и ненависти было много.

Жили люди под Кубилаевой рукой скучно. Великий хан запретил даже все игры и фокусников, и песни, которым придавали здесь цены более, чем где-либо в мире.

Хан сказал:

— Я покорил вас с оружием в руках и все, что принадлежит вам — мое, поэтому если вы играете, то играете моей собственностью.

Народу предписано было молчание. Когда просяжал хан, приказано было молчать на две версты кругом.

С горем покорялись китайцы.

Быль большой город Циньлин-цзюнь, где было много работников, ткущих шелк и парчу. Земля кругом плодородная. Войска великого хана взяли область Манги, и на этот город был послан отряд аланов.

Аланы, предки осетинов, жили в Китае и служили в войсках великого хана. Славилась они как воины и наездники и исповедывали тогда христианство.

Как попали осетины в Китай? Мир был тогда иначе слит. Монгольская империя владела заставой Дербента, а там недалеко были и аланы. Двигаясь, монголы включали в свои войска отряды других народов, и эти отряды потом попадали к великому хану. Во дворце великого хана были люди всех племен. Монах Вильгельм де Рубрук встретился здесь с русским диаконом.

Аланы взяли город.

Дальше рассказывает Марко Поло:

«Взяли аланы город и заняли его; попалось им тут хорошее вино; напились они его, да и заснули до бесчувствия. Увидел народ, что победители лежат запертво, и, немало не медля, в одну ночь всех их перебили, никто жив не остался.

Услышал Баян, что народ предательски перебил его людей, послал свою рать, и город взяли силою. Взяли город и, скажу вам по правде, перерезали жителей.

«Вот так-то, как вы слышали, перемер народ в этом городе»⁴.

Такие дела рассказывает Марко Поло просто, и романист Рустичиано не путает рассказа Марко.

Что же произошло в результате этих боев?

Вся земля китайская об'единилась в руках Куби-лая, большого хозяина. Закончили проведение ка-

нала до Канбалу^б, а в войске Кубилая усилились несториане и сарацины. Баян, который взял столько городов, стал подозрительным, и Кубилай хотел его казнить. Сохранил голову Баяна врач Кубилая Айсе.

Голову Баяна рубить было рано, потому что рядом с ханом рос другой враг — великий канцлер Ахмед Сарацин. Рядом затевался заговор китайцев, и дядя Кубилая Наян собирал войско из христиан.

Так доносили в небесную башню звездочеты, и вот почему сохранена была голова Баяна, имя которого китайцы записали иероглифами и разгадали как Бей-Янь, что значило по-китайски стоглазый.

Потому что была легенда, что только стоглазый человек может покорить город Манги.

Так донесли царю звездочеты, подкупленные Айсе.

И имя монгола и опыт военачальника, который сумел маневрировать конницей среди озер, были уже использованы. Можно было бы и казнить Баяна.

И едва не потерял головы Баян на своей славе. Спас его опять начальник звездочетов Айсе.

Заговор овладевал двором Кубилая, а Марко Поло, разведчик, ездил по Китаю, и как будто бы думал о другом.

О Китае

Я не буду пытаться здесь дать даже в схеме общую картину страны. Но нужно сказать о нескольких подробностях, которые не известны были Марко Поло или не были поняты им.

Монгол Темучин (Чингиз-хан), объединив вокруг себя монгольские племена, в 1206 году провозгласил себя великим ханом и дал своему народу имя своего племени — монголов.

Осенью 1213 года он отправил свои орды на завоевание Северного Китая. В 1220 году подчинил себе Бухару и Хорезм, в 1221 и 1222 годах — Хорассан, Ирак и Армению, в 1224 году разбил русских при реке Калке и в 1227 году умер.

Империю свою он разделил на четыре части, между четырьмя сыновьями, из которых Угедею было предоставлено старшинство.

Китай в это время разделялся на два царства: Северный Китай был завоеван выходцами из Манчжурии, царство которых известно под именем Цзинь. Цзиньская династия существовала с 1115 по 1234 год. На юге Китая удержалась Сунская династия.

Угедею пришлось воевать сперва с Цзиньской династией, причем, вероятно, он был союзником южной Сунской династии.

Угедей покорил большую часть северного и среднего Китая, предпринял поход в Среднюю Азию, дошел до Армении и Грузии, где покорил Карс и Тифлис.

Племянник его носил имя Бату. В России его звали Батый. Он разгромил Рязань, Владимир, Москву в 1237 году, а в 1241 году разграбил Киев.

Отсюда Батый пошел на Венгрию, но повернул обратно, узнав о смерти Угедея.

Наследник Угедея Гуюк продолжал войны на Кавказе и покорил часть Кореи. После смерти его произошла междоусобица, и монгольский престол перешел к внуку Чингиз-хана — Мунке, или Мангу.

Мангу-хан завоевал Тибет и ходил в Индо-Китай.

Преемником его был хан Кубилай, или Хубилай.

Сунская династия на юге еще держалась.

Кубилай в 1267 году объявил себя китайским богдыханом и династии своей дал в 1280 году прозвание Юань¹.

Теперь я перехожу к рассказу об устройстве поземельной собственности в Китае того времени. Рассказ ведется мною по статье И. Захарова, напечатанной в «Трудах членов Духовной миссии», том II.

Во время борьбы киданей, монголов и Сунской династии за китайскую землю — разорение, голод, бегенство были уделом миллионов людей. По всей стране шли крестьянские восстания.

При начале владычества монголов в Китае в 1230 году предполагалось даже «обратить всю покоренную страну в степь, китайцев, если можно, всех вырезать». Это предложение оказалось невозможным.

Монголы, захватив Китай, отняли землю у круп-

Чингиз-хан на троне со своими сыновьями
Миниатюра из персидской рукописи, находящейся в Британском музее

ных китайских землевладельцев, и хан широко надеялся земельными угодьями своих приближенных — монголов и пришельцев из других стран.

Монголы не изменили ничего в способе выкачивания доходов. Среднего и мелкого землевладения в Китае монголы не трогали.

Но в захвате земель была проявлена огромная изобретательность. Один из царевичей, например, хотел завладеть шестьюдесятью тысячами цин² отме-лей по берегам реки, для того, чтобы захватить в свои руки воду и брать оброк с судоходства.

Во времена Марко Поло еще шла борьба с Южным Китаем. Монгольская армия со своими стадами, т. е. целые племена, стояла, вероятно, на китайской земле, и поэтому возможно, что часть земель вокруг городов в это время была обращена в пастбища.

Китай не был уничтожен, он оказался рынком, но китайцы были стеснены настолько, что часть населения жила уже в лодках, разводя на лодках гусей и уток.

Это были люди, для которых буквально не осталось места на родине. На них-то и целился догадливый царевич, который овладел бы, получив отмели, не только китайской торговлей, идущей по рекам, но и пловучим сельским хозяйством.

В Южном Китае, пока не пала Сунская династия, попытались провести земельные реформы.

Возникла мысль взять земли от частных владельцев в казну.

По сделанному расчету выходило, что если бы правительство имело сто тысяч цин, то оно получало бы с этой земли, в качестве арендной платы, семь миллионов мешков хлеба, и этого хватило бы на прокормление самой многочисленной армии.

В 1263 году было постановлено: казна приобретает землю из частных рук посредством покупки.

«Если кто из чиновников или простолюдинов владеет более 100 му³, — взять эту землю в казну с уплатой владельцу известной суммы, количество которой определяться должно количеством ежегодного оброка.

Участок земли, приносивший оброка один мешок, оценен в двести тысячных связок китайской медной монеты; если же земля доставляла оброка менее одного мешка, то за каждую десятую часть оно сбавлялось двадцать связок. Уплата сих денег производилась большею частью квитанциями и векселями.

Эта мера приобретения земель в казну в течение десяти лет приводилась в исполнение с большим успехом, особенно в губерниях Лян-чже и Лян-цзян, преимущественно в областях: Су-чжоу, Цзя-син, Ху-чжоу, Чан-чжоу, Чже-цзян».

До конца эту реформу провести не удалось.

Монголы, захватив юг Китая, уже не были теми монголами, которые хотели когда-то пустить весь Китай под траву.

Вельможи, придворные евнухи, жрецы буддийского и даосского исповеданий выпрашивали у монголов грамоты на земли, с приложением большой печати.

Но сами монголы втягивались в систему китайской жизни и изменяли ее. До них Китай был отделен от остального мира горами и пустынями.

Монголы установили мировые караванные дороги.

На несколько десятилетий стал между Китаем и всем миром мост. По этому мосту и пришли Поло со многими другими иностранцами.

Марко Поло отмечает, что в это время в Китае научились от египтян делать белый сахар. Историки

китайского театра отмечают, что именно тогда начался китайский театр, под влиянием персидского, и именно тогда средне-азиатские инструменты были усвоены Китаем.

Китай, в котором был Марко Поло, не замкнутый Китай. В этот момент китайская и средне-азиатская культуры узнали друг друга и кое-что узнала далекая, с краю стоящая, неумытая Европа.

Марко Поло рассказывает о величественном городе

Город назывался Ханьчжоу-фу¹.

Этот город прославлен арабами, персами, китайцами. Город этот описала здешняя царица в письме Баяну-победителю. Докладывали об этом городе царица и победитель вместе великому хану. Двадцать два описателя из коллегии «соединенных кистей» изобразили славу этого города, при помощи четырех азбук и китайскими иероглифами. Звездочеты города получили новое платье и тоже подали свое донесение.

Марко Поло сам осмотрел прекрасный город и проверил своими глазами чудо.

Говорилось в том писании прежде всего, что «город в округе около ста миль и двенадцать тысяч каменных мостов в нем, а под сводами каждого моста или большей части мостов суда могут проходить, а под сводами иных — суда поменьше. Не удивляйтесь, что мостов тут много; город, скажу вам, весь в воде, и кругом вода; нужно тут много мостов, чтобы всюду пройти».

Говорилось еще в том писании, что «было там двенадцать ремесел и для каждого ремесла было двенадцать тысяч домов; в каждом доме было по мень-

шей мере десять человек, а в ином пятнадцать, а то тридцать или сорок, не все, конечно, мастера, но и работники, что по указанию мастера работают; и всем было дело, потому что отсюда снабжаются многие другие города и области.

Много здесь богатых купцов, и шибко они торгуют; и никто об этом истинной правды не знает, так тут много купцов. Скажу вам еще, знатные люди и их жены, и те мастера, о которых вам рассказывал, собственными руками ничего не делают, живут в таком довольстве и так чисто, словно цари; и жены их тоже в довольстве и такие красавицы.

По велению царя всякий занимался отцовским ремеслом, и хоть бы у него было сто тысяч безантов, заниматься другим ремеслом он не может.

К югу есть озеро, добрых тридцать миль в округе, по берегам много прекрасных дворцов и красивых домов; выстроены они на славу; богаче и лучше их и придумать нельзя, и то дома знатных и именитых людей.

Много тут еще аббатств и языческих монастырей; идолов там многое множество. А посреди озера, скажу вам еще, два острова, и на каждом по дворцу, роскоши изумительной; выстроены они на славу, а убраны словно императорские. Когда они свадьбы играют или пиры задают, так ездят в те дворцы и там пируют; тут все нужное для пира: и посуда, и ножи, и блюда.

Домов хороших в этом городе всюду много. Есть там большая каменная башня; когда случится в городе пожар, жители сносят туда свое добро; а пожары там частые, оттого что деревянных домов много».

Великий хан здесь только поддерживал старые установления города, увеличивая охрану. На мостах

днем и ночью стояли стражники в две смены по пять человек.

У каждого поста были водяные часы и деревянное било. В начале ночи били один раз, в два часа давали два удара.

Стража обходила квартал и смотрела, не горит ли где огонь после назначенного часа. Но если огонь горел, стража не вламывалась ночью, а ставила на дверях знак, и утром хозяин или платил штраф, или его наказывали малой планкой.

Нищенство было запрещено в городе, нищих отдавали в рабочие дома.

По городу нельзя ходить праздно. Над городом есть гора, на ней стража, она следит, нет ли в городе пожара или народного волнения.

Бойтся великий хан, что город взбунтуется, и велит большому войску крепко сторожить город.

В городе все улицы вымощены камнем и кирпичом, и уходят кирпичные дороги в поля.

Для конницы каменные дороги неудобны. Поэтому приказано часть улицы с края оставлять немощеной для гонцов и войска.

Главные улицы мощены не камнем, а сделана дорога из мелкого щебня, с водосточными трубами для стока дождя.

У кого в этом городе родится ребенок, отец с матерью записывают день, час и место рождения и советуются с звездочетами.

Если кто хочет ехать, то советуется с звездочетом.

Вот почему звездочеты у хана в великом уважении.

Если кто приезжает в город и ночует в гостинице, то спрашивают у него документы, и записывают его имя и фамилию и откуда он приехал.

«Дело то людей умных», — говорит Марко Поло.

В городе четыре тысячи бань, бани просторные. От города к пристани идет канал. В области тысяча двести городов, и в каждом городе тысяча людей охраны. А в ином городе десять тысяч и тридцать тысяч. Не все там татары, есть там аланы, куманы, сарацины, хорезмцы. и все друг другу не верят, и все друг друга сторожат, и вместе они сторожат город.

На дверях домов написаны имена хозяев, имена жен, сынов и жен сынов, рабов и всех домочадцев, а также сколько в доме лошадей.

Если кто помрет, имя вычеркивается, если кто родился, — имя записывают на доску.

Славится еще город женщинами: так они здесь красивы и так принимают они гостей, что никогда не забудет человек женщин Небесного города. Они одеваются пышно, употребляют сильные духи, потому что духи закрепляются в памяти, и память возвращает запахи.

Женщины Небесного города опытни в искусстве прельщать мужчин, умеют приспособлять свои речи к разного рода людям. Иностранец, побывавший у китайки Небесного города, остается околдованным; он дома рассказывает о Небесном городе, хотя это невежливо, и думает о часе, когда можно вернуться туда.

Так живет этот город и приносит доход великому хану, доход в миллионах, доход с сахара, которого здесь выделывается больше, чем где бы то ни было в мире. С пряностей платит город три процента, платит также город десять процентов с риса, с угля и со всех двенадцати ремесел, которые цветут в городе.

С шелка также платят десять процентов.

Доход с этого города неслыханный.

Господин Марко Поло не может расстаться с городом и снова рассказывает о нем

Город расположен таким образом, что по одну сторону его находится озеро с пресной и очень чистой водой, по другую — очень широкая река, наполняющая много больших и малых каналов, протекающих по каждой части города и уносящих все нечистоты сначала в то озеро, потом в океан¹. Воздух поэтому очень чист.

По всему городу можно идти сухим путем и плыть по тем каналам. Улицы и каналы так широки и велики, что удобно могут проходить телеги и лодки с предметами, необходимыми для жителей.

На другом конце города находится ров, длиною приблизительно в сорок миль. Он составляет границу города с этой стороны. Ров очень широк и наполнен водой, идущей из той реки. Он был вырыт древними царями той провинции, чтобы излишек воды во время наводнения мог сливаться туда, а также для защиты города. Вырытая земля была сложена по сию сторону рва и образовала как бы насыпной вал вокруг города.

Здесь находится десять главных площадей, не считая бесконечного числа других, расположенных по кварталам. Эти площади квадратные. Длина каждой

стороны — около полмили. С передней стороны их проходит главная улица, шириною в сорок шагов, идущая от одного конца города до другого, со многими мостами, пересекающими ее, удобно построенными.

На каждые четыре мили² приходится одна из площадей, имеющих, как сказано, две мили в окружности. Есть также широчайший канал, идущий параллельно той улице, но с задней стороны тех площадей. На берегу его, со стороны площадей, построены обширные каменные здания, где складывают свои товары все купцы, приходящие из Индии и из других стран, чтобы иметь их возле себя и у площадей.

На каждой из площадей три дня в неделю собирается от сорока до пятидесяти тысяч людей. Они продают товары и приносят сюда разного рода съестные припасы, которые здесь всегда в изобилии, как то: дичь из коз, оленей, ланей, зайцев и кроликов, а также куропаток, фазанов, франколинов, перепелов, кур, каплунов; а уток и гусей столько, что и сказать нельзя, потому что в том озере их содержится такое количество, что за один венецианский серебряный грош можно получить пару гусей или две пары уток.

Там же мясные ряды, где убивают крупный скот, телят, быков, козлят и ягнят; это мясо едят богатые люди и вельможи; но другие, именно люди низкого состояния, не воздерживаются ни от какого мяса, как бы нечисто оно ни было, без всякого разбора.

На тех площадях постоянно есть все роды злаков и плодов; из последних замечательнее всего огромные груши, по десяти фунтов весом каждая; они внутри белы, как тесто, и отличаются редким ароматом; также, в свое время, персики, желтые и белые, очень нежные. Виноград там не растет, но привозит-

ся в сухом виде из других стран, очень хороший. Привозится также и вино. Местные жители ценят его не высоко, так как привыкли к своему вину из риса и пряностей. С моря-океана вверх по реке, из-за двадцати пяти миль, каждый день привозится большое количество рыбы. Ее также много в том озере, где ее постоянно ловят рыбаки, занимающиеся только этим делом. Рыба разного рода, смотря по времени года; вследствие нечистот, плывущих из города, она жирна и вкусна. Кто бы увидел количество той рыбы, никогда бы не поверил, что все это будет продано; между тем в немного часов исчезает вся рыба; столько здесь жителей, привыкших к изысканному образу жизни; и рыба, и мясо подаются у них за одно блюдо.

Все те десять площадей окружены высокими зданиями; в нижнем этаже помещаются лавки, где исполняются всякого рода работы ремесленников и продаются всякого рода товары, пряности, драгоценные камни, жемчуг. В некоторых лавках продают только вино из риса и пряностей; приготавливают постоянно свежее вино и продают его дешево.

На других улицах помещаются публичные женщины, которых столько, что и сказать нельзя, не только близ площадей, где для них обыкновенно отводятся места, но во всем городе.

В других улицах живут врачи, астрологи, те, кто учит читать и писать, и представители бесконечного числа других искусств. Всем им отведены места во круг площадей. На каждой из последних два больших дворца, один с одного, другой с другого конца, где живут вельможи, назначенные царем, чтобы немедленно разобрать всякое несогласие между купцами или между другими жителями тех кварталов. Те вель-

мóжи обязаны каждый день заботиться о том, чтобы стража у соседних мостов стояла на месте, а за неисполнение этой обязанности наказывают их по своему усмотрению.

Вдоль главной улицы, о которой мы говорили, что она идет с одного конца города до другого, с обеих сторон стоят дома и огромные дворцы со своими садами; вблизи находятся жилища ремесленников, работающих в своих лавках. Во все часы здесь встречаешь людей, идущих в том или другом направлении по своим делам, так что, увидя такую толпу, можно бы думать, что нельзя собрать для всех довольно с'естных припасов; но в каждый базарный день все те площади покрыты и наполнены жителями и купцами, везущими эти припасы то на телегах, то на судах, и все это потребляется. Стоит только упомянуть о том, сколько в том городе потребляется перца, чтобы можно было судить о количестве с'естных припасов, мяса, вина, пряностей, приготавлиющихся здесь для общего потребления. Господин Марко слышал рассказ одного из таможенных чиновников великого хана, что в городе каждый день потреблялось сорок три груза перца, а каждый груз равняется 223 фунтам. Дома у богатых жителей хорошо построены и отделаны; они находят такое удовольствие в орнаментах, живописи и архитектуре, что тратят на это удивительные суммы денег.

На озере³ есть лодки и барки в большом числе. большие и малые, для увеселительных поездок; на них могут поместиться десять, пятнадцать, двадцать и больше человек, потому что их длина от пятнадцати до двадцати шагов, а дно широко и плоско, так что они плывут, не наклоняясь ни на ту, ни на другую сторону. Каждый, кто хочет совершить увеселитель-

ную поездку с женщинами или с товарищами, нанимает одну из тех барок, которые постоянно содержатся готовыми, с красивыми стульями, столами и другими предметами, необходимыми для пира. Наверху, на плоской палубе, стоят мужчины с баграми, которые втыкают в дно (потому что глубина того озера не более двух футов), и приводят барку туда, куда им велели. Палуба с внутренней стороны расписана разными красками и фигурами, таким же образом вся барка; кругом расположены окна, которые можно закрывать и открывать, так что компания, сидя за столом, может смотреть по сторонам и наслаждаться разнообразием и красотой места, куда ее везут. Поистине прогулка по озеру доставляет больше наслаждения, чем какая-либо другая вещь, которою можно пользоваться на суше, так как по одну сторону простирается город, во всей своей обширности, и стоящие в барке могут издали любоваться им во всем его величии и красоте, со столькими дворцами, храмами, монастырями, садами с высочайшими деревьями, расположенными на берегу воды. На озере всегда есть несколько барок с людьми, совершающими увеселительную поездку, так как жители города ни к чему так не стремятся, как, покончив со своими делами или торговлей, употребить часть дня на подобные удовольствия или с женщинами своего круга, или с публичными женщинами, или в тех барках, или в повозках, разезжающих по городу, о которых нам также надо поговорить, так как одно из удовольствий жителей — ездить по городу, как они на барках катаются по озеру.

На главной улице постоянно можно видеть направляющимися в ту или в другую сторону ряд длинных крытых повозок, снабженных занавесками и подуш-

ками из шелка, в которых могут поместиться шесть человек; за ними каждый день приходят и мужчины и женщины, желающие совершить увеселительную поездку. Можно видеть бесконечное число тех повозок вдоль той улицы, посредине ее, направляющихся к садам, владельцы которых принимают их в павильонах, построенных с этой целью; там они развлекаются весь день со своими женщинами, а вечером возвращаются домой в тех повозках.

Коренные жители города Кинся (Ханьжоу-фу) люди мирного нрава по своему воспитанию и по примеру своего царя, также отличавшегося миролюбием. Не умеют обращаться с оружием и не держат его в своих домах. Нет у них ни ссор, ни шумных споров, ни каких-либо раздоров. Они занимаются торговлей и ремеслами с большой честностью и правдивостью. Они так любят друг друга, что по доброжелательству, возникающему при соседских отношениях как между мужчинами, так и между женщинами, можно считать каждый квартал как бы одним домом.

Со своими домашними живут так дружно, что у них нет ни ревности, ни подозрения к своим женам, к которым относятся с большим уважением, и большое бесчестие постигло бы того, кто бы осмелился обратиться с нечистым предложением к замужней женщине. Любят также и иностранцев, приходящих к ним для торговли, охотно принимают их у себя дома, любезно обращаясь с ними и оказывая им всякого рода помощь и совет в их делах. В противоположность этому они ненавидят солдат и стражников великого хана, помня, что через них они лишились своих природных царей и вельмож.

Марко Поло купец.

Купцом он и остался, хотя состоял при дворе ве-

ликого хана, хотя увлекался княжеской соколиной охотой. В его описании города Кинсяя видна симпатия купца к купцам.

Он описывает Кинсай, как идеальную Венецию.

Юл отмечает еще, что в Китае из всех видов мяса больше всего употребляют свинину, но Марко Поло в описании рынка перечисляет гусей и уток, телят, кроликов, но свиней не упоминает.

Может быть, это не случайно.

Слуга монголов, враг Ахмеда и мусульман, Марко Поло в то же время осарацинился, он стесняется говорить о свиньях.

Марко Поло разговаривает со старым купцом

Любят иностранцев и привыкли к ним в городе Неба.

Марко Поло не был сарацином, а самым страшным врагом китайцев считался в это время Ахмед Сарацин, член верховного совета.

Сам Кубилай колебался между разными народностями и между разными частями своего войска и их предводителями.

Двор хана тянул сторону Китая, в гареме были принцессы Сунской династии.

Марко Поло был человеком скорее всего китайской ориентации при дворе. Поэтому его хвалят китайские летописцы, поэтому дружественно принял его старый купец и сам проводил его по развалинам дворца старой династии.

Вошли в дворец через ворота. По обеим сторонам ворот, прямо на земле, без фундаментов, стояли обширные павильоны. Крыша павильонов поддерживалась колоннами, украшенными лазуритом. Прямо против ворот находился большой павильон, весь разукрашенный золотом, потолок и стены были расписаны картинами, изображающими события жизни

прежних царей, их войны с дальним Тибетом и степными варварами.

В главном павильоне царь устраивал некогда обеды для главных вельмож, начальников, купцов и богатых ремесленников города. За стол разом садилось десять тысяч человек.

Обед и роскошный прием продолжался двенадцать дней.

Каждый приходил сюда одетым как можно наряднее, и поле, украшенное цветами, не могло сравниться с этим залом, потому что цветы не думают, не гордятся и потому не разнообразны.

За павильоном стена, которая сейчас уже развалилась, в стене проход, за проходом большое здание наподобие монастыря. Это дворец царя.

За дворцом коридор, шириною в шесть шагов и такой длины, что человек в конце коридора казался шахматной фигурой.

С каждой стороны коридора по десяти дворов, устроенных наподобие монастырей, с портиками. В каждом дворе пятьдесят комнат с садами при них, и здесь жили тысячи девиц, которые утешали царя¹

Тысячи девиц у царя, потому что царь был добр, не вмешивался в чужие дела и при нем разрешалось ночью ходить по улицам.

С девицами катался царь по озеру в барке, крытой шелком.

Сад был разбит на рощи, и сюда, кроме царя, не ходил ни один мужчина. Сюда приходил царь с девицами.

Здесь они снимали с себя одежду, купались в озерах и руками ловили зверей для царя. Звери те были ручные. Здесь же обедал царь.

Он не знал даже названия оружия.

А теперь комнаты тех девиц в развалинах, стены, окружающие рощи и сады, сравнены с землею и нет больше ни животных, ни деревьев.

«А теперь, — сказал купец, — песок заносит наши гавани. Пираты усилились, пошлины возвысились. Впрочем, вы сами знаете, все, что вы знаете».

Так говорил купец с Марко Поло, пробуя его душу.

Марко Поло писал о монголах так, как Тацит писал о римлянах, так, как арабские писатели писали иногда о франках, рассказывая о благородной жизни варваров.

Но в купеческом Кинсае Марко Поло чувствовал себя китайцем.

Для китайцев же Марко Поло был варваром, чужим, тяжелоступающим, плохोпахнущим.

Но завоевания приучили китайцев к иноземцам.

Наука, полуизгнанная из столицы, нашла приют в купеческих домах.

Купцы стали философами и читали уже не только для них созданные романы.

Философом был купец, который говорил с Марко Поло.

Разговор этот мною не выдуман, но этому купцу только приписан.

Марко Поло же не мог бы записать этот разговор, если бы он его даже выслушал.

Марко Поло уехал отсюда с большими подарками.

При отъезде спросил он купца, что подарить ему.

Ответил купец:

«Только воздержанность утешает человека. Самые воздержанные люди в мире, как известно это даже слабому моему уму, монахи даосские. Они люди высоких совершенств, они сидят, как трупы, стоят, как дерево, движения их, как гром, и ходят они, как ветер.

Воистину они люди чуда. Среди них величайшим был Чань-Чунь, человек с великими совершенствами. Родился он в горах, и сам Чингиз-хан вызывал его для мудрой беседы, но он говорил грозе мира о высшей добродетели — почитании старших.

Прекрасны женщины нашего города, нельзя их забыть. Возьмите с собой духи, господин. В духах живет память. Но высшее счастье — не желать. И это счастье знают монахи даосские.

Всю жизнь они едят одни отруби, положивши отруби в воду.

Голову и бороду бреют, одеваются только в белое и черное.

Так живут монахи даосские. Великий хан дал им сейчас большие земли и честь, и все же они любят родину. Вчера один из них посетил мой презренный дом и удостоил меня беседы.

Он сказал: «Вчерашняя мысль не оставляет следов, тоже и дела настоящего дня, лучше всего покинуть то и другое и проводить дни в постоянной пустоте».

Еще он сказал: «Падают города, но зеленые деревья становятся гуще и гуще, и редко ветерок прорывается глубоко».

Наш народ, скажу я вам, крепкий, не как камень, а как земля; страна наша крепка, как ива, хотя и меняет имена с каждой династией».

Марко Поло не захотел продолжать опасный разговор.

«Друг, — сказал он, — что привезти вам в подарок? Может быть, цветы из сада хана утешат ваш взгляд?»

Купец ответил:

«Высок бамбук в саду хана, а глаза вашего слуги и младшего брата стары. Бамбук хана растет быстро.

Пыль гонцов ест мои глаза. Этот бамбук чрезвычайно красив; вероятно, после опустошения войны, нельзя много достать его. Теперь я состарился, наступает срок моего возвращения; удели мне несколько десятков стволов, они будут закрывать зрение. Нам жаль, когда мы теряем какую-нибудь вещь, тем более жаль большой страны» *.

* Разговор составлен по книге «Си-ю-цзы, или описание путешествия на Запад». Я использовал перевод Палладия Кафарова «Труды членов Российской Духовной миссии», т. IV, изд. 2-е, Пекин, 1910 г., стр. 127—200. (Прим. автора).

О попытке возмутить город Канбалу

Хорошо были охранены китайские города от китайцев. Пишет Марко Поло, называя областями Катая то, что сейчас называют Северным Китаем, и называя Манги — южную часть страны: «Во всех областях Катая и Манги и в остальных его владениях есть довольно предателей и неверных, готовых возмутиться, а потому необходимо во всякой области, где есть большие города и много народу, содержать войска; их располагают вне города, в четырех или пяти милях; а городам не позволено иметь стены и ворота, дабы не могли препятствовать вступлению войск. И войска, и их начальников великий хан меняет через каждые два года. Так взнузданные народы остаются спокойны и не возмущаются.

Войска содержатся не только на жалование, которое великий хан определяет им из доходов области, но и живут также своими многочисленными стадами, молоком, которое продают в город, и на эти средства покупают, что им нужно. Войска расположены в разных местах, в тридцати, сорока и шестидесяти днях. Если бы Кубилай собрал половину их, было бы их такое диковинное множество, что и не поверить».

Государство управлялось двенадцатью советниками. Среди них был некий сарацин по имени Ахмах.

Монгольским князьям и ханам Кубилай не доверял. Вот почему у него был такой большой двор. Он старался иметь всех возможных врагов у себя перед глазами и возил их с собой, и одевал их, и поил их, и держал против них стражу.

Страною он управлял через чиновников, а города держал татарами, стоящими за заставой, и разноплеменной стражей.

Ахмах распоряжался всем управлением, наказывал преступников. Хан все делал по докладу этого сарацина. Если желал он погубить кого-нибудь, то шел к великому хану и говорил:

— Такой-то заслуживает казни. Оскорбил он ваше величество так-то.

Великий хан всегда отвечал:

— Делай как знаешь.

Народ, видя доверие великого хана к Ахмаху, т. е. к Ахмеду, боялся его. Был Ахмед великим взяточником и любил он красивых женщин. Незамужних он брал в жены, а замужних отнимал у мужей. Были у него специальные сводники, узнавали они, где есть красивые женщины. Потом посылал их Ахмед к отцу девушки и говорил:

— У тебя есть дочь, отдай ее замуж за наместника, а мы устроим, что он даст тебе такую-то должность или такое-то назначение на три года.

Отдавал человек дочь Ахмеду, Ахмед шел к великому хану и говорил:

— Такой-то человек заслуживает награждения. А должность такая-то свободна.

И великий хан всегда отвечал ему:

— Делай как знаешь.

Все красивые женщины или делались его женами, или же подчинялись его желанию.

Было у Ахмеда двадцать сыновей, и с женщинами они поступали так же, как и их отец.

Скапливал Ахмед большие богатства и властвовал он двадцать два года.

Врач астролог и Марко Поло давно уже следили через звездочетов за Ахмедом.

Следил за Ахмедом, с другой стороны, Ван-Чжу; в течение последних девяти лет был он товарищем по должности.

При нем в колдунах состоял звездочет Гао-Хешан¹, который не подавал сведений Марко Поло. Другом Вана был офицер Чжан. Были они китайцами и мечтали о восстании.

Напасть на Кубилая было опасно. За Кубилаем были монголы. Легче было напасть сперва на Ахмеда, за Ахмедом были одни сарацины. Потом можно было разбить несториан и аланов, закрыться в городах и драться с монголами.

Чжан, называемый Марко Поло Чен-Ху, командовал тысячью человек. Ахмед изнасиловал его мать, потом жену и потом дочь. Чжан терпел, потому что ему нужно было иметь солдат под своим начальством.

Ван-Чжу имел под своим начальством десять тысяч человек.

Наступила весна, и отправился Кубилай со всеми своими баронами, с сокольничими, с собаками, с соколами, с царями в Шаньду.

Ахмед остался в ханском дворце наместником.

Отпраздновал хан трехдневный пир и уехал.

Ван-Чжу и Чжан решили, что день настал. Так сказал им монах Гао, по верным предзнаменованиям. Сказано было всем китайцам, что когда захва-

тят дворец, то будет дан сигнал огнем, и каждый, увидавший этот сигнал, должен сам жечь сигнальные огни, и побегут сигналы по всему Китаю, узнают все города Катая и Манги, выйдут люди разом на улицу и убьют всех бородатых.

Китайцы по природе безбороды. Татары же, сарацины, христиане носили бороду.

Тут говорит Марко Поло:

«Нужно знать, что все китайцы не любят управления великого хана, потому что поставил он над ними татар, и всего чаще сарацин; а этого китайцы не выносили, так как обходились с ними как с рабами.

Великий хан овладел Китаем не по праву, а силою, и не доверял китайцам, а отдал страну в управление татарам, сарацинам и христианам, людям из его рода, верным — не туземцам».

У Ахмеда были плохие отношения с сыном Кубилая, принцем Чим-Ким. Принц шел на большие уступки китайцам.

Ван-Чжу и Чен-Ху в условленное время вошли ночью во дворец. У всех дверей стали китайцы-воины. Ван-Чжу сказал:

— Осветите дворец!

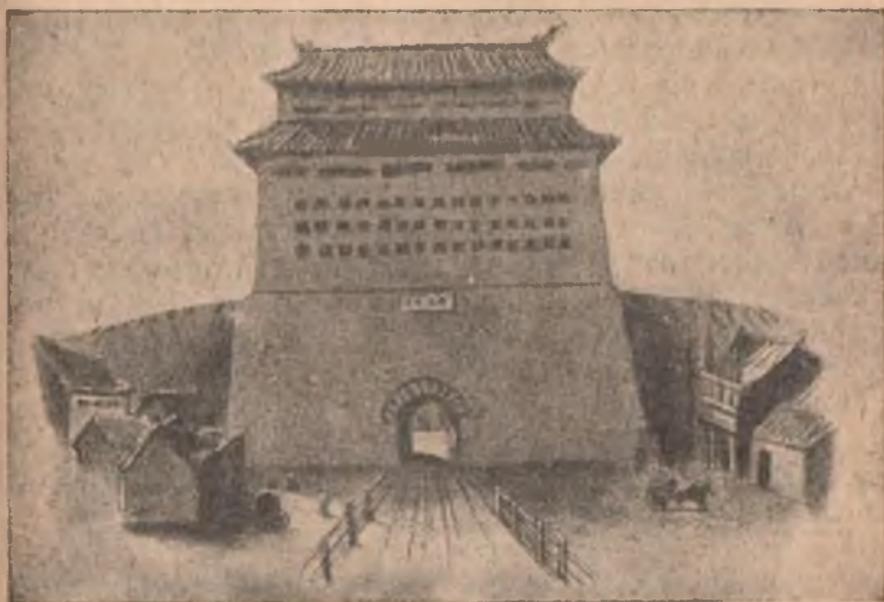
И послал Ван-Чжу к Ахмеду, жившему в старом городе, гонца, как будто бы от сына Кубилая, сказавши, что приехал Чим-Ким и зовет Ахмеда к себе.

Была ночь. Ветер дул из ворот Канбалу в ворота, сквозь решетки. Уже пробил третий бой и по улицам ходили патрули.

Ахмед в воротах города встретил татарина, по имени Кагатай, старшего начальника стражи. Ахмеда пропустили, но при начальнике стража была особенно внимательна и спросила, куда идет наместник.

— К Чим-Ким, только что приехавшему, — ответил Ахмед.

Кагатай пропустил Ахмеда, а потом подумал: как мог проехать Чим-Ким без его ведома? Взял несколько солдат и издали пошел за Ахмедом.

Ворота в стене Бейпина

Ахмед проехал через пустынный город, подошел к стенам, ему спустили мост, Ахмед прошел ворота первой, второй и третьей стены. Между стенами было темно и прохладно. Теплые сонные звери стояли на дороге. А дворец был освещен.

Ахмед взошел на лестницу дворца, взошел в тронный зал, стараясь не наступить на порог. На троне Кубилая сидел кто-то, Ахмед пал ниц.

Чен-Ху ударил Ахмеда мечом по шее.

И ни Ахмед, ни голова его не узнали, что на престоле уже сидел китаец Ван-Чжу.

Кагатай шел за Ахмедом и видел все в двери.

— Предательство! — закричал он.

Был он человек быстрый и пустил стрелу в Ван-Чжу и убил его на месте, и солдаты, которые были с ним, начали рубить и пленили Чен-Ху. И из дворца по углам, и из среднего дворца выехали вооруженные татары и всякого, кого встречали они на пути, убивали не спрашивая.

Занял Кагатай все вышки, пустил гонцов пеших и конных, стала везде стража, и китайцы не решились выйти на улицу из дверей, на которых были написаны имена всех живущих в домах. Никто не решился дать знать огнем. И пламя погасло не разгоревшись.

Гонцы прибежали к великому хану. Великий хан не вернулся, потому что он не любил жары и понимал законы войны. Он оставил Кагатая казнить, для того, чтобы потом приехать миловать.

По некоторым китайским летописям, следствие производил Поло². Поло на службе у Кубилая было несколько, и возможно, что здесь идет речь не про Марко Поло, но в книге Марко Поло написано:

«В то время, когда все это происходило, Марко находился там».

Ахмед обвинялся в том, что он насилует женщин и крал вещи, принадлежащие лично хану. Говорили, что он украл рубин, привезенный купцами из Бадахшана.

Сыновей Ахмеда Марко Поло допрашивал отдельно, жен отдельно; собрал показания. Наступила осень, вернулся великий хан.

Казни были уже произведены во всех городах. Великий хан принял донесение разведчика Марко Поло.

Рассмотрел Кубилай бумаги и нашел, что проклятый Ахмед с сыновьями натворил много зла и безобразия, что семь сыновей его виноваты, а тринадцать могут быть помилованы, что насилій произведено было много и ненависти к бородатым накопилось много.

Нужно было уступить китайцам. Сперва уступили им тело Ахмеда. Вырыли тело Ахмеда из могилы и бросили на улице собакам на растерзание.

Семи сыновьям Ахмеда приказано заживо содрать кожу.

Имущество Ахмеда было конфисковано и передано в казну хана.

Оставались сарацины. С сарацинами дело сложнее. От всех бородатых царь не мог отделаться. Он управлял странюю руками бородатых. Но сарацины враги, потому что у них был свой халифат, с ними сражались войска Кубилая в 1260 году.

В лагерь сарацинов посылались Поло, когда они добывали масло у гроба господня и военные сведения.

Монголы убивают скот так: разрезают они барану живот, всовывают в брюхо руку и останавливают сердце. Сарацины перерезывают скоту горло. Запретил хан убивать скот по сарацинскому обычаю, и запретил хан запись браков по сарацинскому обычаю, чтобы ушли сарацины из Китая.

Называлась в Китае религия магометан верой запрещения, потому что мусульманам запрещено вино и свинина.

Марко Поло называет всех мусульман сарацинами,

на самом деле сарацинами, арабами были немногие из них, главные магометане были персы, таджики и уйгуры. Сперва, после запрещения Кубилая, многие мусульмане ушли из Китая, но через семь лет, т. е. в году 1289, еще до отъезда Марко Поло, запрещение было отменено.

Марко Поло же на этом деле приобрел великое доверие хана.

Дал ему хан звание советника, может быть, стал Марко Поло одним из двенадцати крупнейших сановников страны, получил он во всяком случае губернаторство.

Господин Марко Поло едет губернаторствовать

В завоеванной стране Манги едешь по шоссе, и по обеим сторонам шоссе вода. Едешь мимо города Баоин¹, живут здесь подданные великого хана, у города охрана, мертвых здесь сжигают, народ торговый и ремеслами занимается. Едешь дальше, дальше город Гао-ю-чжоу². Живут тут подданные великого хана. Деньги у них бумажные. Народ торговый, занимается ремеслами.

Тут много рыбы и дичи, очень вкусны фазаны. На венецианский серебряный грош можно купить трех.

Если ехать дальше, то едешь день поселками, мимо хуторов и полей, а дальше город Тай-чжоу³, живут тут подданные великого хана. На дверях у них написано сколько их.

Занимаются они ремеслами. Деньги у них бумажные.

Идут города на юг. На три дня пути, до океана.

И везде идут бумажные деньги.

А из океана плывут корабли с далеких островов, где нет другого дерева, кроме благовонного. Истомится душа, пока доедешь до тех островов. Хорошо бы приехать туда, положить там через горы шоссе-ные дороги, поставить мосты, на мостах охрану, вве-

сти везде бумажные деньги хана и пустить везде караваны купцов.

Но и сейчас, скажу вам, просто удивительно, какой большой доход великому хану отовсюду.

Едет Марко Поло. Отец остался торговать в Канбалу. Там дешевые хлеба и смелные женщины от хана каждый день.

Изумительные вещи в Китае. Изумительное вино. Оно из риса и варят его с пряностями. И чисто и вкусно. Пьют его горячим.

Оставим это, — говорит Марко Поло, — и опишем, как камни словно дрова горят.

«По всей области Китай есть черные камни; выкапывают их в горах, как руду, и горят они, как дрова. Огонь от них сильнее, нежели от дров. Если вечером, скажу вам, развести хорошенько огонь, он продержится во всю ночь, до утра. Жгут эти камни, знайте, по всей области Китай. Дров у них много, но жгут они камни, потому что и дешевле, да и дерева сберегаются».

Едет Марко Поло.

На реках стоят мосты, на мостах львы. Вместо столбов ото льва ко льву изгородь. Изумительные люди китайцы: и мост построят и огородят⁴. Столько львов на мосту, что сойдешь с ума, если их пересчитаешь. Журавли четырех родов живут в Китае. Шесть родов соколов у Марко Поло в его свите. Двадцать восемь лет Марко Поло. Город, в который он едет губернатором, находится в Южном Китае, и женщины в нем прекрасны.

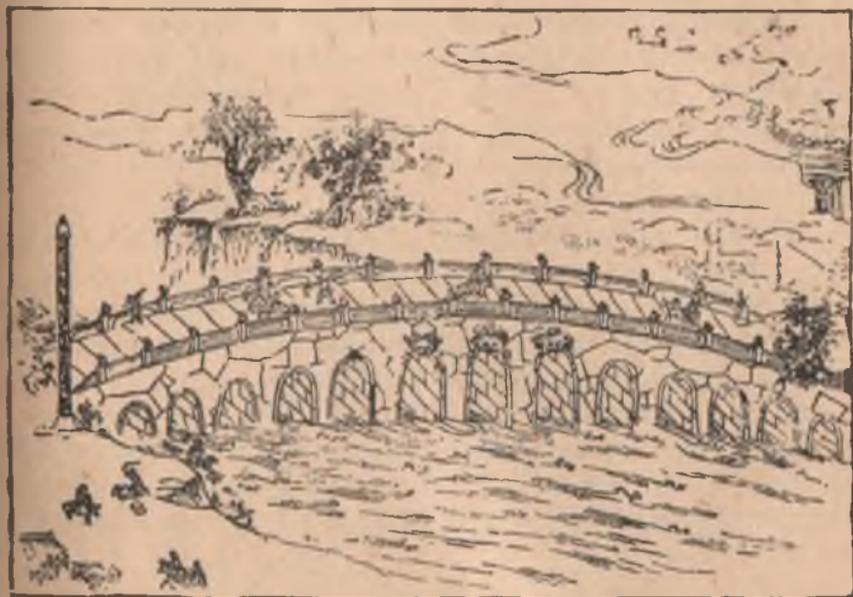
Глава эта будет короткая, потому что губернаторствовать оказалось скучно.

Вот что написал об этом Марко Поло:

«От Тайчжоу целый день едешь по прекрасной

стране, замков и поселков тут много, а потом большой знатный город Янчжоу-фу⁵.

Большой город, могущественный: двадцать семь больших, прекрасных торговых городов ему подвластны. Один из двенадцати князей великого хана сидит в этом городе; выбран он, как один из двенадцати

Мост Цзюмоцзяо (Пулисангин Марко Поло)

По старинному китайскому рисунку

стольных городов. Живут тут подданные великого хана; они идолопоклонники; деньги у них бумажные. Господин Марко Поло, тот самый, о ком говорится в этой книге, три года управлял этим городом. Народ тут торговый и промышленный; работают сбрую для конных воинов. Скажу вам по правде, много

воинов в этом городе и кругом. Больше не о чем говорить».

Марко Поло скучал. Он путешественник.

В то же время он чиновник, но чиновник, вероятно, не столько административный, сколько финансовый.

Во всех малых главах книги, посвященных Китаю, он прежде всего упоминает о том, какие деньги идут в данном городе. Бумажные деньги в Китае того времени были злободневным вопросом. Бумажные и железные деньги вытесняли медную монету. Железные деньги так широко применялись, что в XII веке была запрещена частная торговля железом, и государство начало выплавлять железо на каменном угле.

Это сложная операция, до которой Европа поднялась только в самом конце XVIII века.

В XIII веке за содействие обращению бумажных денег выдавали премии. Вероятно, этими премиями Марко Поло широко интересовался.

Нужно отметить, что когда Марко Поло приезжает в Персию на обратном пути из Китая, то в Персии в это время тоже пытаются ввести бумажные деньги. Может быть, это произошло не без консультации Марко Поло.

Господин губернатор Марко Поло скучает. Скучает также великий Кубилай

У

Кубилая была подагра, ноги болели от мяса, от вина.

Войска были ненадежные, двор был ненадежен.

Двор веселился, при дворе были певцы, акробаты, фокусники. Фокусники персидские, фокусники китайские, жонглеры японские, фокусники индусские, фокусники арабские, умеющие ходить колесом с руки на ногу, фокусники немецкие, которые ели горящую паклю и пили горящий спирт. Фокусники были молоды и сильны. Были фокусники аланские, которые танцевали с ножами, были фокусники с неведомых островов, которые играли палками, возвращающимися к ним обратно. Было их так много, что стали они как войско. Все были они при дворе. В стране фокусничать запрещалось.

Великая страна Китай, реки текут с гор. В горах рождается и Небесная река, и до сих пор на картах ее истоки показаны пунктиром. И горы те неведомы, рисовали их китайские географы кисточкой, так, чтобы было красивей.

За горами, за снегами лежала большая страна, называемая Мян¹; ныне ее зовут Бирма. Течет там могучая река Ирравади.

Устье этой реки заставлено от Китая островами и полуостровами и мелями. И вот что придумал Кубилай, как рассказывает господин Марко Поло.

«Было у него при дворе многое множество штукерей и плясунов. Сказал им великий хан, чтобы шли они и по его воле покорили царство Мян, обещал и начальника, и провожатых; а те отвечали, что согласны и пустились в путь вместе с начальником и провожатыми великого хана».

Вместе с «фокусниками» отправлен был, вероятно, и сам Марко Поло. Господин Марко Поло слишком много знал об Ахмеде.

Снежные горы были ему полезны.

Тысячи «фокусников» вышли из Пекина. Они шли по дорогам, сперва бежали и показывали фокусы, и останавливались в деревнях, и когда они приходили, то деревни пустели, а когда они уходили, то не за чем было в те деревни возвращаться. Фокусники шли по рекам, тянули лодки вверх на бамбуковых веревках, на шестах проводили лодки через пороги. Они вошли в область сосновых лесов. Шли дальше. Облака стояли в пропастях над купами деревьев, похожими на жилища людей. Фокусники шли по ослепительному льду. Корка льда трескалась и оседала.

Марко Поло передовой птицей вел по белой битой тропе, через лазоревые ледники.

Фокусники шли по долине речки Чуили. Речка текла из-под ледяного козырька. Потом перешли перевал, на котором был ветер. Людей было уже мало.

Места были пустынные, дорога шла большим спуском. В этих местах есть золотые россыпи, но к тем россыпям не пройдешь. И не мог Марко Поло обратиться туда даже с фокусниками.

Говорит Марко Поло: «Туда, где живет тот народ, никто не может пройти и никакого зла ему никто не может сделать. Живет он в стране непроходимой, куда и дорог нет, никто и не знает, где он живет, никто туда и не хаживал.

Народ тот выносит золото сам и продает одну меру золота за пять мер серебра. Очень это прибыльное дело, потому что во всем мире золото дороже.

Есть там место для рынка. Рынок там три раза в неделю».

Во время похода было то место, вероятно, пустынно.

Продолжает Марко Поло:

«А как спустишься через два с половиной дня, начинается область на юг, у пределов Индии, зовется она Амян, или Мян.

Пятнадцать дней идешь по местам, где нет дорог, а в лесах много слонов и разных диких зверей.

Люди здесь не живут».

Горы успокаивались, как волны. Теплело, горы переходили в холмы. Холмы шли с севера на юг. Показалась долина реки Ирравади.

Сюда пришли в мае. Было 40 градусов тепла, как сказали бы мы нынче. Воевали здесь долго, до зимы, зимой похолодало до тридцати, тоже тепла.

Люди здесь были желтовато-коричневые, голые, в одних повязках на бедрах. Жилища одноэтажные, у реки, на сваях.

Шли дальше. В середине страны дошли до города Тагуна². В этом городе стояло две башни, одна золотая, другая серебряная.

Рассказывает Марко Поло:

«Башни эти вот какие: сложены они были из хоро-

ших камней и покрыты; на одной золото было в палец толщиной, и вся башня была покрыта золотом, словно литая из золота. В высоту она была десять шагов и соразмерной ширины; снизу круглая, а кругом были золоченые колокольчики; подует ветер, они позванивают. Другая башня была серебряная, и точно такая же, как золотая, той же величины и с виду такая же. Приказал их выстроить царь ради своего величия и во спасение своей души. И, скажу вам, были те башни самые лучшие в свете и очень дорогие».

Кроме золотой и серебряной башен было еще олово, слоновая кость, сапфиры, янтарь и съедобные гнезда.

Страна богатая.

Фокусники вместе с провожатыми покорили страну. Поохотился здесь Марко Поло на слонов, оленей, антилоп и ланей. Страна стала казаться ему тесной, и поехал он к великому хану докладывать о чуде: что стоят башни красивые и дорогие, не прикажет ли великий хан разорить их, а золото и серебро прислать к нему.

Хан был стар, уже любил он пить не вино, а чай, заваренный водою из медного сосуда, в котором горели угли. Любил хан говорить уже о добродетели, приблизил ко двору последователей Конфуция.

Сказал хан:

— Вероятно, царь построил те башни ради спасения своей души и для того, чтобы после смерти о нем помнили. Я повелеваю башни эти не разрушать, а сохранить точно такими, какими они выстроены.

Выслушал Марко Поло ответ хана и понял, что хан уже насыщен жизнью, что близко, может быть,

смерть его, и тут же он узнал, что врач, глава звездочетов, колеблется в составлении гороскопа наследника.

Тогда вызвал господин Марко Поло отца и дядю. Пришли к нему веселые старики, толстые, круглобродые, довольные. Принял их Марко Поло как господин, сказал о деле; согласились и дядя и отец менять все имущество на рубины и готовиться к отъезду.

Было Марко Поло больше тридцати лет. Горы и дороги укрепили его тело. Ничего он не боялся, но хотел он посмотреть дальние земли и дальние острова и решил проситься в отъезд.

Решил он возвращаться домой морем и отправился бы скоро, но ему помешала война Кубилая с Наяном³.

Земля горит в Китае, и торговый дом Поло думает об от'езде

В 1286 году было уже Кубилаю семьдесят шесть лет. Был у Кубилая племянник Наян, потомок Учжигина, младшего брата Чингиз-хана. Наян был человеком молодым, владел многими областями и мог выставить до четырехсот тысяч всадников. Предки его и сам он всегда покорялись великому хану, но тут усилился он, завел большую армию, много наемных бородатых христиан, и даже сам принял христианство и поставил крест на знамени.

Было Наяну всего тридцать лет, и сердце его жаждало царства. Был у него союзник — внук Угедея, Хайду¹, владения которого были в Средней Азии. Начали Наян и Хайду готовиться к походу на великого хана.

Кубилай был стар и знал, что в городах у него беспокойно. Но о делах Наяна и Хайду узнал хан за много времени от звездочетов и разведчиков.

Когда человеку снился сон, то просыпался он и советовался с звездочетом. Звездочет толковал сон и доносил одновременно Кубилаю. Кубилай знал даже сны князей. Доносили на жен мужья, доносили священники на священников. Кубилай умел слушать и молчать.

Получил он сведения о Наяне. У Кубилая под рукой всегда было войско. Псары, сокольничьи, личная охрана и бароны, одетые в ханское платье, всегда были на конях. Хан кочевал с целым войском.

Сказал себе хан, что не будет он носить венца, если не накажет изменников. Приготовлялся великий хан только десять дней. Собрал он триста шестьдесят тысяч конных и сто тысяч пеших. Войско татар сражалось умело. У Кубилая конница сражалась вместе с пехотой. Пехота была вооружена длинными копьями и сражалась рядами между конницей.

Нужно сказать, что конь никогда не пойдет на сидящего человека.

Делал Кубилай удар конницей, а пехота бежала сзади. Если конница отступала, то пехота становилась на одно колено и принимала удар чужой конницы в копья, а войско Кубилая в это время строилось снова.

Шел Кубилай со своим войском, как на прогулку, вперед послал гонцов захватить все дороги и не пропускать прохожих.

Наян лежал в шатре с женой и наслаждался, очень он ее любил. Занялась заря, и великий хан с войсками показался на холмах вокруг равнины. У войска Наяна не была выставлена даже стража.

Старый хан стал на холме. Передвижной дворец его покоился на четырех слонах.

Сидел хан Кубилай на троне, на ногах его мягкие сапоги. Открыл Кубилай над своей комнатой крышу и высоко поднял знамя.

Ударили в наборы, заиграли на всех инструментах, забегали люди в лагере Наяна. Конница пошла в атаку, за каждым конным был пеший с копьем. Стрелы наполнили воздух, как наполняет воздух дождь.

Стрелы, гудя, вонзались в землю, в мясо. И тут пошли в атаку слоны Кубилая.

Слонов перед этим поили вином, чтобы были они храбры и горделивы. Слоны у царя покрашены зеленым и красным цветом. На клыки слонов надевали железные кольца, в них вдевали шпаги, сделанные с желобами, как штыки, длиною не более локтя. Вожаки сидели верхом на зеленых и красных слонах, ноги вожаков приходились за ушами слона. Вожаки были вооружены, слоны пьяны. Вожаки ударяли слонов прутом по голове так, что делали раны. Слоны поднимались на задние ноги и шли прыжками, как медведи, при каждом прыжке нанося удар шпагами, подымая голову вверх и опускавая вниз.

Если ранят слона стрелой, то становится он яростным и тогда сражается лучше, он не разбирает пути и наносит удары. День и два дня могут сражаться слоны, говорят даже, что три дня они могут сражаться не евши.

Храбро сражался Наян, бросался он туда, где видел самые сильные схватки и разносил людей, как мелкую скотину.

Но Кубилай охватил войско Наяна кругом, слоны ревели, наступали прыжками. Увидел Наян, что не выдержит, и побежал, но взяли его в плен и отвели к великому хану.

Хан приказал завернуть Наяна в ковер и так плотно скатать, чтобы он умер в ковре.

Умертвили Наяна так потому, что не хотели пролить на землю крови Чингизова рода на виду у солнца и неба.

Марко Поло был, вероятно, при сражении и переписал народы, которые сражались вместе с Наяном.

Храм Баличжуань около Бейпина (XIII век)

Были там люди из Кореи, из Туркестана, из южной части Манчжурии.

Войско Наяна бежало, все князья покорились великому хану. Знамена Наяна принесли к ногам великого хана.

Но царь Кубилай запретил ссориться бородатым. Он ждал новых боев с царем Хайду.

Но Хайду не решился выступить, узнав о поражении Наяна.

Роздал на поле Кубилай награды, выдал серебряные и золотые похвальные доски, серебряную посуду, и поехал в Канбалу отдыхать в саду, где росли деревья всего мира около холма, покрытого зеленью.

Кончился поход в 1288 году.

Об от'езде и больших кораблях

Пожили у великого хана Николай с Матвеем и Марко, собрали большое богатство и стали они между собой поговаривать, что хочется на родину. Видели они, что великий хан очень стар и опасались, что в случае его смерти трудно им будет вернуться домой по причине долгого пути и многих опасностей.

С робостью заговаривали они об этом с великим ханом. Великий хан отказывал, предлагал подарки, а на отпуск не соглашался.

Различать следует империю и государство китайское. Знаменитый русский китаист Иакинф Бичурин пишет: «Империя и государство, по понятию китайцев, суть две вещи, существенно различествующие одна от другой. Империей называют такое государство, в составе коего, кроме господствующего народа, находятся другие народы, поддавшиеся ему».

Вассальных земель китайских было много, очень часто было трудно определить степень подданства государства. Сам Марко Поло, при обратном путешествии, не всегда мог определить подданство встречных островов.

Одним из средств связи вассальных государств были браки. Император посылал дочь свою, почти всегда не родную, а приемную, к варварам, и варвар становился его родственником и вассалом.

В эпоху Кубилая связь поддерживалась еще родством монгольских вождей.

Аргон, хан персидский, внучатый племянник Кубилая, лишился своей первой жены Булган-Затун, которая скончалась 7 апреля 1286 года. Он пожелал взять себе жену монгольской крови и отправил послов к великому хану.

Посольство прибыло к хану в 1292 году.

Был произведен выбор невест, выбрали Кокачин, семнадцать лет. Послы утвердили выбор.

Тем временем вернулся Марко из морской поездки и подал мысль везти прекрасную царевну в Персию морем. Братья уговорили послов.

«Пошли князя к великому хану и стали просить у него, как милости, чтобы отослал он их домой морем, да снарядил бы с ними и трех латинян. Великий хан, как я вам уже говорил, братьев очень любил; с неохотою оказал он ту милость и отпустил с князьями да с невестою трех латинян.

Позвал всех трех к себе и дал им две дщицы с повелениями, чтобы по всей его земле им задержек не делалось и всюду им вместе с спутниками давалось бы продовольствие. Дал он им также поручения к апостолу¹, к французскому да и к испанскому королям и к другим христианским владетелям. Приказал он потом снарядить четырнадцать судов; на каждом судне было по четыре мачты, и зачастую они ходили под двенадцатью парусами».

В подруги Кокачин дали принцессу из Сунской династии.

Снарядили посольство из шестисот человек провожатых.

На корабли положили продовольствие на десять лет. Корабли эти были построены из елового дерева, они однопалубные, но в них до шестидесяти кают. У корабля есть руль и четыре мачты.

В тех кораблях, которые побольше, — до тридцати отделений, разделенных твердыми, плотно сложенными досками. Сделано это на тот случай, что если корабль даст течь, то моряки определяют, где получилась пробоина, и переносят вещи из этого помещения.

Такие перегородки в теперешних кораблях называются непроницаемыми.

Стены кораблей двойные, доска на доске, внутри и снаружи законопачены и сколочены железными гвоздями. Корабли не осмолены, потому что смолы здесь нет. Вместо смолы смазаны суда варом, сделанным из негашеной извести, мелко накрошенной конопля и древесного масла.

На судах по двести мореходов, на ином из судов пять тысяч грузов², а на другом и шесть. Идут на веслах, у каждого весла четыре матроса. При кораблях есть большие лодки, на каждой лодке по сорок матросов.

Кругом двух больших лодок есть еще маленькие лодки. Эти лодки помогают тащить на буксире большой корабль при неблагоприятном ветре.

Если корабль стареет, его снова обшивают досками, и так доходят до шести рядов.

Прежде корабли строили крупнее, но море замыло при монголах гавани, гавани обмелели, и корабли уменьшались. Прежде были корабли на тысячу человек команды; их строили так: делали две деревянных

стены, соединенные очень толстыми стропилами. Эти стены накладывали на днище и достраивали судно в воде.

Прежде на одном весле было до пятнадцати матросов, и гребцы у каждого весла стояли в два ряда, лицом друг к другу; весла были снабжены канатами. Один ряд тянет за канат в одну сторону и потом отпускает его, тогда другой ряд тянет за противоположный канат. Так гребли на этих кораблях и пели в такт: ля-ля-ля-ля.

Но чаще корабли идут под парусами.

Китайские паруса сделаны из бамбуковых дощечек, вшитых в циновки. Паруса эти никогда не опускаются, они так прикреплены, что ветер может дуть, когда судно стоит на якоре, и парус тогда болтается, как флаг.

Прежде были корабли в четыре палубы. На кораблях были специальные уборные, а в каютах ключи, чтобы мужья могли запирасть своих жен во время путешествия.

На палубе для капитана в деревянных бадьях растили салат, и капитан ходил, сопровождаемый рабами, рабы охраняли его и трубили, когда он шел.

Но море занесло порты. Монголы не любили море. Китайские матросы повернули паруса. Ветер дохнул в них. Поплыли корабли.

Китаец-купец посмотрел на чашку с водой. Стрелка, постоянно поворачивающаяся концом на север, плавала в этой чашке. Пятнадцать разнокалиберных, много раз чиненных кораблей нестройной стаей, стараясь не загораживать друг другу ветра, двинулись при утреннем ветре в ненадежное море.

Лодки следовали за кораблями, барки натягивали буксирные веревки, замедляя ход.

Старинный китайский корабль

Ушел берег Китая, берег, на котором была сунская принцесса когда-то не пленницей, берег, на котором Марко Поло прослужил семнадцать лет разведчиком, губернатором, воином и «предводителем фокусников».

Ушел берег, на котором семнадцать лет торговали крепкие старики Матвей и Николай.

На ночь корабли остановились. В небо вышла Полярная звезда, на нее прямо указывала стрелка на поплавке.

Жара. В небе огнистые зори и в зорях какая-то пыль, помрачающая огонь.

Метеоры пролетают за горизонт.

Черные крутящиеся столбы, как-будто из дыма сделанные рукава, соединяют небо с морем.

Это проходят смерчи.

В охраняемой каюте спала китайская принцесса.

Вышли звезды в небо яркие и крупные, потом звезды повернулись в небе и слиняли, наступило утро, ветер спал, плетеные паруса не могли поймать его, стояла жара.

— Ля-ля-ля, — запели гребцы, и корабль пошел на веслах.

Уже через несколько дней начали болеть люди. Привычные венецианцы мало пили воды, ели лук, берегли себя.

У охраны распухли десна, татары сучали и болели.

Тысяча двести человек было на корабле при выезде, шестьсот дожило до первой большой стоянки.

Растерянной стайкой шли корабли, акулы шли за обрубленными кормами и дрались за выброшенные в море тела.

Тихо ехала в неведомую страну Кокачин. Она была

только назначена в родственницы, она была принцессой для отправки.

Марко Поло не боялся, он знал путь корабля, умел ждать как путешественник. Было ему тридцать восемь лет.

Слуга Марко, татарин, которого он от скуки окрестил и назвал Петром, скучал больше других.

Кругом не было степей, и лошади на островах выглядели больными, как будто они тоже потеряли родину.

Страны драгоценных деревьев

Через тысячу пятьсот миль от китайского берега — лежит страна Чиамба¹, — так записал Марко Поло.

Страна эта платит дань великому хану слонами. Здесь уже был Марко Поло, когда возвращался из похода в 1285 году.

Леса этой страны драгоценны, много алоэ, черного дерева, из которого делают шахматы и чернильницы. Больше ничего об этой стране не рассказал Марко Поло.

Натянули опять на кораблях плетеные паруса, набрали воды и поплыли. Острова выплывали цветочными корзинами, острова дышали запахами, напоминающими запахи дальнего города Кинсяя. Ровный ветер, ныне называемый муссоном, дул и нес корабли. Корабли шли днем и ночью. Корабли торопились на зимнее пристанище, потому что зимою будет другой ветер, и нужно тот ветер переждать.

Стороной далеко прошел остров Ява, знаменитый мускатными орехами, колганом, гвоздикой.

Шли острова. Люди там жили дикие, язык имели свой собственный, дани никому не платили, Кубилая они не боялись. Здесь раковины, которые в дальних областях Китая ходят как деньги, были как ничто.

И дальше выплыл остров Бинтанг². Место было дикое. Деревья на этом острове все благоухали, кругом выплывали другие острова.

Море было пестро от мелей.

Волны ломались и белели на рифах. Глубины было два человеческих роста... Сняли руль, лодки вели корабли на буксире.

Растерялись в островах корабли.

Море было опасно. Ночью вышел Марко Поло на палубу, посмотрел и не узнал небо. Не было в небе Полярной звезды ни высоко, ни низко — совсем не было ее. Так далеко зашел на юг корабль. Неведомые, неназванные звезды подымались в небе. Глаз кололи неведомые созвездия.

Плыли дальше. Приплыли к острову Малая Ява, который мы называем Суматрой³. Здесь подоспело еще два корабля. Ветер переменился. Ветер переменился надолго, нужно было зимовать.

Пять месяцев стоял на Суматре корабль Марко Поло. Велел венецианец найти мыс узкий и уходящий в море. Перекопал он этот мыс рвом. Перед рвом построил редут и здания из бревен. Запасся дровами, поставил караулы и прожил здесь Марко Поло пять месяцев.

Восемь царств на острове Суматре и восемь венчаных царей. Все языки незнакомые, небо тоже чужое. Деревья чужие. Водятся тут дикие слоны и единороги. Про единорогов слышали и прежде в Европе. Рисовали их на гербах, говорили, что девственница может укротить единорога.

Поехал Марко Поло по острову, увидел единорога, которого нынче зовут носорогом. Был он огромный, посреди лба толстый черный рог, голова, как у дикого кабана, и глядит он в землю, живет в топях.

В гневе страшен, опрокидывает и топчет ногами человека.

Ходил на охоту Марко Поло и взял с собою Кочачин.

Но носорог не покорился, и записал Марко Поло:

«Не похожи единороги на то, как у нас их описывают, не станут они поддаваться девственнице, вовсе они не то, что у нас о них рассказывают».

Нельзя богаче и наряднее одеть землю, чем одета она здесь.

Марко Поло, смотря здесь леса, вспоминал сады великого хана. Трудно было поверить, что земля сама родила это все, что эти деревья не привезены сюда издалека на слонах. Пальмы, как будто по обдуманному плану, перемешаны с кустами. Листья пальм свисают, как длинные, правильными прядями расчесанные волосы. Мутные реки текут неспеша по лужайкам, неправдоподобно зеленым. Вечером между деревьями начинают летать звезды, как будто мало звезд в небе. Если поймать эту звезду, то оказывается, что это продолговатая разноцветная муха, сверкающая ярче свечи зеленовато-бледным огнем.

Море тоже горит и обливает весла густым золотом. Волна моря сверкает золотом, пахнет гнилью.

В лагере Марко Поло люди бредили, умирали под чужим незнакомым небом.

Шли дожди. Скучал Марко Поло. Ездил на охоту с черными ястребами. Пил пальмовое вино, ел кокосовые орехи. Рыба и рис на Суматре очень хороши.

Приносили в лагерь продавать чучела маленьких желтых людей. Посмотрел старый Матвей на чучела, и не удалось обмануть купца, понял он — водятся здесь очень маленькие обезьяны с человеческим лицом. Наловят их и выщиплют им волосы. оставляют

только волосы на груди и на бороде, потом высушат, набивают и намазывают шафраном, и делаются они точно люди. «Это большой обман», — пишет Марко Поло. Хотели уже Поло скупить большую партию этих маленьких человечков, но старик предостерег.

Скучал Марко Поло. В небе не было не только Полярной звезды, даже ковш Большой Медведицы исчез. Ездил Марко Поло по всему острову. Смотрел на камфару, лучшую камфару в мире. Нашел дерево.

Девственница и единорог
Средневековый рисунок

Если снять с этого дерева кору, то вся сердцевина наполнена мукой. Эту муку нужно положить в кадки и мешать воду палкой. Потом воду слить, а из муки можно делать печенье и пирожки. Вкус у муки вроде ячменной, и господин Марко привез этой муки с собою в Венецию.

Ездил Марко Поло на лодках на соседние островки и заехал в такое место, где не было ни царя, ни торговли. Мужчины и женщины ходили голыми и ничем не прикрывались. Очень странно было на это смотреть. Кругом стояли сандаловые деревья, и оре-

ховые, и гвоздичные, и множество других хороших деревьев.

Люди на островах заостряли зубы. Волосы их были курчавы. Язык непонятен. Люди эти были злые и, говорят, ели иноземцев.

Через пять месяцев сели опять на корабли. Народу было уже совсем мало.

Перед отъездом взял Марко Поло семена от растений острова, спрятал в коробку, решил посеять у себя на дворе в Венеции.

Корабли заблудились. Белая грива волн лежала на коралловых рифах. Ночи были длинные.

Я не знаю, что было между Кокачин и Марко Поло.

Писала ли она имя спутника своего мускусом на щеке, как это рассказывается в «Тысяча и одной ночи». Плакал ли он над нею, не смея развязать ее пояса, как плакал другой купец, Ганиб-ибн-Айюб, которому случайно пришлось принести в дом наложницу халифа *. Похищала ли ночь стыд, как говорили арабы? Стерег ли посол Гоус, последний посол, оставшийся на корабле, царевну, которую везли к его государю?

Они ехали под чужим небом. Корабли тихо подвигались, ветер уходил сквозь обветшалые паруса. Стояла жара.

Кокачин рассматривала гадательный альманах, который она должна была передать принцу, своему будущему супругу, и сделать его этим вассалом Кубилая.

* «1001 ночь». Ночь, дополняющая до сорока.

О Цейлоне и об индусском берегу

Острова появлялись справа и слева, но к ним корабли не приставали, потому что здесь не любили приезжих. Проходили низкие лодки с бревнами, привязанными на выгнутых палках сбоку, чтобы волна не смогла перевернуть лодку.

Темные, голые люди с разукрашенной кожей сидели на этих лодках. Они определяли дорогу, смотря на звезды через отверстие в краях тыквы, внутри которой была налита вода. В их лодках лежали каменные топоры, мечи из тяжелого дерева; добыча после их убийства была бы невелика.

Из трех послов персов в живых остался один, из шестисот людей, которые поехали из Китая, осталось восемнадцать. Из женщин умерла только одна.

Гнилью и плесенью покрылись непроветренные товары в трюмах.

Женщины натягивали паруса. Марко Поло, отец его и дядя посменно стояли у руля.

Незнакомые звезды были в небе, от Явы исчезла Полярная звезда, и не было ее до мыса Коморин¹. Незнакомые рыбы выплывали из моря. Море пахло неизвестными запахами, и запахом торговли, и запахом богатого города на китайском берегу.

Два года плыли корабли. Марко Поло было сорок лет, Кокачин было девятнадцать. Они вместе держали вахту.

Марко Поло любил охоту и не знал любви, хотя видел много женщин.

Марко Поло следил за звездами, вел корабль, торопился к дому, которого не знал и, думаю я, что прошла любовь мимо купца, как транзитный товар.

Вышел из моря большой остров, называемый Цейлон². Говорят, самый большой в мире.

Много здесь сапфиров, топазов, аметистов. Самый большой в мире рубин у здешнего царя. Хорошо было бы отнять этот рубин. Царь слаб, но есть у него наемные люди — мусульмане. Подданные у царя все голые и едят только рис.

От Цейлона поехали к северу. Берег Индии — берег этот принадлежал пяти братьям. В море есть неглубокий пролив. Тут-то и ловится жемчуг, с апреля до половины мая. Ловят жемчуг купцы и за это платят царю десятую долю. Еще они платят браминам, чтобы те заколдовали акул и акуды не съели водолазов. Браминам дают двенадцатую долю.

Купцы нанимают людей нырять в воду. Дают людям мешочки и сетки, привязанные к телу. Люди ныряют. Один может нырнуть на глубину двух ростов, а другой на глубину шести ростов. Нырнут и, когда больше не могут терпеть, выплывают на поверхность, потом снова опускаются на дно, и так делают весь день. Ловят они жемчуг. Купцы богатые. Жемчуг потом продают в Тавриз, лучший жемчуг остается у царя.

Во всей этой стране не холодно и не жарко, поэтому и ходят все голыми. Гол и царь. Одни срам-

ные части покрывает хорошим полотном. Но зато на царе ожерелье из драгоценных камней. На шее у царя шнурок из тонкого шелка, и на том шнуре сто восемь крупных и красивых жемчужин и рубинов. По этим камням молится царь, повторяя слово «господь». На руках у царя по три золотых запястья, с дорогими камнями и жемчугами, и на ногах у царя по три золотых кольца, тоже с жемчугом и камнями.

Дорогих камней вывозить оттуда нельзя, царь сам скупает и старых, от отца оставшихся, камней не продает, а наживает новые с народа.

У царя пятьсот жен и пятьсот первую взял он у своего брата. Брат человек умный и шуму не поднял.

Кони у царя плохие.

Когда умрет царь, то пойдут на костер с ним его слуги и его жены.

Вина здесь не пьют, а тот, кто пьет вино или плавал по морю, тот не может быть поручителем в долгах... Люди здесь непонятные.

Рассказывает Марко Поло, что лошадей здесь кормят жареным мясом. И в монастырях у них есть такие обычаи:

«В монастырях у них много идолов, мужского и женского пола, много девок отдаются идолам, и делается это так: родители отдают девку тому идолу, кому они всего больше молятся, а как отдадут девку, всякий раз, как монахам идольского монастыря понадобятся подаренные идолам девки, они приходят в монастырь потешать идолов, сойдутся туда и начинают петь, плясать и пировать. Таких девок много; сходятся они много раз в неделю и в месяц.

Те же девки носят еду идолам, кому они отданы.

Еду они носят и идола угощают вот как: наготовят мяса, всякой другой вкусной еды и понесут своему идолу в монастырь, расставят еду на столе перед ним и дадут ей постоять некоторое время, а сами меж тем пляшут, поют и, елико можно, тешатся; а как пройдет столько времени, сколько нужно большому господину, чтоб поесть, тогда девки говорят, что дух идола съел сущность еды, возьмут яства и начинают вместе весело пировать, а после того каждая идет к себе домой.

Так девка живет, пока какой-нибудь князь не возьмет ее замуж, а девок этих, что все так делают, как я вам рассказал, в этом царстве много».

Удивлялся еще Марко Поло тому, что в Индии боги черны, а бесы белы. Про Индию писал Марко Поло иначе, чем про Китай, больше с чужих слов.

«Святые» здесь ходят нагими, носят изображение вола, не убивают ни мух, ни блох, не едят даже зелени, пока она не высохнет.

У царства Малабарского³ показалась Полярная звезда, ночью стояла она над водою на два локтя.

Корабли спешили; уже давно ободралось золото драконов, на бортах облупилась краска, покоробилась палуба, вода булькала в рассевшихся трюмах. На корабле народу мало.

Плыли ночью. Здесь много разбойников, малайцев, они живут в море с женами и детьми, чтобы не пропустить торговый корабль. Ставят они свои суда на расстоянии пяти миль друг от друга. И так занимают полосу в сто миль и больше. Если замечало пиратское судно купца, то подавало знак дымом, и со всех сторон начинали приближаться корабли пиратов. Грабят они начисто, но людям зла не делают. «Ступайте, — говорят они, отпуская куп-

цов, — добывайте другое имущество, может быть, опять к нам навернетесь».

Здесь подождали спутников. Шли здесь корабли с медью и с золотыми тканями и с пряностями на Александрию. Большой стаей прошли через заставы разбойников.

Шли дальше. Шли долго. Обошли полуостров Гозурат⁴. «Здесь морские разбойники самые злые в свете. Делают они вот какую мерзость: как захватят купцов, так начинают поить их морскою водою с тамариндами, с чего купцов сильно слабит и совсем опорожняет живот; а разбойники соберут испражнения да разглядывают, нет ли там жемчужин или каких дорогих камней. Они рассказывают, что когда купцы попадают в плен, то глотают жемчужины и дорогие камни, чтобы разбойники не отыскали их, и вот поэтому-то злодеи и поят купцов тем питьем, с чего у купцов делается эта хворость».

Страшны эти места. Одно утешает — Полярная звезда стоит в небе, как бы на шесть локтей.

Корабли заблудились

Корабли заблудились, капитан уже давно умер. Острова выплывали и мешали, заграждая пути. Говорит Марко Поло, что в Индийском океане более двенадцати тысяч обитаемых и необитаемых островов.

Из послов остался в живых только один.

Женщины были вызваны на палубу, потому что не осталось матросов. Многие женщины не могли ходить, потому что ноги у них были маленькие, китайские. По палубе они ходили на коленях, как и сейчас иногда ходят китаянки на работах в Китае.

Солнце жгло лица. Здесь Марко Поло начал узнавать китайский язык. По-китайски говорила Кокачин, по-китайски говорила и дочь южного царя, китаянка, принцесса из династии Сун, дочь короля Манги, имя ее Марко Поло не упомянул.

Корабли заблудились и шли, держась за берега, как слепой держится за стенку. Порты были страшные. Если корабль шел в это царство, то принимали его, а если это был корабль случайно пришедший, то вот что говорит Марко Поло:

«Пристанища в этом царстве нет, но есть большая река, по которой много хороших заводов. Перцу, имбирю и других пряностей родится тут много.

Царь очень богат, а войска у него немного; напасть на него не легко, с войском сюда не пройдешь, зла ему не сделаешь, оттого он никого не боится.

Скажу вам вот еще что: если случится, что у их заведений появится судно и не сюда оно шло, так они его захватывают, товары все забирают и говорят: «Шел ты в другое место, да бог послал тебя ко мне, потому-то и беру все твое». Забирают все на судне, все считают своим и греха в этом не видят. Случается это всюду в этой части Индии».

Лучше было не приставать к берегу, отстаиваться на мелях, на больших деревянных якорях.

Корабль шел, глубоко погруженный в воду. Давно отстали и погибли, может быть, конвойные корабли.

Черви проточили дно через много рядов досок.

Шли дальше.

Держались к морю, чтобы избежать встреч. Берегом итти опасно, вдоль берега идут корабли из Аравии. Они маленькие, вымазанные рыбьим жиром. Лошади стоят на кожах, покрывающих товар в этих кораблях.

Есть уговор у прибрежных царей с разбойниками. Дают цари во многих царствах пристани морским разбойникам, а морские разбойники за это отдают царю лошадей, которых захватят, а себе берут товары.

Шли дальше от берега. И приплыли к большому острову, самому большому, какой только видал Марко Поло. Был то не остров, а берег Африки.

О нем рассказывает Марко Поло, как об острове Занзибаре.

Я смотрел на карту морских течений и, кажется, понял, почему попал Марко Поло на Занзибарский берег.

Корабль, едущий почти без экипажа, увлечен был экваториальным течением. А может быть, хотя Занзибар¹ и стоял в стороне от дороги на Аравию, Марко Поло торопился и сам в сторону Полярной звезды, которая стояла на его пути, как вывеска господина, ждущего свой товар — невесту.

В дороге было интересно. Не торопилась Кокачин, не торопилась сунская принцесса, они видели мир, охрана гарема умерла. Не торопились старые купцы. Везде берега, на берегах товары. Мир велик и, может быть, как они говорили по ночам, даже кругл.

«Занзибар большой и славный остров; в округе добрых две тысячи миль. Живут тут идолопоклонники; у них и свой царь, и особенный язык; дани никому не платят. Люди тут и велики и толсты; не так они высоки, как толсты; толсты и жирны так, что кажутся великанами; очень они сильны; поднимает один, что четверем только стащить, да и неудивительно, ест он за пятерых; они совсем черны, ходят нагишом, прикрывают только срамоту. Волосы у них курчавые, еле-еле вода их расправляет, рты у них большие, носы приплюснутые, губы толстые, глаза большие, с виду совсем чудовища; как повстречаешь такого в другой стране, так за чорта сочтешь.

Слонов тут плодится много, и слоновыми зубами торгуют они шибко. Есть у них совсем особенные львы».

Львами Марко Поло называл во всей своей книге тигров и рассказывает про львов на Памире, в Персии и в Тибете. В Занзибаре он увидел в первый раз настоящих львов. Увидел здесь Марко Поло изумительного зверя и описал его подробно, ничего не убавив и не прибавив.

«Водится тут много жирафов; красивы они с виду. вот какие: тело, знайте, коротенькое и сзади приземистое, потому что задние ноги коротенькие, а передние и шея длинные. А голова от земли высоко, шага на три; голова маленькая; вреда никому не делают; масть рыжая с белыми полосами. С виду очень красивы.

Здесь женщины с виду очень безобразны: рты большие и глаза тоже, а носы толстые; груди у них в четыре раза толще, нежели у наших женщин. Питаются они рисом да мясом с молоком и финиками. Виноградного вина у них нет; делают они вино из риса с пряностями; питье хорошее.

Торговля здесь большая; купцов приходит сюда много; свои товары распродают на острове, а с собою увозят множество слоновых зубов, их тут много».

С Занзибара повернули домой, на звезду. Было уже время, старики заскучали.

Ехали широким морем и попали на остров Сокотра². Остров этот лежит перед Аравией. Гоус, посол, уже торопил. Три года ехали — государь мог и рассердиться. Нужно было ехать домой.

Остров Сокотра лежит на пути кораблей, которые идут в Черное море и в Персидский залив. От острова близко к Аденскому султанату³ и к земле Сомали. Абиссиния⁴ недалеко от острова. По такому расположению остров очень удобен для пристанища тем кораблям, которые идут в Индию, Мадагаскар и во всю счастливую Аравию.

Здесь торгуют алоэ, ладаном, рисом, краской. Алоэ зашивают сырым в козлиную шкуру и так отправляют.

Здесь места — места выгодные. Рыба соленая дешева. Живут здесь крещенные христиане-несториане.

подчиняются епископу, живущему за Багдадом в Мосуле, и ходят голые, как язычники.

Главные продавцы здесь разбойники. После набегов становятся они станом и распродают награбленное. Жители покупают охотно, говоря, что награблен товар не у христиан, а у магометан и у язычников. Рассказывают об этих жителях, что умеют они приколдовывать бурю, для того, чтобы корабли разбивало об их остров.

Торговлей и кораблекрушениями разбогател остров Сокотра. Водятся вокруг острова большеголовые киты, называемые кашалотами. У этих китов во внутренностях есть камни, которые употребляются во все благовония. Камни зовутся амбра.

«Так как это дорогой товар, то жители идут ловить китов с зубчатыми железными дротиками, от которых кит, когда он вонзился в него, не может освободиться. К дротику привязана длинная веревка с боченком, плывущим на поверхности моря; благодаря этому они знают, где найти кита, когда он околеет. Его притягивают к берегу, где из его желудка вынимают амбру, а из головы — достаточное количество бочек жиру».

С китоловами встретились уже на пути в Ормуз. Пристали, бросили деревянный якорь.

Китайский высокий корабль стоял среди беспалубных арабских, мочалой сшитых ладей, как гусь среди уток. Перс, посол, вылез из каюты, стал важным, стал покрикивать, в лодку его снесли на руках. На берегу он сел и ждал, пока ему приведет лошадь.

Вечером вернулся посол совсем неважный, и похудел даже. Сперва молчал испуганно, а потом рассказал старым купцам, с которыми водил дружбу, о больших и неприятных событиях.

Персидские дела и войны

Всех войн описывать не стану.

Абага был царем Персии до 1282 года¹. Земли его граничили с Золотой Ордой и с землями царя Хайду. Граница проходила около сухого дерева. Для того, чтобы царь Хайду не набегал на Персию, Абага послал на границу сына своего Аргона.

Аргон держал охрану на реке Ион, которую звали также Оксус, а сейчас зовут Аму-Дарья.

Аргон был принц мужественный и красивый. К нему-то и везли монгольскую принцессу. Везли ее к нему потому, что первая жена Аргона умерла, как вам уже известно.

Воевал Аргон с братом царя Хайду, Бораком², и победил его. Во время боев умер отец Аргона — Абага. Собрал Аргон войско и пошел быстрыми переходами добывать себе престол.

У Абаги был брат, которого Марко Поло называет Акамат-Салдан, настоящее имя его Тагудар-Ахмед.³

Тагудару было ближе к царскому двору, чем Аргону, и он пришел раньше.

Тагудар был мудр. Он первый пришел ко двору и роздал богатства войскам. В одну неделю собрал он конную рать, вышел против Аргона.

Тут рассказывает Рустичиано, что произошла битва, что люди рубились и пускали стрелы. Всего этого не было. Это Рустичиано пишет рыцарский роман.

А посол рассказал правду. Аргон побежал и заперся в крепости, из крепости его взяли живьем. Тут дядя поторопился, оставил Аргона в цепях, а сам поехал домой, во дворец, где было много красивых женщин, и дул ветер, и качал в комнатах шелковые кисти, а на дворе стояли зеленые аллеи из винограда, цвели розы, и лебеди утром кричали в фарфоровых водоемах.

Аргон сидел в цепях. У врага его были в подчинении военачальники, которые сами имели свои войска. Были тут Буга, Елчидай, Тоган, Тагана, Тара, Тиар, Улатай и Самагар.

Эти люди сговорились, освободили Аргона, окружили наместника Тагудара и забросали его стрелами, а сами быстрыми переходами пошли брать Тагудара в плен.

Тагудар-Ахмед побежал спасаться, бежал он быстрыми переходами. Дорога шла через заставу Дербентскую, здесь взяли его в плен начальники прохода, положили в седло и скакали, останавливаясь только для смены лошадей. Прискакали военачальники к Аргону и бросили Тагудара-Ахмеда к ногам Аргона, на кожаный коврик, который звали ковриком крови. Но крови пролито не было.

Сказал Аргон:

— Поступлю я с тобой так, как следует по разуму.

Велел он переломить дяде своему спинной хребет и выбросить его, так чтобы его больше и не видели.

Тут сел на престол Аргон, и все пришли к нему поклониться, как подобает государю. Аргон послал

сына своего Казана сторожить границу у сухого дерева и смотреть, чтобы не переходили враги через Аму-Дарью.

Вскоре Аргон заболел. Напоили его питьем, и от того питья он умер. Говорили, что это его отравила жена.

Умер Аргон, и дядя его Гай-Хату овладел царством, а Казан остался его вассалом на границе.

Гай-Хату правил и вызывал к себе Казана, а тот не ехал.

Вот и не знал посол, куда девать принцесс и куда самому деваться. Он столько пропустил за это время, что не знал даже, кому поклониться.

Купцы вручают принцесс Казану

Гай-Хату¹, которого Марко Поло называет Киакату, был государь умный. Жен у него было много, и сказал он через гонцов: «Везите принцесс к Казану». Даны были купцам и послу Гоусу четыре золотых доски с приказами, на двух было по кречету, на одной был лев, а четвертая была простая. Поехали они с охраной в двести человек.

Меньше нельзя было взять, потому что вся страна воевала.

Ехали горами, пили горькую воду. Принцессы молчали, и говорить им было уже поздно, потому что не было обычая разговаривать женщинам на персидской земле. Приехали послы к Казану.

Во время пути услышали Николай Поло и Матвей и Марко, что умер хан Кубилай.

Значит, в Китай пути уже не было. Отдали принцесс Казану.

Рассказывает Марко Поло:

«Когда три посла уходили домой и прощались, так царица на расставании горько плакала».

Марко подарил ей своего слугу.

Осталась Кокачин одна.

Что же касается Казана, то он был счастлив. Со

брал он войско, вышел, сразился, разбил врага, умертвил его, и произошло это сейчас же после прихода послов. Такие уже были купцы Поло люди — шли они всегда впереди войны.

Так шли они и сейчас, задержались в Тавризе, торговали здесь жемчугом, а пока послали вести к Казану.

Прошло 25 лет со времени отъезда купцов из Венеции.

Обменяли купцы Поло все товары на драгоценные камни.

Кругом кипела война. Охраны было взять не у кого. Сели купцы в одежде нищих на ослов и пошли в хвосте каравана. Шли верблюды, связанные волосяными веревками, шли и кричали. Кричали ослы, раздражая купеческое ухо. Нужно было упереться ослам ногою в зад и потянуть за хвост силой, тогда ослы замолкали.

Ехали от Тавриза, оставив за собою море, которое называли Шелковым, а мы называем Каспийским, т. е. морем дверей.

Ехали, обходя места, где кипела война. В городе Тифлисе мылись в бане с горячей проточной водой, охраняли по очереди свои одежды. Ходили по каменному полу бани в деревянных сандалиях, сводили волосы с тела жгучей землею... Грузины красивы, волосы стригли коротко, хорошо стреляли, хорошо сражались и все же платили дань татарам. Только в дальних ущельях отсиживались независимые племена.

На грузинской границе видали источник подземного масла, оно горело, но есть его нельзя. Во всей стране жгли только это масло.

Отсюда шли узкими ущельями, платили за про-

пуск рубашками, рубашки эти разрывали на столько частей, сколько воинов было у горного владельца. Переходили перевалы, шли в буковых лесах, деревья стояли в желто-серых прядях мха, деревья стояли на скалах гор так круто, как круто сидит всадник в седле, когда спускается с горы.

Дороги шли в узких траншеях, изгибаясь и ломаясь поминутно. Ноги всадников задевали за края траншей.

Кипели реки, в реках плыли мохнатые от ударов о камни тяжелые бревна. Вывозили отсюда дерево. Буком и драгоценным самшитом славилась страна.

Вышли к морю у Трапезунда трое венецианцев: два старика, да Марко Поло, которого здесь никто не называл господином.

У города Трапезунда долго торговались и плакали, сговариваясь с капитаном о месте на палубе. У корабля парус был полотняный, давно не виданный. Корабль пах смолою, а не рыбьим жиром.

Округлился парус, поплыли серые обрывы Кавказского берега, белые горы вдали. Море кипело и крутилось. Ехали долго, потом прошли мимо Константинополя, здесь не зашли к друзьям, стороной уже знали, от матросов, что всем морем владеют генуэзцы. Проплыли мимо города, посмотрели на Перу, поискали глазами лазоревое флага, не видно! Плыли мимо белокаменных греческих островов.

В небе ночью знакомые звезды. Полярная звезда на своем месте, высоко.

Прямо из моря выплыла Венеция². Как она изменилась!

Лазоревое море одно осталось того же цвета, а город стоит каменный.

Спустились с корабля. Мраморные, желто-палевые

Итальянское торговое судно
С фрески в церкви св. Петра в Падуе

мости скользки. Говорили потом в Венеции, что нужно здесь бояться трех вещей: скользких каменных ступеней, попов и распутниц.

От моря ноги были слабы. Но вот он, остров Риальто. Причаленный к другим островам многими мостами. Вот знакомый деревянный дом. Хозяев не было.

В 1295 году постучались трое спутников в двери.

Дверь открыл старик.

В доме уже не менялось ничего двадцать пять лет. Слуга был стар. Посмотрел он долгим взглядом на нищих. Старший нищий ногой подтянул на прежнем месте стоящий деревянный стул, сел.

Слуга заплакал. Он узнал Матвея и сказал:

— Идите дальше, господин, судьба была к вам неблагоприятна, но дом ваш сохранен.

По крутым лестницам уже шел кто-то. Пришел незнакомый человек, оказывается, брат Марко, а о нем и забыли.

Из дальних комнат пришли какие-то родственницы. Дом был стар, из канала пахло сыростью.

Красные полусапожки и кольцо

Того, кто ездит далеко и потом рассказывает, считают лжецом.

Того, кто далеко ездил и долго не возвращался, считают мертвым.

За долгое отсутствие купца Поло изменилось в Венеции очень многое. Около собора св. Марка выше поднялась колокольня, с пологим входом внутри, заменяющим лестницу. С недостроенной колокольни видел Марко Поло весь город, строящиеся каменные дома, хвастливые башни, деревянные, крытые соломой дома солидных купцов, за ними лагуны, отмели, крепостцы и острова, подданные Венеции, а дальше — горы.

Такова Венеция.

Для Марко Поло Венеция — корабль, севший на мель.

Качаются каналы, сглаженные волной.

Две больших водяных подковы охватывают острова. Сонные черные гондолы плывут в строе домов. Каналы похожи на промежутки между кораблями.

Площадь св. Марка тесна. Пять медных дверей в церкви св. Марка, четверо медных коней, два гранитных столба. На одном медный крылатый лев, на

другом статуя св. Федора, старинного покровителя города Венеции. Федор был патроном Венеции, когда Венеция считалась вассалом Византии. Марк и его крылатый лев обозначают независимость.

Между медным львом и медным Федором расстояние в несколько шагов.

В Венеции разрешено играть на этом пространстве в кости и другие запрещенные игры.

Это место вольности.

Четыре вещи делают замечательной эту площадь: блеск меди, здания, великое стечение народа и чрезвычайная нечистота.

Люди всех земель, всех языков снуют здесь, стараясь не наступить на ветошь лоскутников, продающих здесь куски потертой ткани из любой страны света, на связки сушеной рыбы, горы зеленого лука и чеснока.

Люди всех наций в разнообразнейших костюмах — черные, рыжие, беловолосые — испражняются на ней по четырем углам, посередине около вольных столбов и даже на лестнице дождей. Здесь нет камня, к которому можно было бы прикоснуться, хотя бы ногой, без отвращения.

Эта площадь — не площадь, это палуба, под ней можно проехать на лодке, потому что стоит она на сваях.

Похожа Венеция на пародию китайского города, похожа эта толпа и палуба на насмешку, сделанную купцом в укор мореплавателям.

Дожд называется «владыка четверти и половины Римской империи».

Титул дожд с запросом, титул торгуется.

Хотели перенести столицу в Константинополь, это было семьдесят лет тому назад.

Пьяцетта в Венеции

Остались здесь, воевали, торговали, приторговали острова и вражду с Генуей.

Дождь, впрочем, носит красные полусапожки, такие же, какие носит византийский император.

Раз в год поздней весной выезжает в море парадная плоскодонная галера, называемая буцентавр. Судно это тяжелое, могущее легко опрокинуться, судно нагружено высоким почетным треном, на трено сидит дождь, по сторонам послы и купцы, на корабле сто флагов. Патриарх выходит с крестом и читает по требнику чиноположение брака.

Все снимают шапки. Судно плывет медленно, и дождь бросает в воду кольцо со словами:

— Мы на тебе женимся в знак истинной и вечной власти, которую над тобою мы имеем.

Море пока покорно, путь в мир идет мимо венецианских островов, мимо островов, полученных за долги от греков, через морскую реку Босфор, через круглое Черное море. Эта вода и есть то море, которое должно быть верно дождю.

Это море изменяет Венеции с Генуей, с пизанцами.

Есть другое море, с другими звездами, то море ночью светится. В том море растут кораллы, в том море острова покрыты драгоценными деревьями. То море пахнет благовониями. То море неверно и неискренно, и к нему не вернуться.

Марко Поло скучно. Никто не заговаривает с ним.

Дядя и отец волнуются. Никто не приглашает их в гости. Дом стоит, как зачумленный.

Сними шляпу

Николай и Матвей старше Марко, они выросли в этом городе, их не удивляет, что в нем не хватает воды для мытья. Запах канала им приятен. Одно неприятно — мало почета.

В темных залах дома Поло холодно. Братья перебирали вещи, говорили между собою по-китайски, по-татарски, окликали слуг короткими индусскими словами и разговаривали между собой по-итальянски тогда, когда хотели, чтобы слуги их не поняли. С родственниками говорили по ошибке по-арабски. Грелись вечером у каминов, расточая дорогие дрова. Об этом в дальних комнатах говорили родственники — они к камину не подходили.

Женщины в Венеции не греются у огня, им разрешено греться только золою, которую насыпают в ящики. Говорят, что греться у огня вредно для тени женщины.

Марко Поло не хватало места у огня.

Отец не называл его здесь господином.

Шли сборы к большому вечеру. В Венеции это редкость, в Венеции люди не любят кормить даром.

Пошел слух, что будет ужин в доме Поло, хозяева покажут вещи с Востока и расскажут о новых

путях, о том, как можно обойти в дороге военную опасность и владельцев замков — грабителей.

Если люди, приехавшие под именем Поло, и обманщики, то все же послушать о Востоке интересно.

Зал освещен восковыми свечами, стол покрыт скатертью. Перед обедом всем была подана душистая вода для омовения рук. В камине горела корица, огонь камина был уже целое небольшое состояние.

Дом был переполнен, а хозяйева еще не появились.

Наконец они вышли все трое вместе, одетые в длинные платья из яркого красного атласа.

Гости сели за стол. Тогда встали Поло, скинули с себя платья и надели на себя другие, из красного штофа, а атласные платья разорвали на куски и роздали слугам.

Так они рвали на Кавказе рубашки, платья за проход.

Гости ели в молчании.

После жаркого, когда гости уже поели и кости были брошены под стол в корзины и тростник на полу стал грязен, братья Поло, мрачно посмотрев на залитые вином скатерти, разорвали, сняв с себя, штофные платья и надели бархатные.

Гости ели молча, без восклицаний, и думали о том, осталось ли еще что-нибудь в этом доме. Что за странные обычаи привезли с собой эти загорелые люди?

Между тем ужин продолжался. Поло скинули с себя бархатные платья, разорвали их и роздали слугам. Тогда один гость, не выдержав, закричал:

— Что вы делаете, Николо и Маффио?

Он узнал хозяев. Но те молча ушли в другую комнату и вернулись в обычных одеждах.

Потом встал Марко Поло, как младший, ушел из-за стола и принес в руках те рубища, в которых он и отец его, и дядя его прошли Грузию до Трапезунда, проплыли Черное море. Те рубища, в которых они прибыли в богатый город Венецию.

Марко бросил эти грязные лохмотья на стол. Гости отодвинулись, отряхивая платье: они знали, что насекомые не только отвратительны, но и несут с собой заразу, что даже самая тонкая шерсть с Востока иногда привозит с собой чуму.

Поло нагнулся над лохмотьями, распорол их, и из грязных тряпок посыпались сапфиры, смарагды, алмазы, рубины.

Камни были крупны. Глаза купцов сразу это увидели. Шопот поднялся в зале.

Груда камней в беспорядке лежала среди лохмотьев.

А братья Поло стояли молча, и только губы у них дрожали.

Гости разошлись поздно. Слуги провожали их со свечами, а не с факелами. Гости садились в гондолы, слезая с домашней пристани, обратившись лицом к дому и спиною к гондоле.

Здесь так делали все, и это казалось смешным Петру-татарину, рабу Поло.

В Китае край лодки и пристань рядом, и в лодку ступаешь спокойно.

Гости ушли.

Старик Николай ходил по комнате в драгоценном халате, считал гостей.

— Вот что, — сказал он, обратившись к Марко, — вот что, милый, я запустил твое воспитание. Был у нас в Венеции случай, что избрали дожем человека, у которого был еще жив отец. И отцу приходилось

снимать перед сыном шляпу. И придумал он ходить и ездить по городу всегда с открытой головой. Кичайцы желтый народ, но у них хороший обычай — почтение к старшим. Это татары избаловали тебя, называя господином.

Старый купец выпил еще вина и продолжал совсем добродушно:

— Сделай милость, снимай шляпу, когда ты со мной говоришь, я пойду спать сейчас, а ты посмотри, как уберут комнаты.

Битва у острова Курцола

Галерой называли в средние века большое гребное судно с одним рядом весел. Кроме весел галеры имели и треугольные паруса, но в сражения вступали под веслами. Длина обыкновенной галеры была 50 метров, ширина 6 метров. На каждое весло сажали пять гребцов. Экипаж галеры доходил иногда до 450 человек.

На греческих галерах гребцами бывали обычно венецианцы. Для того, чтобы приучить к галере, в городе Венеции часто устраивали гребные состязания. В гребных гонках принимали участие и женщины. Гребля на галере — дело трудное и впоследствии сделалась синонимом тюремной работы.

Кроме галер существовали у древних римлян еще суда со многими рядами весел — биремы, триремы, кватриремы.

В России галеры назывались впоследствии галейми и каторгами.

Для того, чтобы научиться грести на галере, нужно не менее трех лет.

Кроме команд гребцов были на галерах команды арбалетчиков. Упражнялись в этих занятиях с пятнадцати до тридцати пяти лет. Арбалетчики отправ-

лялись на занятия с площади св. Марка к церкви св. Николая на Лидо, т. е. на морском берегу.

Команды были в десять и двенадцать человек и так и назывались дюжинами. На всякой торговой галере между арбалетчиками было по четыре знатных юноши свыше двадцати лет. Состязались дюжины ожесточенно, за арбалетным делом следил Совет.

Первый приз состоял из нескольких кошельков золота и дорогого арбалета.

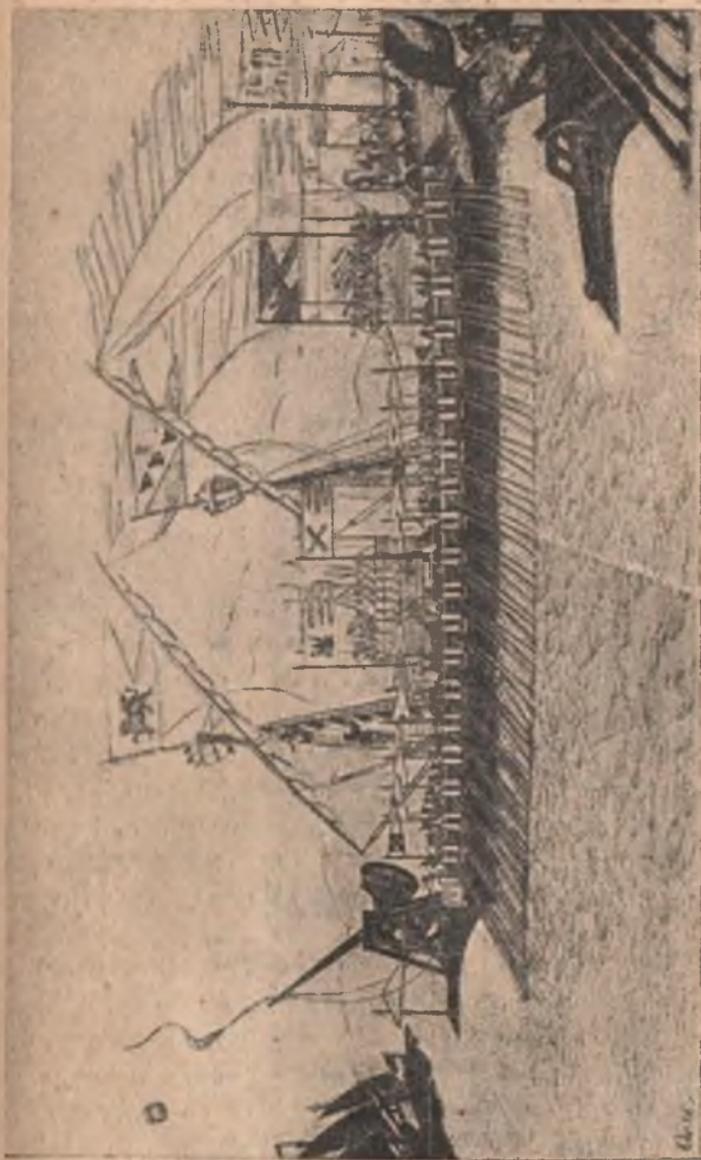
Приходилось непрестанно упражнять людей. Море изменяло, за море нужно было бороться.

Генуэзцы теснили венецианцев на торговых путях. К генуэзцам переходили фактории на южном берегу Крыма. Они захватили устье Дона и теперь от них шла лучшая в мире зернистая икра. Зернистая икра с лимонным соком считалась драгоценным кушаньем, восстанавливающим силы мужчины, и ценилась очень дорого.

В Каспийском море генуэзцы захватили торговлю шелком. В самом Константинополе генуэзцы восстановили власть императора византийского, и теперь он был на их стороне.

Они держали Венецию за горло в Дарданеллах.

В начале сентября 1298 года, вскоре после того, как на площади св. Марка отпраздновали Геркулевы упражнения и ремесленники построили пирамиды в четыре этажа, хвалясь своей силой, а в конце праздника, выпив вино, борцы восточного берега канала дрались с борцами западного на мосту, — в эти осенние теплые дни большой флот генуэзцев вошел в Адриатическое море... Шли они правым берегом. Удар их направлялся на Далматийский берег, подвластный венецианцам. Венецианцы на многих галерах вышли навстречу врагам.

Галера Мерхо Поло

По припадению в книге полковника Юда веку XV века

7 сентября была большая буря. Буря разбросала галеры.

Всего шло из Венеции девяносто галер. Они должны были истребить генуэзский флот, дать путь торговым галерам, скопившимся в венецианской гавани.

Веслами галер управляют так: шкипер стоит с двумя молотками в руках и бьет молотками в диски, повешенные с левой и с правой стороны. Один диск давал звонкий звук, второй — глухой. В такт ударов правого диска гребли гребцы правой стороны, гребцы левой стороны слушали такт левого диска. Изменяя работу левого и правого борта всей галеры, управляли ходом судна.

7 с вечера на всю ночь была буря. Спустили паруса. Гребцы гребли с трудом, море качало, палубы галеры намокли, гремели диски, рычали весла в круглых уключинах.

Гребцы пели: ля-ля-ля!

Так научил их капитан Марко Поло, человек довольно замечательный, известный многим во всей Италии, но, впрочем, прозванный господином Миллионом. Он рассказывал в Венеции все время о великом хане, о леопардах и о бумажных деньгах.

Сопрокомит (начальник) галеры, Марко Поло, — это был его сегодняшней чин, — управлял неплохо. Путь по Адриатическому морю был не страшен для человека, который на веслах прошел из Китая в Аравию.

К утру ветер спал, небо очистилось. Потом снова дохнул ветер. Подняли паруса. Гребцы втянули весла, чтобы они не мешали ходу. До самого горизонта были видны серо-белые полотнища и даже из-за края воды торчало чье-то белое крыло. Ветер круглил паруса, галеры шли, имея с левой руки далекий берег

Далмации, берег, поросший добротным корабельным лесом. Небо было чисто, вставало солнце. И прямо от солнца вышли генуэзские галеры.

Нужно было быстро спускать паруса, выбрасывать весла. Солнце слепило.

Генуэзцы шли быстро на веслах, и весла их рвали воду. Сошлись на выстрел из лука. При криках «ad arma» началось сражение.

Венецианские галеры вытягивались полукругом, сзади их был остров Лиса, слева был остров Курцола.

Если занять проходы между островами, можно взять генуэзцев в мешок и сжечь их галеры.

Сошлись близко. Сцепились галера с галерой. Рубились, бросив весла. В самый разгар сражения, незамеченными, как будто вынырнув из воды, подошло 20 галер генуэзцев. Ночью буря отбросила их в сторону, они стояли за островом Лагоста и сейчас явились некстати.

Венецианцы повернули свои галеры, хотели отступить, но ветер был теперь против них. Ветер дул в весла, в грудь галеры, генуэзцы нагоняли. Знаменитые генуэзские арбалетчики завершили победу.

В этот день генуэзцы взяли в плен семь тысяч моряков Венеции. Предводитель венецианской флотилии бросился с мачты на палубу своей галеры и разбился насмерть. Марко Поло был взят в плен живым во время сражения.

Модель ада

В Генуе 18 тысяч знатнейших граждан ежедневно носят шелковые платья и 8 тысяч непрерывно упражняются в том, что этот шелк и бархат ткнут.

В Генуе большие верфи и славные арсеналы. В Генуе глубокие тюрьмы, и в тюрьмах одних венецианцев 5 тысяч.

Генуя построена на склоне горы. Она возвышается амфитеатром вокруг порта, который тоже идет полукругом, как кусок арены цирка. Эта арена имеет две тысячи метров в поперечнике. Городские стены длиной в 20 километров окружают город. Улицы Генуи неровны и горбаты. Дома на улицах мраморные, потому что здесь недалеко знаменитые ломки лучшего в мире мрамора.

Впрочем, у генуэзцев есть обычай красить каменные свои дома в зеленый и красный цвет, потому что им мрамор надоел.

Страну, подвластную Генуе, составляет только берег.

Берег в длину 500 километров, а в ширину — от моря до гор.

Эту территорию свою называют генуэзцы «Генуэзской рекой» *.

Так земля названа ими водяным именем.

Покровителем Генуи считают «св. Георгия». Дворец его имени построен под влиянием архитектуры арабов, но на тонких колоннах сверху лежит тяжелая стена с двумя рядами больших окон.

Это и дворец, и крепость. Под дворцом мраморные своды подвалов, под сводами сидят враги республики. С 1284 года сидят здесь пленные пизанцы.

Пиза — город, расположенный совсем недалеко от Генуи, город-соперник. Из Пизы недалеко ходить в Геную, мимо ломки каррарского мрамора, приходится плакать о муже, предлагать выкуп, передавать пищу.

Свет в подземную тюрьму заходит редко, уходит быстро. Пятно высокого окна совершает короткий путь по стене.

Немного позже рыжебородый флорентинец Данте в поэме своей описал ад.

Ад Данте построен был, как амфитеатр, и сходил-ся кругами все ниже и ниже. Ад Данте был переполнен итальянцами. Кроме итальянцев в этом аду было еще немного древних римлян. Остальным народам нехватило места.

Этот ад представлял собой модель спорящей Италии. Города сидели там по кругам, горожане спорили друг с другом и в вечной мгле показывали перед глазами друг другу фигу.

Любовные дела ближайшего десятилетия, обиды, споры с ростовщиками заполнили ад Данте сверху до дна.

Ад Данте был похож на тюрьму в Генуе.

* Отсюда «Ривьера».

Пизанцы сидели с венецианцами.

Были еще здесь люди из Пармы, люди Тосканы, люди Равенны.

Тюрьма говорила на разных диалектах, тюрьма спорила, чесалась, умирала в цепях, ругалась с тюремщиками, ждала утром солнца, вечером сна.

Разговор между заключенными давно исчерпан, давно переговорили о проигранных битвах, о плохом хлебе, о соленой воде. Ругались между собой по-итальянски, а общим языком был французский, язык двора и купечества.

Одним из старейших обитателей тюрьмы был пизанец Рустичиано, известный также под именем Рустичиано Пизанский. Взят он был в плен в морском сражении при Мелории. Это был человек, видевший весь небольшой европейский мир. Жил он в Сицилии, славился тем, что перелагал, сокращая и обогащая любовными рассказами, старые романы о рыцарях Круглого стола.

Рустичиано писал романы, герои которых странствовали, поражали великанов, изменяли. Женщины в этих романах были прекрасны и могучи и побеждали мужчин в боях.

Женщины, переодетые мужчинами, попадали в гаремы, и здесь их хотели оскопить для того, чтобы превратить в евнухов, и отсюда происходили любопытнейшие приключения, которые тогдашние дамы и кавалеры слушали, не краснея, но с удовольствием.

Пизанцы и венецианцы не были связаны даже в тюрьме большой дружбой. Вражда была старая — она шла с моря. В 1098 году венецианский флот и флот пизанский плыли к Палестине. У острова Родос флоты встретились. Произошел небольшой религиозный диспут о мощах угодника Николая. В ре-

зультате пизанский флот был потоплен, а венецианцы пошли дальше, ограбили Смирну, взяли Яффу и начали блестящую карьеру купеческой республики, владелицы берегов и островов.

Плен Рустичиано был безнадежен.

В городе Пизе сменялись власти, и некому было даже предлагать выкуп за пленника.

В 1288 году был свергнут Уголино и вместе с двумя сыновьями кончил жизнь в башне, которую звали в Пизе «голодной».

О смерти его впоследствии писал стихотворец на народном языке Данте. Пока об этом только говорили в модели ада — в тюрьме.

Флорентийцы, граждане города Лукка, венецианцы, корсиканцы спорили, сидя на сыром полу тюрьмы, спорили тогда, когда не спали.

Пиза была уже разбита. Флот Генуи поднялся по реке Арно до самого города. Пиза наклонилась так, как наклонилась ее знаменитая башня.

Все люди в этой тюрьме были итальянцами, ссоры были все местные, итальянские. Истории, которые рассказывали друг другу, были истории о венецианских, генуэзских, пизанских купцах.

Один капитан Марко Поло рассказывал о другом. Он рассказывал о дальнем Китае, о мирских женах Кинся, о странных обычаях Тибета, о войнах монголов и больше всего о торговых путях.

Люди, которые сидели теперь в тюрьме, воевали и сражались за дорогу по морю. Люди, которые здесь сидели, жили и умирали за порты, за корабли, за торговлю.

Времени было слишком много. Мучения тюрьмы были однообразны, как мучения ада. Время было почти нераздельно.

Марко Поло слушали, он рассказывал изо дня в день. Молчал, когда не верили и смеялись, и снова рассказывал.

В тюрьме были люди, знавшие и Черное и Шелковое море, которое мы сейчас зовем Каспийским, люди, бывавшие в Армении.

Оказывалось, что Марко Поло не лгал.

Было очень скучно, Рустичиано сидел уже много лет, он потерял сперва надежду, потом потерял уже и отчаяние. Он был в плену двенадцать лет, и все романы, все чудесные рассказы о кольцах, которые освобождали узника из тюрьмы, делаая его невидимым, о волшебниках, летучих конях — все было исчерпано.

Романы, которые знал Рустичиано, включали в себя путешествия, в романы всегда вставлялись поездки на далекие турниры. Правда, ездили рыцари, но купцы тоже везли с собой в походы мечи, привязывая меч не к боку, а к седлу.

Однажды господин Рустичиано с большим трудом достал бумагу, чернила и начал записывать, что говорил капитан Поло.

Марко Поло сперва рассказал, чтобы не спутаться, все вкратце. Рустичиано приписал к этому конспекту вступление.

Писал Рустичиано маленькими главами, сколько можно записать за один день.

Марко Поло был упрям, диктовал свое, шел по торговым путям, заставлял записывать то, что он знал. Диктовал везде, кто чем торгует и сколько дней пути.

На обязанности тюремщиков тогда не лежало докладывать о смерти заключенных. Но обрывки рассказов из тюрьмы пересказывались тюремщиками дома. Начали говорить на базаре о дальней Суматре,

о змее с ногами. Большие господа спустились в тюрьму послушать желтолицего, длиннородого, связно рассказывающего венецианца.

Оказалось, что венецианец как будто не врет. Он рассказывал о разнообразии мира и его товаров, ему стали в тюрьму приносить образцы перца и драгоценных смол. Он узнавал товар, говорил его точную цену и где его лучше покупать.

А время шло, время шло главами, время шло глава в день, и глав были сотни.

Время шло. Война прекратилась.

Господин Рустичиано вышел из тюрьмы вместе с немногими пизанцами. В тюрьму пришли другие люди, с другими наречиями.

Книга еще не кончилась, и господина Рустичиано задержали. Он жил под легкой охраной и кончал книгу. Он стал веселым, ходил к женщинам, звал с собою Марко Поло.

Марко Поло сердился не на женщин, а на то, что Рустичиано в конце книги забросил географию, однообразно писал о сражениях, повторяя куски рыцарских романов, и рассказывал о прекрасных девушках, одетых в желтые платья, которые в единоборстве побеждали прекрасных мужчин.

Романы шли по всему миру. Арабы писали рыцарские романы. Романы писали в Персии. Эти изумительные рассказы были однообразны.

Марко Поло сердился, он заставлял Рустичиано записывать о Полярной звезде, о проходах через скалы, добивался от веселого пизанца, чтобы он точнее записывал татарские имена, даже начал учиться писать сам и научился подписывать свое имя по-латыни.

Была еще другая забота: нужно было не выдать ближайших путей генуэзцам. И чем ближе к знако-

мым местам подходил рассказ, тем больше путал Марко Поло, тем больше он пропускал названий, и даже разрешил Рустичиано превращать свое правдивое путешествие в роман.

Марко Поло уважали, он был трофеем республики. Генуе казалось, что вместе с Марко Поло она захватила часть славы самого Кубилая.

Наконец Марко Поло разрешено было вернуться в Венецию, из которой давно он не получал вестей.

Когда читаешь книгу Марко Поло, то видишь, что она уже не вернулась к нему после написания.

Эта книга без авторской правки.

Марко Поло уехал, оставив, вероятно, книгу в Генуе. Книга пришла к нему слухами.

До ученых книга Марко Поло не дошла.

Марко Поло сообщал ученым не то, что они хотели знать.

Марко Поло хотел создать книгу, для рыцарей и королей, или это хотел за него Рустичиано.

Поэтому в его книге так много сражений.

Марко Поло точен и занимателен. Он купец, и книга его попала в роман, в рассказ — в анекдот.

Горожане выслушали Марко Поло. Он был их человек. Но они ему не поверили, потому что он был человеком из будущего.

Марко Поло возвращается на родину

Данте Алигьери изгнан был из Флоренции, которую называл он прекрасным логовищем, в 1302 году.

В логовище на острове Риальто после годичного заключения вернулся господин Марко Поло.

Нужно сказать, что отец Марко Поло был человеком редкого благоразумия и жизнерадостности.

Марко Поло был принят дома радостно. Он заметил сразу, что отец как будто помолодел, постриг бороду и даже как будто весь как-то попестрел. Рядом с отцом сидел дядя Матвей, тоже слегка сконфуженный.

Отец начал так:

— Семена растений, которые ты захватил тогда с этого жаркого острова, мы посадили в твою память на дворе. Итальянский холод убил побеги, мы очень жалели.

Марко Поло молчал.

— Мы очень расстроились, — сказал тогда дядя, — по поводу твоего плена. Мы рассчитывали, что ты по возвращении в Венецию немедленно женишься, и сделали ошибку тогда, по приезде, что не женили тебя. Ты знаешь обычай этой страны...

— Нашей страны, — поправил брата Николай по-татарски.

— Ты знаешь обычай Венеции, — продолжал дядя, — которому мы следуем — в богатом доме только один брат женится, чтобы не разбивать капитала, другой...

Дядя улыбнулся:

— ...утешает сердце с путанами.

Марко Поло еще ничего не понимал, и дядя продолжал:

— Мы опасались, что плен твой продолжится долгие годы, или, что еще хуже, ты умрешь в этой тюрьме, мы хотели тебя выкупить, но тебя не отдавали, и вот мы решили...

— Мы решили, — продолжал дядя, — что брат Николай, хотя и стар, зато крепок и должен взять новую жену. Вот так и стало. За это время он стал отцом твоих братьев Стефано, Маффио и Джованни. Превосходные дети, дорогой Марко, ты будешь их очень любить.

Отец сказал застенчиво:

— Не огорчайся, Марко, я могу даже выделить тебе твою часть капитала... Тут в твое отсутствие на тебя наложили штраф за неисправную водосточную трубу. Мы хлопотали с нотариусом Джустини, и штраф снят... Твоего татарина Забе — Петра, который сам приехал сюда, потому что госпожа его умерла, мы хорошо кормили. Дети у меня здоровы, и я разрешу тебе даже разговаривать со мной, не снимая шляпы.

Этот разговор пересказал Рамузио, первым биографом Марко Поло, и достоверен.

О штрафе за трубу сохранились даже документы.

Марко Поло, как человек умный, не обиделся на

Успешность своего отца. Он женился сам и жил в миру счастливо, а как жил, я еще расскажу, потому что мне жалко расставаться с моим героем. Что же касается Кокачин, то она действительно умерла в Персии в 1296 году.

Марко Поло пережил даже своего отца и поставил ему памятник. Памятник был почтенного вида из прочного камня, в портике у церкви Санто-Лоренцо. На памятнике герб, на гербе три галки, цвет герба лазоревый, птицы песочные на серебряной полосе.

Марко Поло встречается сам с собой

Город вставал по звону колокола «марангона». В 9 часов завтрак, в полдень — обед, в 9 часов вечера тушили огни, по звону колокола «риаллине». Обед скучный — рыба, кабанье мясо. Рыба, редко осетр и форель, чаще сушеная щука.

Дома деревянные и крытые дранкой и черепицей. Только что начали мостить улицы. Город разделен на шесть частей. Между островами — деревянные мостики без ступеней. Центр в районе островов Риальто, там, где Монетный двор. Самый большой остров так и называют «Монетный». Ночью в домах холодно. Окна широкие и открываются вовнутрь, и этим здесь гордятся.

Здесь умеют отливать колокола, делать стекло, изготавливать золотые ткани, духи, лекарства. Здесь даже цех хирургов отделен от цеха цирюльников.

Но дома деревянные. На темных двориках колодцы и рядом сток для нечистот, ведущий в канал. На стенах всегда роса. Около домов стоят по бокам службы, перед домами резные столбы для лодок.

В темной комнате Марко Поло резные византийские стулья, кровать с пологом и на кровати простыни до полу. Марко Поло богат.

Утром зазвонит колокол марангона. Можно будет выйти на улицу, на узкие тропки вдоль канала.

Город оживет.

Немцы живут в отдельном квартале.

Здесь они торгуют оптом, получают товарами, а не деньгами, здесь учатся они венецианскому искусству торговать, давать векселя. Они живут как пленники. Как пленник живет и Марко Поло вместе с рабом своим Петром, татаринном.

Набережные пахнут Востоком. Здесь склады восточных товаров, курений, лекарств.

Из Африки сюда приходит хлеб, воск, шерсть, кожа. С Черного и Азовского морей — меха и металлы. Материи из Индии и Китая, из Кипра — хлеб.

Набережная пахнет восточным товаром, имбирем, перцем, краской, материей. С набережных везут в Мавританию, Египет мелкий металлический товар, бочки, деревянную посуду, дешевое стекло и рабов.

Лучший сорт рабов — русские. Русские — это тот белокурый и простой народ, который живет в местности, где нехватает то ночи, то дня. Этот народ в большом спросе.

Мужчин везут в Египет, где они дороже даже кавказцев. Женщины идут на Италию.

На набережной говорят больше всего о ценах.

На Египет прошло две тысячи мужчин первого качества.

Русская женщина семнадцати лет прошла на Флоренцию за 2093 лиры, а 24 лет — за 1684 лиры, и самая дешевая — в Венеции — за 1122 лиры.

Дешевле всех татарки, они стоят не дороже 140 лп.

На верфи строят новые галандрие и галеры. 170 лир стоит лес на постройку галеры, 387 лир — на азиро — морское судно.

24 марта будет аукцион судов. Можно было бы купить судно. Принести присягу на изыскание чести общине св. Марка. Присягнуть вместе с капитаном, что судно вернется на арсенал, присягнуть за товар, за вино, присягнуть, что судно будет продано только венецианскому гражданину, если вздумаешь его продать и поехать под флагом св. Марка.

Строже стал Совет. Большой Совет уничтожен, синьория превратилась в наследственную, имена знатнейших записаны в Золотую книгу, и эту книгу откроют снова только через сто лет.

На площади св. Марка гуляют люди в круглых беретах и в белых колпаках. Зеленые, фиолетовые, красные мантии, длинные плащи с поясами, плащи на золотой подкладке, взбитые волосы, бритые щеки. Богато живут венецианцы.

Марко Поло грустил в Венеции. Много разговаривал, много гулял.

Марко Поло уже женился. Нет у него сына, не поддержит сын славу отца. Только дочери есть у него — Беллела, Маретта и Фантина. Некому сохранить герб Марко.

Сам Марко Поло в судебных решениях подписывается «нобилис вир» — знатный человек.

С улыбкой кланяются люди в фиолетовых и красных плащах.

Умер Кубилай, нет дороги обратно на Восток. Генуэзцы заперли вход на Крым.

Марко Поло видел иную жизнь и не мог отдать своего сердца Венеции. Он скучал. Между утренним и вечерним колоколом вспоминал о Великой импе-

рии, о Великой китайской стене, о каналах в тысячу раз более длинных, чем венецианские.

К под'ездам деревянных домов под'езжали шаткие гондолы.

Дома вода мутна, вода дождевая, из цистерны, смазанной глиной.

Во дворце Дандоло, на угольном берегу, сегодня маскарад. Там каменный дом и есть огни.

Марко Поло любил маскарады: шум их, шелк и бархат напоминали дворец великого хана.

В зале играла музыка, в зале шумели, пищали. Какая-то смешная маска ходит между другими. На ней плащ из красного атласа, китайского атласа. Маска ходила, шумела, болтала. Что рассказывает этот человек?

— Во всем Китае есть черные камни, выкапывают их в горах, как руду, и горят они, как дрова. Огонь от них сильнее, чем от дров. Если вечером, скажу вам, развести хорошенько огонь, он продержится во всю ночь, до утра. Дров там много, но камень горит лучше.

Смеются люди. Марко Поло — человек, знающий пять азбук и не умеющий читать только по-латыни, — подошел ближе для того, чтобы послушать, кто смеется над его словами.

Маска болтала.

— Все подданные великого хана берут за товары не деньги, а бумажки, и на бумажки скупает хан драгоценные камни и жемчуг, и дает за них бумажки, и берут эти бумажки купцы охотно.

Смеются люди.

Маска изображала самого Марко Поло. Марко Поло еще не знал о своем прозвище, он не знал, что его зовут «господином Миллионом» и считают

пестрым лугом в Венеции. Маски образовали круг, всем смешно было смотреть, как встретится человек со своим отражением.

Марко Поло стоял и вспоминал о Суматре, носорогах, о стадах китов, о книгах, которые печатают с дерева, огне, который, не горя, тек по бамбуковым трубам и потом расцветал пламенем на солеварнях. Для этого огня у итальянцев нет имени.

Зачем он приехал в эту страну, зачем ему нужно было везти китайянку не себе?

Глупый купец, ты сам продал свое счастье! Если бы был жив великий хан, Марко Поло пешком бы пошел обратно в страну, где много вер и где не верят ни в одну, и знают, что мир велик.

Марко Поло, разведчик великого хана и капитан галеры, повернулся спиной к маскам и пошел из зала.

Он шел по мраморной лестнице совершенно спокойно, но сделал лишний шаг и наступил на последнюю ступеньку, на которой был слой воды, тонкий, как ковер.

Шаткая черная гондола, скрипя, подплыла к ногам капитана.

Нужно было сесть, не повернувшись. Сзади хотали.

Гондола плыла по отражениям дворцов, плыла мимо стен складов. Дворцы новы.

Высокие бревенчатые кронштейны и двери складов, пробитые на высоте второго и третьего этажа, отражались среди каналов.

В доме холодно. Простыни сыры.

О, если бы можно было в камине развести огонь из черного китайского камня, или хотя бы зажечь свечу в пестром бумажном фонаре.

Господин Миллион торгуется в последний раз

Утром господину Марко стало тяжело. Родственники позвали к нему врача из врачебной лавки.

Лекарство Марко Поло стоило 10 сольдов — высокая цена.

Марко Поло не поправлялся. Сам господин Гвальттери, знаменитейший врач, посетил Марко Поло.

— Ни панты, — сказал Марко Поло, — рога, снятые с оленя в то время, когда он любит, ни царь растений жень-шень, ни ваше искусство, доктор, хотя вы и умеете вызывать пот, полезный для больного, не могут спасти человека, которому уже семьдесят лет и который уже живет, не наслаждаясь.

Доктор ушел. Родные позвали монаха.

Гондола со святыми дарами плыла по каналу. Служка звонил в колокольчик, гондольеры, не переставая грести, приседали, проплывая мимо, из уважения к святым дарам.

Монах сел на край постели больного, поправил рясу. Он был стар и не носил штанов, потому что это его утомляло. Монах положил свои руки на седую голову Марко Поло и сказал ему:

— Мир тебе, странник, путь котсрого совершен. Синьор, в последний час, когда вы должны предстать перед господом нашим, признайтесь в той лжи, которую вы произносили. Признайтесь, друг, мне, старику, что не бывает камня, который горит, что нет досок, с которых можно печатать книги, или это мерзкое колдовство. Признайтесь, что вы солгали, синьор, когда говорили, что проплыли через Индийское море. Мы читали, господин, Птолемя и знаем, что Индийское море замкнуто, как озеро. Отрекитесь от карт, которые распространяют под вашим именем.

Мир прост, господин, я могу рассказать, как он устроен. — Земля устроена, как «о», в которое вписано «т». Это «т» делит землю на три части. Большая часть круга — это Азия, нижние части — Европа и Африка.

Так говорил блаженный Августин.

Вы веселый человек, и простите мне, старику, вы лгали, как купец. Посмотрите на новую карту мира. Она вышла совсем недавно и висит в нашем арсенале.

Мир сместя над вами, синьор.

Признайтесь, покайтесь. Бог прощает шутку и не винную сказку. Признайтесь, что не бывает змей с ногами и со ртом, усеянным зубами. Перед лицом смерти признайтесь, что не бывает бумажных денег, и нет такой страны, в которой дороги ровны, как пол, и усажены, смешно сказать, деревьями, а главное, признайтесь, что нет такой страны, в которой не было бы в небе Полярной звезды.

Звезды вечны, их создал бог. Нет в мире ничего выше, чем звездное небо над нами и совесть внутри нас.

Вы не понимаете, синьор, что значат ваши слова

о том, что будто бы на чужом море вы не видали в небе Полярной звезды.

Это значит, что земля кругла.

Вы купец, вы не ученый. Вы не знаете, что Христос не мог бы сойти на круглую землю; то, что вы говорите, — ересь.

Во имя совести признайтесь, что вы клеветали на звезды, и мы даже не сожжем вашу книгу, потому что в конце-концов не так страшен еще один роман — роман о великом хане.

Мы не сожжем ваши книги и напишем только на них: «Сказки синьора Марко Поло», или «Роман о великом хане».

Монах говорил и запахивал свою рясу, потому что был стыдлив. И Марко Поло, разведчик, ответил:

— О, господин священник, совесть в душе людей разная, и в разных странах я видел много совестей и разных религий. Я видел страны, где чужестранца муж заставляет лечь со своей женой. И видел страны, где чужестранцу приводят девушек, и так много, что в эти страны ехать может только молодой. Я видел страны, где меня принимали за демона, потому что я белый. Я видел людей, которые убивали во имя бога. Я видел людей, которые во имя бога торговали, крутили мельницы, исписанные словами.

У меня был друг. Когда я спросил его, что подарить ему, он сказал: подари мне бамбуковые семена, я посею их перед своими окнами, чтобы не видеть зло.

Этот друг был желтый купец, о господин священник.

И вера и небо в разных странах разные, и как радовался я, когда Полярная звезда вновь показалась над горизонтом, на высоте роста ребенка.

Тогда священник отодвинул дары и сказал:

— Должен ли я понять так вас, синьор, что вы хотите умереть не покаявшись? Но знаете ли вы, что хотя даже иудеи терпимы в Венеции и имеют право получать деньги по вексялям, но безбожники не имеют права заключать договоров и подписывать духовные завещания. Подумайте о ваших детях. Подумайте о своих грехах.

И тут Марко Поло засмеялся.

— Друг, — сказал он, — я купец, я много торговал, я торговал даже с людьми, язык которых был непонятен. Мы сторгуемся. Мы сторговались даже с татарами, когда согрешили, собирая грибы в лесу и вымыв платье. Я умею соблюдать законы страны, в которой живу, и уйду из жизни, не зацепив порога.

Я знаю, что вы и нотариус. Позовите писца и составим следующее завещание.

Монах наклонил голову и сказал:

— Мой причетник — писец, — и продолжал привычным голосом:

«Во имя вечного бога, аминь.

В год от воплощения господа Иисуса Христа 1323-й в 9-й день января месяца, в начале седьмого индикта в Риальто».

Писец записал.

За дверью уже плакали. И слушали. Нотариус продолжал:

«Дар божественного вдохновения, как и заключение предусмотрительной мысли, сказывается в том, что всякий человек должен позаботиться отдать распоряжение о всяком своем имуществе прежде наступления суда смерти, дабы в крайнем случае оно не осталось неустроенным».

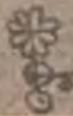
Монах Джовани Джустини сказал тихо Марко:

Handwritten text in a medieval script, likely a testament or legal document. The text is dense and spans most of the page, with some lines appearing to be headings or specific clauses. The script is a form of Gothic or similar medieval cursive.

Handwritten signature or name at the bottom left of the page.

Handwritten mark or signature at the bottom center of the page.

Handwritten text or signature at the bottom left, below the first signature.

Факсимиле завещания Марко Поло
По опубликованной полковником Юлом фотографии

— Но я не засвидетельствую, синьор, завещания, если вы не примиритесь с церковью.

Тогда заговорил Марко Поло:

«Посему я, Марко Поло, прихода св. Иоанна Златоуста, чувствуя себя ежедневно все слабее от телесного недуга, однако, милостью божьею, в здравом уме и в неповрежденных чувствах и суждениях, послал за Джовани Джустини, священником св. Проклула и нотариусом, и поручил ему составить мое завещание в полном виде. Настоящим я назначаю моими душеприказчиками любимую жену Донату и дорогих дочерей Фантину, Беллелу и Маретту, с тем, чтобы они выполнили все мои назначения и дарения».

— Слушайте, господин Джустини: «Кроме законной десятины, которая идет епископу города и клиру, вдобавок к сему я назначаю две тысячи венецианских лир, из которых двадцать сольдов венецианских гроссов монастырю св. Лаврентия. Также сорок сольдов каждому из госпиталей на пути от Града до Капо д'Арджине. Также завещаю я монастырю св. Джовани и Паоло, который мне должен, и братьям Ренерио, и брату Бенвенуто по десять лир, сверх того, что они мне уже должны. Также завещаю по пять лир каждой монастырской общине в Риальто и по четыре лиры каждому члену гильдии или братства, в которых я состою членом. Также завещаю двадцать сольдов венецианских гроссов священнику Джовани Джустини за его труды по составлению этого завещания. Равным образом я освобождаю татарина Петра, моего слугу, от всяких уз рабства и отдаю ему все, что он заработал трудом в моем доме, и завещаю ему 100 лир».

— Синьор, — сказал священник, — противно обычаю освобождать рабов в духовном завещании. Го-

ворят, что это побуждает рабов ускорять смерть своих хозяев. Это запрещено даже законом Генуи.

— Я не в генуэзском плену, — возразил Марко Поло и продолжал:

«Из прочего имущества я завещаю вышеупомянутой Донате, жене моей, восемь grossов в венецианских динарах ежегодно пожизненно на ее собственное использование, сверх ее имущества и белья, и всю домашнюю утварь с тремя набитыми постелями».

Священник сказал:

— Я пойду и приготовлю копию этого документа.

— Не забудьте написать, — сказал Марко: — а если кто исказит или нарушит настоящее завещание, то будет подлежать пени в пользу моих душеприказчиц в пять фунтов золотом.

— И будет связан, — сказал нотариус, — анафемою трехсот восемнадцати отцов вселенской церкви.

— Пусть так, — сказал Марко Поло. — Позовите ко мне Петра. Пусть он расскажет о том, о чем я не хочу забыть перед смертью, о том, как плыли мы мимо неведомых островов, под небом, где нет ночью Полярной звезды, вместе с той, имени которой я не назову при Донате, жене моей, которой я завещаю все белье и домашнюю утварь и три пухом набитых постели.

Конец

Конца не было.

Еще в 1307 году господин Марко Поло подарил копию своей книги одному французскому рыцарю. Книгу начали переписывать, о книге начали говорить.

Переписывали и писали в конце, что книга недостоверна. Переписывали ее как сказку, как роман.

Книга попала во Францию через рыцаря Тибо де Сепуа, который был послом короля Венеции.

В романе господина Бодуэна есть прямые заимствования из книги Поло.

Позднее попала книга к географам.

Первый биограф Марко Поло, Рамузио, который был через двести лет после смерти Марко Поло секретарем венецианского совета десяти, был сам географ. Он перевел книгу Марко Поло на итальянский язык и издал ее во втором томе «Путешествий по морю и суше».

Поверили Марко Поло не сразу. Генуэзцы знали, что Каспийское море замкнуто, но не были заинтересованы в том, чтобы исправлять карты.

Но в 1320 году у Марино Суннута Старшего в «Книге тайн читателей креста» была дана карта для нового крестового похода. Его изображение Европы,

Сирии, Малой Азии, Аравии уже несколько достовернее.

По Марко Поло, он поместил довольно верно на карте Грузию, Дербент, Китай, поставил Аден, но не на том берегу Красного моря, Занзибар.

В 1375 году появилась карта Потулано Медичи, карта эта уже принимает показания Марко Поло. Названия стран даны по его книге, хотя и спутаны. На карте уже есть Суматра, под именем Явы, есть Бенгалия.

Знания этого картографа Восточной Азии почти целиком заимствованы из книги Марко Поло.

В 1459 году вышла великолепная для своего времени карта.

В XV веке великие открытия превратили книгу Марко Поло, до того известную под названием «Роман о великом хане», в книгу документальную.

В 1426 году принц Педро Португальский ищет в Венеции книгу Марко Поло.

Мир стал нужным. Дальние страны стали необходимостью.

Уже давно распалась империя монголов. В Китае уже давно царствовала местная династия. Сухопутные пути на Китай уже давно закрылись. Путь мимо островов, указанный Марко Поло, считался невозможным.

И вот генуэзец Колумб, прочитавши книгу Марко Поло, пришел к убеждению о возможности плавания на запад, к берегам Азии, не обходя Африки, а пересекая океан.

В августе 1492 года три каравеллы подняли якорь и двинулись на запад. Утром 12 октября Колумб высадился на острове, который назывался Сан-Сальвадор.

От острова к острову, узнавая деревья и людей по книге Марко Поло, узнавая и ошибаясь, дошел Колумб до земли, которую принял за берег Азии. Это был остров Куба.

Отсюда послал Колумб письмо к великому хану.

До великого хана было пути еще целый океан.

Так правдивая книга Марко Поло дала имя лжеца путешественнику, и ошибка по этой книге привела другого путешественника к открытию Америки, которую он принял за Азию.

Приложения

КОММЕНТАРИИ

О времени, когда происходит действие, о городе Венеции, о доже, купцах и ремесленниках

¹ Аттила. По прозванию «бич божий». Царь гуннов. В V веке н. эры создал империю, занимавшую пространство от Рейна до Волги с центром в нынешней Венгрии, разгромив и подчинив ряд народов тогдашней Центральной и Южной Европы — остготов, гелидов, герулов и др. С 441 г. н. эры Аттила начал совершать нашествия на подвластные Римской империи страны — нынешнюю Австрию, Северную Италию и Францию. В 451 г. коалиция из римлян и их кельтских и германских союзников в кровопролитной битве на Каталаунских полях нанесла Аттиле поражение. Умер в 453 г. После его смерти гуннская держава быстро распалась. Вокруг личности Аттилы, как и личности всякого другого великого завоевателя, образовалась масса легенд.

Братья Поло оставляют Константинополь и едут в Крым

¹ Болдуин II (род. в 1217 г., ум. в 1273 г.). Последний император основанной крестоносцами в Византии в начале XIII в. Латинской империи. Вступил на престол в 1228 г., свергнут Михаилом Палеологом в 1261 г.

² Палеолог Михаил VIII Ангел. Император Никейской империи, образовавшейся в Малой Азии, наряду с Трапезундской империей, после захвата крестоносцами Константинополя в 1204 г. В 1261 г. свергнул Болдуина II,

последнего императора Латинской империи и восстановил в сильно сокращенном виде Византийскую империю. В ликвидации Латинской империи Михаилу Палеологу сильно помогали генуэзцы, тогда как их конкуренты, венецианцы, поддерживали латинян. В восстановленной Михаилом Палеологом Византийской империи генуэзцы получили ряд исключительно важных прав, что поставило их в привилегированное положение по сравнению с торговцами других стран. Основанная Михаилом Палеологом династия царствовала в Византии до завоевания Константинополя турками, т. е. до 1435 г.

Судак — греческая Сугдея, итальянская Солдайя, русский Сурож. Основан греками в 212 г. н. эры. Во время великого переселения народов Сугдея неоднократно находилась в зависимости от аланов, готов и хазаров.

В средние века Сугдея — Судак вел оживленную торговлю, выступая посредником между Русью, степной полосой и Византией. Ибн-Батута пишет о Судаке: «Гавань его одна из самых больших и самых лучших гаваней, вокруг него сады и воды»...

Другие арабские авторы пишут про Судак, что «к нему пристают корабли с одеждами, последние продаются и на них покупаются девушки и невольники, буртасские меха, белки и другие предметы» и «в Судаке чрезвычайно много товаров, одежд, бобровых и беличьих мехов».

В начале XI в. контроль над Сугдеей вновь захватила Византия. После взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г. в Судаке появляются венецианцы. В целом ряде других портов Крыма (Кафа-Феодосия, Алушта, Гурзуф, Балаклава и др.) укрепились генуэзцы, но Судак долгое время оставался единственным опорным пунктом венецианцев в Крыму. Судак, или Солдайя, как его называли итальянцы, был самым близким портом к столице крымского ханства — Солхату и в XIII—XIV вв. переживал необычайный расцвет, несмотря на то, что в 1298 и в 1308 гг. город подвергался разгрому со стороны татар. Венецианцы удерживали господство над Солдайей вплоть до падения Латинской империи, после чего их позиции в византийских владениях и в Крыму заняли генуэзцы, развившие в Солдае интенсивное строительство и, в частности, построившие мощную крепость, остатки которой сохранились до наших дней. Захват Константинополя турками в 1453 г. явился роковым событием для итальянских

колоний в Крыму, и Судак в числе других итальянских колоний был завоеван татарами.

⁴ **Солхат** — ныне Эски-Крым, или Старый Крым. Первая столица татарского ханства в Крыму. Построенный на месте старого готско-хазарского поселения, Солхат быстро сделался одним из крупнейших городов Черноморского бассейна. По словам арабских путешественников, Солхат имел мощную крепостную стену, охватывавшую огромное пространство, которое нельзя было объехать на коне и в полдня. Город был населен татарами, аланами, русскими, армянами, итальянцами и греками. Большая часть города состояла из небольших жилых построек, но ряд зданий поражал своим великолепием, например, дворец Батия, построенный в 1252 г., великолепная мечеть, построенная в 1288 г. уроженцем Крыма, египетским султаном Мамелюк-Бейбарсом, и мечеть хана Узбека, построенная в 1314 г.

В конце XV века столица Крымского ханства была перенесена в Бахчисарай, и значение Солхата начало было падать. В XVII веке Солхат был уже в развалинах.

Монах Плато де Карпини рассказывает о татарах и как они сражались

¹ **Китай** — кидане. Племя тунгусско-манчжурского происхождения. С 916 г. по 1115 г. Киданьская династия Ляо («железная») властвовала над Северным Китаем. В 1115 г. она была свергнута чжурчженями, или нючженями. Нючженская династия Цзинь («золотая») была уничтожена Чингиз-ханом. Кидане, вытесняемые из Китая, двинулись на запад и образовали новое государство в Центральной Азии, покорив мусульманские государства. В начале XIII в. Киданьское, или, как его здесь называли, Кара-Киданьское государство, было разрушено монгольским племенем — найманами.

² **Иоанн Плато де Карпини**. Францисканский монах, отправленный папой Иннокентием IV, согласно решению Лионского собора 1245 г., к монгольским ханам. Через Крым, южную Украину, Хорезм и Казахстан Иоанн Плато де Карпини в 1246 г. прибыл в Монголию во время восшествия на престол сына Угедая Гуюка. В своей книге «*Libellus Historicus*» Плато де Карпини дает подробные сведения о монголах, их верованиях, военной организации и т. д.

В стране на Великой реке

¹ Берке, или Барка. Внук Чингиз-хана, сын Чжучи, брат Батые. Был ханом с 1257 по 1265 г. Произвел первую перепись на Руси. Первый из монгольских ханов принял мусульманство. В течение ряда лет между Берке и Хулагу происходили трения, завершившиеся в 1262 г. нападением армии Берке под командой Ногая через Дербент на Ширван. В начале армия Берке имела успех, но в дальнейшем принуждена была отступить. В декабре 1262 г. сын Хулагу Абага напал на лагерь Берке на берегу Терека. Берке не только отразил нападение, но погнал отряды Абаги на юг по льду Терека. Лед проломился, и очень много воинов Абаги погибло. Берке преследовал войска Абаги до Дербента. Попытки Хулагу получить реванш ни к чему не привели.

² Готы. Племя германского происхождения. Из своей первоначальной родины, Скандинавского полуострова, в начале н. эры переселились сначала на южное побережье Балтийского моря, а позднее заняли степь южной Украины, Крым и устье Дуная. Расцвет готской державы приходится на вторую половину IV в., когда она объединяла все земли между Черным и Балтийским морями; готские отряды в III—IV вв. грабят и опустошают византийские города на Малоазиатском побережье и даже прорываются в Средиземное море. Во второй половине IV в. наметилось разделение готских племен на западных (вестготов) и восточных (остготов). В конце IV в. готскую державу разрушили гунны. Остготы принуждены были подчиниться гуннам, а вестготы прорвались на запад, сначала осели на Балканском полуострове, но в начале V в. ворвались в Италию и в 410 г. под руководством Алариха взяли и разграбили Рим. Во второй половине V в. вестготы захватили Испанию, и здесь вестготское королевство просуществовало до начала VIII в., когда Испания была завоевана арабами.

В Крым готы проникли в середине III в. н. эры и осели в его горной части, заняв территорию от Судака до Балаклавы. Крымские готы очень быстро поддаются под экономическое и культурное влияние Византии, просачивавшееся в горный Крым через прибрежные, населенные греками города Херсонес, Алустон (Алушту), Гурзувиты (Гурзуф), Сугдею (Судак). Они принимают христианство в его византийской форме, их духовенство утверждается византийским патриархом, их князь, живущий в Теодоро, или Дорос (ныне — Мангуп-Кале

в Бахчисарайском районе), находится в вассальной зависимости от Византии. В горном Крыму создается своеобразная гото-греческая культура.

С появлением в Крыму татар готские князья делаются вассалами татар. В эпоху Марко Поло население готов в горном Крыму было очень многочисленным. Готы вели оживленную торговлю с татарами, генуэзцами, греками и русскими. Во второй половине XV в. одновременно с генуэзцами подверглось разгрому со стороны турко-татар и готское княжество. Остатки готов слились с греками и татарами.

³ Каменные бабы. Каменные изваяния мужчин и женщин, широко распространенные в степной Украине на Северном Кавказе, Средней Волге, отчасти в Казахстане, Киргизской АССР и Монголии. Создателями «баб» был целый ряд тюркских народов, в том числе и куманы-половцы.

⁴ Булгары, или Болгары. Главный город государства камских болгар, или булгар, существовавшего с VIII в. н. эры в районе Нижней Камы и Средней Волги. Город Булгары был расположен недалеко от впадения Камы в Волгу. В течение ряда веков город Булгары был одним из важнейших торговых центров Восточной Европы. В эпоху расцвета город Булгары имел около 50 тысяч жителей. В немногочисленных городах Болгарского государства (Булгары, Сувар, Бюляр) в VIII—XIII вв. существовала своеобразная, сравнительно богатая культура, находившаяся под сильным влиянием мусульманского Востока и в свою очередь влиявшая на культуру тогдашней Руси. Город Булгары был одним из важнейших рынков невольников, мехов, кож, серебра, вывозившихся на Восток, а также восточных товаров — оружия, одежды, тканей, ювелирных изделий, пряностей, вин.

В 1225 г. город Булгары был разграблен татарами, но он быстро оправился и сделался одним из важнейших татарских городов в Поволжье.

Лишь в XV в., после того, как город Булгары подвергся новому разгрому со стороны Тамерлана, он уже не смог оправиться, и его место как экономического и культурного центра Среднего Поволжья было занято Казанью.

⁵ Хулагу. Внук Чингиз-хана, третий сын Тулая, брат великих ханов Мангу и Кубилая. Основатель монгольской династии в Персии. В 1256 г. вторгся в Персию и в начале

1258 г. взял Багдад. Хулагу разрушил замки ассасинов-измаилитов и разгромил их боевую организацию.

В 1262 г. Хулагу неудачно воевал с Берке.

О стране меха, которую мы называем Сибирью, и о стране, называемой Россия

¹ Канчи, или Кончи. Внук Чингиз-хана, сын Чжучи. Его владения находились в районе Семиречья и низовьев Сыр-Дарьи. В 1293 г. в Тавриз прибыло посольство от Кончи, и Марко Поло мог подучить у членов посольства сведения об их стране.

О битве у Дербента, которая помешала купцам вернуться на родину

¹ Александр Македонский (род. в 356 г., ум. в 323 г. до н. эры). Крупнейший полководец древности. Сокрушил Персидскую империю, завоевал Малую Азию, Сирию, Палестину, Финикию, Египет, Месопотамию, Иран, Среднюю Азию, Бактрию, Согдиану. В 327—326 гг. совершил поход в Северную Индию и Белуджистан. Завоевания Александра имели огромное значение для всего бассейна Средиземного моря и Ближнего Востока. Они начали новый период в древней истории, период эллинизма. Личность и деятельность Александра Македонского породили огромное количество легенд, широко распространившихся не только в эллинистическом мире, но и на Востоке, где с именем Александра (Искандера-«двурогого») связываются рассказы о бесчисленных подвигах и чудесах. Эти рассказы бытовали в эпоху Марко Поло как в Европе, так и на Востоке, и в книге Марко можно встретить многочисленные отголоски эпоса об Александре.

² Вильгельм де Рубрук. Францисканский монах, фламандец по происхождению, был отправлен королем Людовиком IX к монгольским ханам в 1252 г. с целью склонить их к принятию христианства. Де Рубрук проехал через Крым и южную Украину в Монголию, в столицу монгольского хана Каракорум. Де Рубрук дал сравнительно точное и подробное описание виденных им стран и истории создания Монгольской империи.

³ Аланы. Кочевое племя, обитавшее на Северном Кавказе на побережье Каспийского моря около 2 000 лет назад.

Неоднократно упоминаются в китайских летописях. В IV в. были покорены гуннами и оттеснены на Северный Кавказ. Судя по всему, аланов можно отождествить с ассами, или яссами, русских летописей. Монголы, покорив аланов, широко использовали их как военную силу, переселяя целыми колониями в Китай (см. примечание 4 к гл. «Братья Поло и господин Марко Поло младший оказывают хану великую услугу»). Потомками аланов являются современные осетины.

⁴ Самарон — Самарканд. Один из древнейших торговых городов Средней Азии. Во времена Марко Поло важнейший центр караванной торговли.

⁵ Накар, или наккар. Большой барабан, обтянутый буйловой кожей. Обыкновенно имел свыше одного метра в диаметре. В монгольских армиях наккары перевозились на верблюдах. Кубилай впервые ввел огромные наккары, применив для их перевозки слонов. Наккары употреблялись для того, чтобы подавать сигнал к началу боя и при торжественных процессиях.

К великому хану

¹ Хубилай, у Марко Поло Кублай и Кубилай, — сын Тулуя, внук Чингиз-хана. Родился в 1216 г. Еще мальчиком участвовал вместе со своим братом Хулагу в походах Чингиз-хана в 1226—1227 гг. Когда великим ханом был его брат Мунке, Хубилай был одним из лучших монгольских полководцев. Наиболее крупным его походом в это время было завоевание Юннани (1253—1254 гг.). В 1260 г. Хубилай был провозглашен великим ханом. В 1261 г. победил претендента на престол, своего брата Арикбугу. В 1280 г. назвал основанную им монгольскую династию в Китае — Юань («начало»). В 1287 г. победил восставших против него Наяна и Хайду. Сверг Сунскую династию, владевшую Южным Китаем. Дважды организовывал неудачные экспедиции против Японии, столь же неудачна была его попытка захватить Яву. Завоевал Бирму, Аннам, Кохинхину, Корею. При Хубилае Китайское государство достигло максимальных за всю свою историю размеров. В него входили, помимо собственно Китая, Корея, Забайкалье, Манчжурия, большая часть Монголии, нынешний Западный Китай, Тибет, Бирма, Аннам, часть Средней Азии. Кроме того, ему номинально подчинялись монгольские государи восточной Европы, Ирана, Средней Азии и т. п.

Не доверяя китайскому населению и не будучи в состоянии доверить управление неопытным в подобных делах монголам, Хубилай широко привлекает к управлению выходцев из Средней Азии, Ирана, уйгуров и т. д. Хубилай перенес столицу из Монголии в Тайду (нынешний Бейпин). Его царствование явилось началом быстрой китаизации монголов — завоевателей Китая. Он широко прибегал к выпуску бумажных денег. Его обширные военные мероприятия и огромные расходы на содержание пышного двора тяжело сказались на положении китайских финансов. Хубилай умер в 1295 г.

² Сарацины. Широко распространенное в эпоху крестовых походов наименование мусульман. Мусульмане — уроженцы Средней Азии, Ирана и Западного Китая — играли очень большую роль при дворе и в армии Кубилая.

³ Несториане. Приверженцы учения константинопольского патриарха Нестория, осужденного на Эфесском соборе 431 г. Сирийские несториане были торговым народом. Еще в средние века они составляли, наряду с евреями и ломбардцами, основную торговую прослойку в Европе. На Востоке сирийцы-несториане кроме того играли очень важную роль как посредники, передававшие культурные ценности (например, эллинские — арабам). В Китае несториане появились уже в VII в. При Кубилае несториане сыграли очень важную роль как администраторы, ученые, врачи и т. п.

В XI в. н. эры несторианство широко распространилось в Монголии. В частности, оно было господствующей религией у керайтов в Восточной и у найманов в Западной Монголии. Значительное распространение несторианства в Центральной Азии послужило причиной зарождения в средневековой Европе легенды о «пресвитере Иоанне» — христианском государе, правившем где-то на Востоке и собиравшемся помочь крестоносцам в их борьбе против мусульман.

⁴ Чань-Чунь (Цю-чяцзы). Даосский монах, живший в конце XII и начале XIII в. в Северном Китае. В 1218 г. по вызову Чингиз-хана направился в его ставку в Монголию, но, не застав его там, проехал через Туркестан к границам Индии, где и застал Чингиз-хана. Его путешествие описано его учеником Ли-Чжичаном под названием «Си-ю-цзы» («Путешествие на Запад»).

⁵ Чингиз-хан — Темучин (род. в 1162 г., ум. в 1227 г.). Создатель средневекового военно-феодалного Мон-

гольского государства и организатор мощных монгольских армий. К 1206 г. после длительной борьбы об'единил всю Монголию и принял имя Чингиз-хана. Создал монгольскую армию, набиравшуюся по принципу воинской повинности из монгольских родов и подвластных народов. В его армии основную роль играла конница. Широкая завоевательная политика Чингиз-хана и его преемников диктовалась интересами монгольской феодально-аристократической верхушки, нуждавшейся в новых территориях, и крайне пестрой по своему национальному составу торговой прослойки, заинтересованной в установлении безопасных торговых путей между Восточной и Центральной Азией, Ближним Востоком и бассейном Средиземного моря.

С 1211 по 1216 г. Чингиз-хан осуществил завоевание Северного Китая, находившегося тогда под властью Цзиньской династии, в 1217—1220 гг. Чингиз-хан покорил Среднюю Азию, а его сын Тулуй (отец Кубилая) из Средней Азии прошел через Северную Персию и Кавказ в Половецкие степи и здесь в битве при Калке нанес страшное поражение половцам и их союзникам — русским князьям. В дальнейшем Чингиз-хан покорил Афганистан и Западный Китай и готовил поход на Индию. В 1227 г. он умер во время осады города Нинся — столицы Тангутского государства Сися.

Купцы меняют хозяина

¹ Афанасий Никитин, Тверской купец, отправившийся вместе с русским послом Василием Паниным в Шемаху. Из Шемахи Никитин проехал через Баку в Персию (1467 г.), а оттуда через Иезд и Ормуз в Индию. Из Индии Никитин через Персию и Трапезунд вернулся в Россию, но, не доехав до родного города — Твери, умер в Смоленске. В своей книге «Написания Офанаса Никитина, Тверетина купца, что был в Индеи четыре года, а ходил, сказывают, с Василием Паниным». Никитин дал подробное описание виденных им стран и привел данные о ряде стран, где он не бывал (Цейлон, Индо-Китай, Китай). Его описание Индии является лучшим из всех описаний того времени, составленных европейскими путешественниками.

² Имеется в виду грозное письмо, посланное великим ханом Мунке Людовику IX с Вильгельмом де Рубрук.

³ Тамплиеры, или храмовники, — «рыцари храма господня». Военно-монашеский католический орден, основанный в

1118 г. для борьбы против мусульман. Орден скоро сосредоточил в своих руках огромные сокровища и земельные участки, сделался банкиром пап и государей Западной Европы.

На Востоке орден владел множеством укрепленных замков и вел самостоятельную политику, зачастую противоречившую политике других вождей крестоносцев. Орден вел в Сирии, в Палестине и Малой Азии большие банковско-ростовщические и торговые операции, конкурируя с итальянскими и южнофранцузскими купцами.

В начале XIV в. французский король Филипп IV Красивый, желая присвоить огромные богатства ордена, организовал процесс против его руководителей. Магистр ордена Жак де Моле и все рыцари ордена, бывшие в это время во Франции, были обвинены в ересях, занятиях алхимией и т. п. и казнены. Филипп IV конфисковал всю собственность ордена и в 1312 г. настоял перед папой Клементом V на ликвидации ордена.

⁴ Тевтонские рыцари. Тевтонский орден был основан в 1128 г. немецкими крестоносцами «для оказания гостеприимства паломникам и для борьбы против неверных». В Сирии и Палестине тевтонский орден вел вооруженную борьбу с мусульманами. Очень скоро тевтонский орден перенес свою деятельность из Палестины в населенную литовцами Прибалтику. Здесь тевтонский орден огнем и мечом осуществлял колонизацию литовских земель, истребляя и порабощая туземное население.

⁵ Малая Армения. Армянское государство, образовавшееся в XI в. в Киликии и в горном районе Тарса после разгрома старого армянского государства среднеазиатскими завоевателями. Новое государство находилось в сильной экономической и политической зависимости от итальянских республик и крестоносцев. В 1198 г. армянский государь Леон получил королевское звание от папы римского. В Малой Армении быстро привились феодальные порядки по западноевропейскому образцу и, наряду с замками армянских феодалов, существовали многочисленные замки франкских рыцарей и духовных орденов. Король Гайтон I при появлении монгольских армий добровольно подчинился монголам и объявил себя их вассалом.

Малоармянское царство было разрушено в 1315 г. египетским султаном.

⁶ Теобальдо из Пьяченцы. Папский легат на Востоке. Происходил из знатного рода Висконти. После смерти папы Клементия IV в 1268 г. конклав в течение трех лет не мог выбрать нового папу. Поэтому Теобальдо, не дожидаясь избрания нового папы, сам отправил с Поло письмо к хану. В октябре 1271 г. он был выбран папой и принял имя Григория X. Он занимал папский престол четыре года и умер в январе 1276 г.

Марко Поло младший появляется в нашей книге и начинает свое двадцатипятилетнее путешествие

¹ Уйгуры. Племя турецкого происхождения, образовавшее в IX в. государство в нынешнем Западном Китае. Это государство находилось на важнейших караванных путях из Восточной Азии на Ближний Восток. Уйгуры были не только посредниками в торговле, но сыграли также очень значительную роль в передаче религиозных влияний, в частности христианства и буддизма, на Восток. Через уйгурскую письменность сирийского (арамейского) происхождения, средиземноморский принцип алфавитного письма проник в Монголию и далее в Манчжурию. Уйгуры играли большую роль в администрации Кубилая.

² Эрзинган, у Марко Поло Арзинга. Старинный армянский город. В 1244 г. под Эрзинганом монголы одержали победу над сельджуками. Букаран из Эрзингана упоминается, помимо Поло, и другими авторами эпохи Возрождения. В 1340 г. о нем писал Пеголотти и в 1442 г. Джованни д'Уццано. По словам Юла, значение слова «букаран» с течением времени изменилось. В средние века так называлась дорогая льняная или хлопчатобумажная ткань — ныне это грубое полотно.

³ Джованни Виллани (1275—1348). Флорентийский историк. Его книга «История Флоренции», несмотря на то, что методика ее еще полностью проникнута средневековьем, до сих пор представляет большую ценность не только из-за имеющегося там фактического материала, но также благодаря попыткам автора обобщить ряд фактов из области экономики.

⁴ Яковиты. Последователи учения Якова—епископа Эдесского, жившего в VI в. и учившего, что «Христос имеет лишь одну божественную природу» (т. н. «монофизизм»). Визан-

тийское правительство и церковь преследовали яковитов, и они обитали главным образом в подвластных мусульманам областях, преимущественно в районе Мосула. В настоящее время значительная часть айсоров — яковиты.

Путь через Южную Персию

¹ С а в е, или С а в а. Город в 50 милях к юго-западу от Тегерана. Здесь находилась одна из богатейших мусульманских библиотек. Город был разрушен во время первого монгольского похода в Персию.

² Я з д и — И е з д. Один из стариннейших и крупнейших городов Ирана. В домусульманскую эпоху Иезд был важнейшим религиозным центром парсистской религии, и до сих пор здесь проживает большая колония гвевров — огнепоклонников. В настоящее время Иезд — средоточие мусульманских святынь и центр реакционного шиитского духовенства.

³ О р м у з, у Марко Поло Кермуз и Фармоз. Ныне иранский порт Бендер-Аббас на берегу Персидского залива. В этом порту Марко Поло был дважды: первый раз во время путешествия с отцом и дядей в Китай и второй раз — во время возвращения в Европу. Порт Ормуз в монгольскую эпоху был главным персидским портом, через который осуществлялась морская связь между тогдашним Китаем и Персией. Естественно, что посланники Кубилая прибыли именно сюда.

Об ассасинах (действие, рассказанное Марко Поло, происходит в 1262 году)

¹ Ассасины. Еще в VIII веке н. эры в Багдадском халифате возникла шиитская секта измаилитов, отражавшая недовольство широких городских масс, интеллигенции, крестьян и мелких землевладельцев все усиливавшимся гнетом со стороны феодалов и купеческой верхушки и клерикальной реакцией. Измаилизм, наряду с мессианскими чаяниями, связанными с именем Измаила, потомка халифа Али, заключает в себе множество мистических элементов, большей частью унаследованных у древних религий Передней Азии и Ирана. Отдельные ветви измаилизма выдвигали некоторые доктрины потребительского коммунизма.

В конце XII века, в связи с распадением Багдадского ха-

Лифата, многочисленными войнами, которые вели между собой различные мусульманские государи и, наконец, вторжением в Сирию и Палестину крестоносцев, измаилитская секта выкристаллизовывается в военно-конспиративную организацию, известную под именем *ассасинов*. Ассасины вели ожесточенную борьбу с крестоносцами и мусульманскими государями, не останавливаясь ни перед чем и широко применяя тайные убийства. Члены организации были связаны жесточайшей дисциплиной и были обязаны беспрекословно подчиняться главе секты — «Старцу гор» — потомку халифа Али. Слово «ассасин» происходит от арабского «хашишин», ибо для того, чтобы полностью подчинить себе членов военно-конспиративных организаций, т. н. «фидави», глава секты применял систематическое опьянение их хашишем. Слово «хашишин» было переделано крестоносцами в «ассасин» и в таком виде стало во французском и итальянском языках означать наемных убийц.

Ассасинские замки несомненно крайне затрудняли караванную торговлю, и под нажимом крупного купечества Хулагу с 1253 г. начал борьбу против ассасинов — измаилитов.

В ноябре 1256 г. глава ассасинов — Рукнуддин — сдался. Монголы захватили и разрушили около 100 измаилитских крепостей; некоторые крепости (напр. Гирдкух) монголы не могли взять и держали в осаде четырнадцать лет. Боевая организация ассасинов была разгромлена, но измаилитская секта в Иране, Северной Индии и частично в Таджикистане сохранилась до сегодняшнего дня.

Торговый дом Марко Поло зимует около Памира

¹ Балх, у Марко Поло Балк. Один из древнейших городов Азии; под именем Бактры был столицей Бактрианы — эллино-иранского государства, образовавшегося на севере современного Афганистана после распада монархии Александра Великого. Балх всегда играл огромную роль в качестве посредника между Индией, Тибетом, Китаем и Ближним Востоком. Во время монгольского завоевания Балх был разрушен и его жители полностью истреблены. Юл пишет: «Балх — мать городов, был беспощадно разрушен Чингиз-ханом. Хотя город сдался без сопротивления, все его население было выведено по частям на равнину за городом под обычным у монголов предлогом необходимости сосчитать его, и там было самым жестоким образом умерщвлено. Город и его сады были сожжены и все здания, пригодные для обороны, были скрыты.

Ибн-Батута, посетивший Балх через 60 лет после Марко, пишет, что город все еще находился в развалинах и был необитаем: «До сих пор видны остатки мечетей, училищ и расписанных стен».

Как правило, монголы щадили города, сдавшиеся без сопротивления, и возможно, что уничтожение Балха было сделано под воздействием очень влиятельной в окружении Чингиз-хана группы среднеазиатских торговцев, желавших избавиться от одного из крупнейших конкурентов.

² **Бадахшан.** Ныне пограничная с СССР область Афганистана и часть советского Памира. Бадахшан очень богат полезными ископаемыми, в частности — драгоценными камнями и ляпис-лазурью.

³ **Шулнан.** Горный район в верховьях р. Пянджа. Марко Поло пишет, что этот район очень богат полезными ископаемыми. В самом деле, за последние годы здесь открыто много месторождений свинцовых руд — рубинов, малахита, ляпис лазури.

Страна нефрита и страна песков

¹ **Хотан.** Большой оазис в Кашгарии (Западный Китай). Славится прекрасными садами, хлопковыми и хлебными полями. Все земледелие базируется на поливном хозяйстве. Очень развито шелководство и овцеводство. С древних времен знаменит богатыми месторождениями нефрита или яшмы и изумруда, о которых неоднократно упоминают древние и средневековые китайские авторы, арабы и персы. Китай, начиная с II в. до н. эры, всегда получал из Хотана самый ценный нефрит.

² **Камул — Хами.** Город в Западном Китае на пути из Средней Азии в нынешнюю провинцию Ганьсу. Был крупным центром буддийской культуры и одним из важнейших транзитных пунктов, через которые осуществлялись торговые и дипломатические сношения Китая с Западом. Своеобразные формы гостеприимства у уйгуров, бытовавшие в Хами и описанные Марко Поло, по данным Палладия Кафарова, были отмечены в Хами китайским путешественником Хун Хао за 100 лет до Марко Поло. Подобный обычай существовал во времена Марко Поло в Сычуани. Древние и средневековые авторы упоминают о существовании этого обычая у массаге-

гов (Страбон) и хазар. Позднее путешественники встречали подобные обычаи у жителей некоторых долин Кашмира, островитян Ландронских и Канарских островов и у племени наиров на Малабарском побережье Индии.

3 Кампичу — Ганьчжоу-фу. Ныне Чжан'е в провинции Ганьсу. Расположен южнее Великой стены на важном караванном пути из Китая в долину Тарима, крупный торговый центр. Слова Марко Поло о пребывании семьи Поло в Ганьчжоу в течение одного года, на пути в Китай, противоречат его сообщению о роли Поло в покорении Сян-Ян-фу (см. примечание ниже). Возможно, что семья Поло ездила в Ганьчжоу-фу из Китая.

4 Отец и дядя Марко Поло выехали в 1260 г. из Константинополя в Судак (Солдайю), где была венецианская фактория. Из Судака через Солхат старшие Поло проехали в город Булгары, при слиянии Волги и Камы. Здесь была ставка Кипчакского хана Берке. Перезимовав в Булгарах, братья Поло спустились вдоль правого берега Волги и переправились на левый берег у Уака (Увек около Ульяновска). Отсюда Поло поехали в Бухару.

В Бухаре братья Поло встретили посольство, прибывшее от великого хана Кубилая и, пользуясь оказией, проехали с ним через Среднюю Азию и Монголию в Китай. В 1269 г. братья Поло, по поручению Кубилая съездили на родину и там к ним присоединился сын Николо Марко. Очень характерно, что в эту свою поездку в Европу братья Поло коренным образом изменили маршрут. Из Персии они направились в Месопотамию и оттуда в порт Аяс на берегу Средиземного моря. Несомненно, что по дороге на родину купцы узнали о катастрофе, постигшей в 1261 г. Латинскую империю. Ехать через Константинополь было опасно, ибо там уже заправляли генуэзцы.

Точный путь семьи Поло на Восток установить нелегко. Марко Поло не всегда выдерживает последовательность в описании посещенных им стран. Все же основные вехи маршрута венецианцев можно нанести на карту (см. стр. 312—313).

Семья Поло начала свое второе путешествие с Акры, тогда главного порта Палестины. Акра принадлежала крестоносцам, и здесь жил папский легат для всего Востока. Отсюда Поло направились в порт Аяс, расположенный на границе Сирии и Малой Азии в крайнем северо-восточном углу Средиземного

моря. Через этот порт шла оживленная торговля с Малой Азией, Персией и Кавказом. Из Аяса Поло попали в Малую Армению. (См. комментарий 5 к главе «Купцы меняют хозяев», стр. 302).

Когда Поло проезжали Малую Армению, она находилась в вассальной зависимости от монголов и, подобно Руси, платила монголам дань.

Из Малой Армении через город Эрзинган венецианцы попали во владения монгольских ханов Персии. Это были земли старинной культуры с богатыми городами и оживленными караванными путями. Через Мосул и Багдад (у Марко Поло Баудак или Бодак) Поло проехали в Иезд (у Поло Язди) и через Керман спустились к Персидскому заливу. Здесь находился крупнейший порт средневековой Персии—Ормуз. Ныне здесь расположен один из важнейших портов современного Ирана — город Бендер-Аббас.

Судя по всему, венецианцы пытались проехать в Китай морем через Индийский океан, но им это не удалось.

Круто повернув обратно на север к Керману, они пересекли огромную внутреннюю пустыню Ирана и вышли на древний караванный путь, тот путь шелка, которым проходили еще римские, а потом арабские торговцы. Путь этот вел через нынешний северный Афганистан в Памир. Марко Поло — первый из европейцев, рассказавший о существовании в центре Азии этой мощной горной страны. После Памира начался спуск в бассейн Тарима. Здесь караванный путь шел мимо древних торговых городов Кашгара, Яркенда, Хотана.

В городах этих было сильно развито христианство и буддизм, но во времена Марко Поло здесь быстро прививался ислам. Здесь обычно кончался путь римских торговцев. Здесь они встречались с китайцами и покупали у них шелк.

Отсюда семья Поло вступила на древнюю дорогу шелка и нефрита. Свыше тысячи лет китайцы скупали в Хотане драгоценную яшму (нефрит). Яшма стоила в Китае огромных денег, и уже во II веке н. эры между Хотаном и Китаем существовала оживленная торговля.

Следуя по старому караванному пути, венецианцы спустились по течению Черчен-Дарьи до города Лоб, в обход пустыни Гоби, поднялись на север и через Хами (у Марко Поло — Камул), вступили в пределы собственно Китая в городе Сучжоу (у Марко Поло — Суктур).

Хан Кубилай был подобен розе

¹ Шаньду. Летний дворец Кубилая. Построен им в 1256 г. еще до восшествия Кубилая на престол. Шаньду был расположен в юго-восточной Монголии на расстоянии 750 ли (по ближней т. н. «Восточной» дороге) от столицы.

² Канбалу, Канбалут. Монгольское «Ханбалык» — «ханский город» — нынешний Бейпин. Согласно китайским летописям, еще в 1121 г. до н. эры около нынешнего Бейпина был основан город Цзи, который с IX по III в. до н. эры был столицей самостоятельного феодального княжества Янь. В начале нашей эры город этот назывался Цзи, Янь и Яочжоу. С 986 г. он стал одной из столиц царства Ляо и был известен под именем Нань-цзинь («южная столица»). В 1151 г., когда он был столицей Цзиньской империи, он получил название Чжунду («средняя столица»). В 1215 г. Чжунду был взят войсками Чингиз-хана, а с 1367 г. Кубилай перенес сюда свою зимнюю резиденцию, построив к 1271 г. новый город, носивший турецко-монгольское название «Ханбалык» и китайское Тайду («великая столица»). В настоящее время город передвинулся значительно южнее.

³ Дворец хана в Ханбалыке — описан Марко Поло сравнительно точно, и его описание почти полностью подтверждается китайскими авторами и Одориком, посетившим Тайду через 35 лет после Марко Поло. Надо иметь лишь в виду, что при строительстве дворцового города и разбивке парков Кубилай частично использовал сооружения, оставшиеся от свергнутой монголами Цзиньской династии.

Город Канбалу, от бунта обезопасенный

¹ Упоминание о гостинице для итальянцев, немцев и французов есть лишь в позднейшем тексте Марко Поло, изданном Рамузио. В. В. Бартольд пишет: «Особый интерес представляют находящиеся только в издании Рамузио слова о трех гостиницах в Пекине для европейцев, по трем национальностям (итальянской, немецкой и французской). Если эти слова принадлежат Марко Поло, то они свидетельствуют о быстром успехе торговли европейцев с Китаем во второй половине XIII в.; по словам самого Марко Поло, до прибытия в Китай его отца и дяди там не было ни одного «латинянина» (В. В. Бартольд. «История изучения Востока в Европе и России». Л. 1925),

Хан Кубилай отправляется на охоту и господин Марко Поло ему сопутствует

¹ Айсе (Есия, или Изол). Европейец, игравший большую роль при дворе Кубилая. Академик В. В. Бартольд отождествил его с пизанцем Изолом европейских и Исой мусульманских источников. Ему посвящен специальный раздел Китайской летописной истории монгольской династии. Летопись изображает Айсе верным и смелым советником Кубилая, не стеснясь говорившим хану и всем придворным правду и пользовавшимся большим доверием хана. «Айсе — человек с запада — внук Пуали, сын Пулумаши, знал языки Запада и был очень сведущим в медицине и астрономии. Хан Гуюк часто прибегал к мудрости Айсе, который не боялся говорить откровенно со всеми придворными и делал им замечания».

«Весной 1268 г. император направлялся по обыкновению на охоту в Сиань-сянь около Баодинфу. Айсе в присутствии императора спокойно сказал крестьянам, которые выполняли казенные повинности: «Разве охота не препятствует вам сеять?» Император прекратил охоту и вернулся со своей свитой в Шаньду».

Далее летописец пишет: «В 1271 г. Айсе был направлен в качестве помощника с министром Поло, который был отправлен послом к вассальным князьям Северо-Запада. Когда они возвращались, они попали в район восстания. Айсе был разлучен с Поло и потерял его из вида. По прошествии двух лет он добрался до столицы и, получив приказание предстать перед двором, он принес все драгоценности и дорожие ткани, которые ему вручил принц Аргон. Император выразил свое удовольствие и сказал: «Поло, который родился в моих владениях и получил от меня это назначение, понравилось в дальней стороне, а Айсе, который родился там, который должен был оставить свою семью, — остался мне верен. Как различны их поведения». Ему был предложен пост Ши Чжен Чжан Бин (советника), но он категорически отказался. В 1275 г. он был сделан начальником секретариата. Упомянутый здесь Поло несомненно не имеет ничего общего с венецианцем Поло».

Айсе играл очень большую роль при дворе Кубилая. Летопись гласит: «В 1276 г. Баян вернулся после усмирения Цзян-аня и был обвинен Ахмедом при посредстве анонимного

письма. Айсе, простираясь ниц перед императором, порицал такой способ действий (анонимное обвинение) и добился оправдания Баяна».

После смерти Кубилая Айсе продолжал оставаться при дворе, получая новые титулы. Так, при восшествии на престол Уцзуна он получил характерный титул Циньго Гуна (князя государства Римского). В июле 1308 г. Айсе умер в Шаньду 82 лет отроду, оставив пятерых детей, занимавших важные должности. Все они имели христианские имена: Элия, Денха, Исса, Георгий, Лука. Даже в посмертных титулах, присвоенных Айсе, отразилось его происхождение. Один из них — принц Фулина (что значит «принц Рима»).

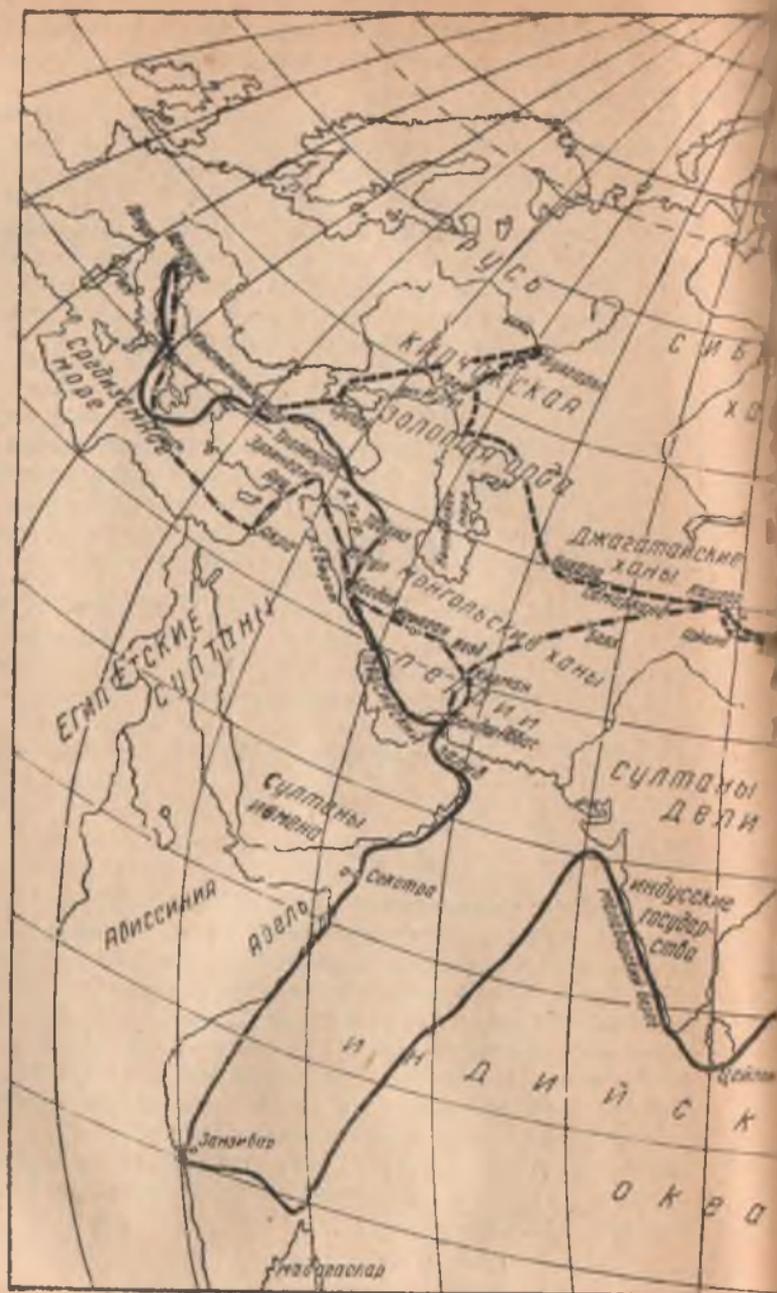
² Альберт, граф фон Большедт — Альберт Великий (1193—1280). Один из крупнейших ученых и естествоиспытателей средневековья, последователь Аристотеля. На его взгляды оказали большое влияние неоплатоники, арабские и еврейские философы. За Альбертом Великим утвердилась слава могучего кудесника и под его именем стали сочиняться всевозможные трактаты по алхимии и т. п.

³ Абу-Мусса-Джафар-эль-Суфи (780 — 840). Один из крупнейших арабских ученых (алхимик, геометр и астроном). Р. Бэкон назвал его учителем учителей, а Кардан считал его величайшим гением мира.

⁴ Туция. Окись цинка, оседающая при обжигании цинковой руды.

Марко Поло — разведчик

¹ Рассказ относится к Тибету, который до монголов был самостоятельным государством. Тибет занимал во времена Марко Поло гораздо более обширную территорию, чем нынешний Тибет; в него входила значительная часть нынешней провинции Ганьсу и Тангут на севере, бассейн верхнего Янцзы и его притоков, относящиеся ныне к провинции Сычуань, на востоке и области Нань-чао на юге. С 1244 г. в царствование Мунке монголы начали завоевание Тибета, о страшных опустошениях, произведенных монголами в пограничных районах Тибета, пишет и Марко Поло. Кубилай завершил покорение Тибета, используя поддержку ламаитского духовенства Тибета.

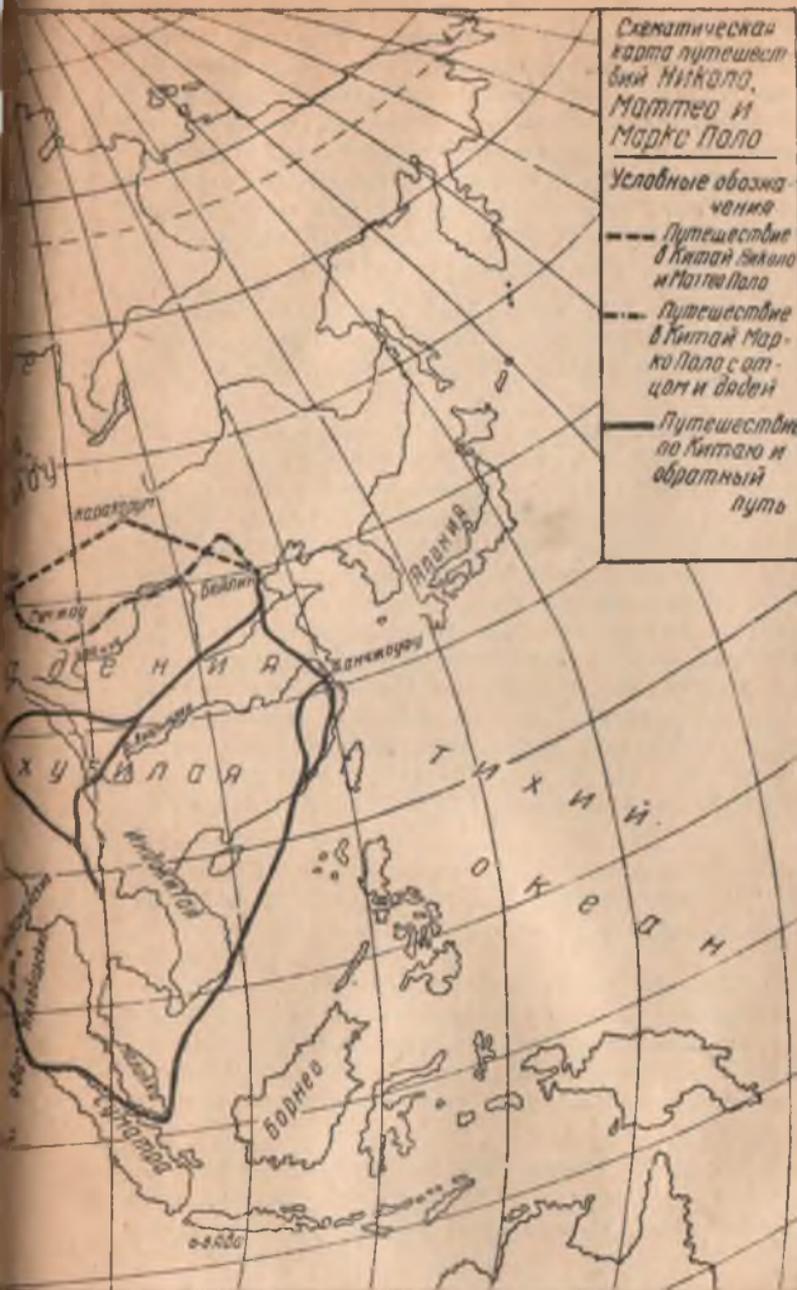
Схематическая
карта путешествий
Николо, Маттео и
Марко Поло

Условные обозна-
чения

--- Путешествие
в Китай Янко
и Маттео Поло

--- Путешествие
в Китай Мар-
ко Поло с от-
цом и дядей

— Путешествие
по Китаю и
обратный
путь

В 1264 г. Кубилай принял посвящение от Пагпы-ламы, сделал его главой ламаитской церкви в Тибете, Монголии и Китае и дал ему титул Гоши (государственный наставник). В 1269 г. Пагпа-лама, по поручению Кубилая, составил на основе тибетского т. н. квадратный монгольский шрифт. Шрифт этот был официальным языком китайско-монгольских канцелярий вплоть до 1368 г., т. е. до падения монгольской династии. Свобода нравов, описанная Марко Полом, до сих пор наблюдается в некоторых областях Тибета.

² Гаинду — Цзянь-ду, или область народа Лоло на юго-западе нынешней провинции Сычуань. Обычай, аналогичный описанному Марко Полом у уйгуров Хами, в Сычуани, ныне полностью исчез.

³ Зардандан — персидский перевод китайского слова Цзинь-Чи — «золотые зубы». Название, укоренившееся еще со времени Танской династии за западной, прилегающей к нынешней Бирме, части китайской провинции Юннань. Поводом к такому названию послужил описанный Марко Полом обычай туземцев покрывать зубы золотыми футлярами. Персидский писатель Рашидаддин также упоминает про обычай жителей нынешней провинции Юннань надевать золотые чехлы на зубы. В настоящее время этот обычай в Юннани исчез, но такие обычаи до сих пор бытуют на Суматре, на острове Тимор, на острове Макаassar. Другой обычай, упоминаемый Марко Полом, т. н. «Кувада», когда муж имитирует роды и послеродовую слабость, до сих пор бытует у туземных племен соседней с Юннанью провинции Гуйчжоу и далее в нижнем Ассаме.

Братья Поло и господин Марко Поло младший оказывают хану великую услугу

¹ Манги, или Маньцзи. Так Марко Поло называет только что покоренную тогда монголами южную часть Китая, где до того царствовала туземная Сунская династия. Марко Поло все время противопоставляет Манги, или Южный Китай, Катаю, или Северному Китаю, ранее покоренному монголами.

² Ханьчжоу-фу — см. примечание к слову Кинсай.

³ Сайан-фу — Сянян-фу. Областной город нынешней провинции Хубей. Расположен на севере провинции

на реке Хань. Участие сделанных иностранцами (и именно пришедшими с запада) стенобитных орудий во взятии Сянь-фу подтверждается китайскими летописями и персидскими авторами. Но, по их словам, эти мастера были мусульмане. Кроме того, взятие города Сянь-фу произошло в январе 1273 г., между тем братья Поло уже в октябре 1271 г. отбыли в путь из Акры и, по словам самого Марко Поло (гл. XIV пролога), «три с половиной года, знаете, странствовали они по причине дурных дорог, дождей да больших рек, да потому еще, что зимою не могли они ехать так же быстро, как летом». Кроме того в гл. XII Марко Поло говорит, что в Ганьчжоу-фу «Николай, Матфей и Марко прожили целый год в этом городе по делу, о котором не стоит говорить». Если путешествие венецианцев из Акры в Китай в самом деле продолжалось три с половиной года, то рассказ Марко Поло о роли старших Поло в взятии Сянь-фу не может быть признан достоверным. Шариньон пытается объяснить это расхождение тем, что считает, что слова о странствовании в течение трех с половиной лет относятся ко всей дороге от Ханбалыка до Венеции и обратно. По его мнению, венецианцы, снабженные табличками хана, могли пройти путь от Средиземного моря до Китая в семь-восемь месяцев, и тогда они могли принять участие в осаде и взятии Сянь-фу.

В таком случае остается предположить, что в Ганьчжоу-фу, где венецианцы жили целый год, они ездили из Китая.

⁴ Марко Поло говорит, что избиение аланов и резня происходили в городе Чинчинги (тогда Циньлин-цзюнь, ныне гор. Чанчжоу-фу на Нанкин-Шанхайской жел. дор. в провинции Цзянсу). В других источниках нет упоминания об этом событии. Пелио полагает, что описываемое Марко Поло событие имело место в городе. Чженчао-цзюнь, расположенном в провинции Ань-хуэй.

Аланы, предки нынешних осетин, были тогда христианами и со времени Угедея играли в монгольской армии большую роль. Папский легат Мариньоли писал даже о них в 1342 г. из Ханбалыка: «Благодаря их качествам, татары смогли завоевать империю на Востоке, без них они не одержали бы ни одной сколько-нибудь значительной победы».

⁵ Великий Канал — по-китайски Юйхэ (императорская река), или Юньхэ (транспортная река). Соединяет столицу провинции Чже-цзян Ханьчжоу-фу с Бейпином. Канал начат постройкой в VI в. н. эры, окончен при Кубиласе.

Кубилай ускорил строительство канала, дабы использовать его для переброски продовольствия из Центрального Китая в Северный с тем, чтобы суда не должны были обгибать по бурному морю Шаньдун. Общая длина канала равна 1500 километрам. При проведении канала были широко использованы естественные водоемы — озера и реки. Канал пересекает три крупнейшие реки — Янцзы-Цзян, Хуан-Хэ и Бейхэ. В настоящее время канал сильно разрушен и слабо используется для длительных перевозок.

О Китае

¹ Юань — «начало», первое слово китайской классической книги И-Цзин. Так назвал в 1280 г. Кубилай свою династию, подчеркивая отсутствие преемственности с предшествующими китайскими династиями.

До монголов китайские династии назывались по именам тех уделов, откуда якобы происходили их основатели. Позднейшие династии усвоили монгольскую систему названия династии.

² Цин равен 100 му, т. е. 6,144 гектара.

³ Му — 0,06144 гектара, 100 му равны 1 цину — 6,144 га.

Марко Поло рассказывает о величественном городе

¹ Кинсай — Ханьчжоу-фу. Ныне главный город провинции Чже-цзян в устье реки Цзянь-Тан на берегу залива Ханьчжоу. Название города происходит от слова «хан» — переправа, паром.

В XII—XIII вв. Ханьчжоу-фу был крупнейшим городом Южного Китая и в течение ряда лет столицей Сунской династии. Восторженное описание Ханьчжоу у Марко Поло подтверждается описаниями других западноевропейских (например, Одорик) и мусульманских авторов. Интересно отметить, что Марко Поло неоднократно подчеркивает «купеческий», «торговый», «мирный» характер Ханьчжоу. В самом деле, по сравнению с военно-административным центром в Ханбалыке, крупный торговый центр Ханьчжоу, где купцы играли исключительную роль, должен был произвести на купца Марко Поло особенно сильное впечатление.

Прежде «Кинсай» считали искажением слова «Цзинь-чжи» (по южному произношению — Киньсы), что означало «столица». Ныне исследователи по большей части склонны считать, что слово «Кинсай» происходит от слова «Ханьчжоу», тем бо-

лее, что Одорик называет Ханьчжоу Кансай, Кампсай, Шансай, Вассаф-Канзай; Ибн-Батута — Кан-за.

Господин Марко Поло не может расстаться с городом и снова рассказывает о нем

¹ Река, протекающая у Ханьчжоу, называется Цзянь-Тан, или Синь-ань.

² По мнению Потье, здесь имеются в виду китайские ли. Ли равно 350 метрам.

³ Марко Поло имеет в виду знаменитое Си-Ху («Западное озеро»), прославленное за свою исключительную красоту и неоднократно упоминаемое как иностранными, так и китайскими авторами. Си-Ху не глубоко, летом оно открыто лотосами, вокруг много памятников старины. Озеро всегда служило излюбленным местом пикников, поэтических прогулок и т. д.

Марко Поло разговаривает со старым купцом

¹ Речь идет об императоре Сунской династии Ду-Цзун, царствовавшем с 1265 по 1274 г.

О попытке возмутить город Канбалу

¹ Хешан — монах-буддист.

² О роли Марко Поло в следствии по делу об убийстве Ахмеда.

Одной из самых ярких глав книги является сохранившаяся лишь в версии Рамузио гл. XXXIV, «где рассказывается о заговоре, организованном для того, чтобы возмутить город Канбалу, и как зачинщики были пойманы и казнены». Помимо живости и красочности описания, глава эта интересна еще своей заключительной фразой: «В то время, когда все это происходило, господин Марко находился там».

Уже давно европейские ученые указывали, что китайские летописи не только подтверждают во всех деталях рассказанную Марко Поло историю восстания 1282 г., когда был убит министр Ахмед, но, рассказывая о следствии по этому делу, неоднократно упоминают имя Поло. *

В самом деле, в Юаньши (истории монгольской династии) в разделе «Цзянь Чень» («злодеи-министры») имеется биография Ахмеда, где, между прочим, сказано: «Он (Кубилай) приказал вице-президенту Высшего Военного Совета Поло и некоторым другим сановникам направиться в столицу и там наказывать зачинщиков бунта», и далее: «Поло и другие прибыли в столицу на другой день. Ван-Чжу и Гао Хешан (монах Гао) подвергнуты публичной казни и их тела разрублены на мелкие части». Далее говорится, что после смерти Ахмеда Кубилай «посоветовался с Поло и, узнав всю глубину его (Ахмеда) преступлений, закричал: «Ван-Чжу хорошо сделал, что его убил». Отожествление этого Поло с автором книги представляло слишком большой соблазн и в течение долгих лет считалось установленным, что Марко Поло играл очень важную роль во время подавления восстания 1282 г. Однако Чжан-Синлан доказал, что фамилия Поло встречается в Юаньши неоднократно, причем — несомненно, что в большинстве случаев речь идет не о венецианце Поло. В некоторых случаях дело идет об очень высокопоставленном чиновнике, которым не мог быть Марко Поло, особенно в первые годы своего пребывания в Китае; так, под 1277 г. в летописи сказано: «Поло, президент министерства сельского хозяйства, президент Коллегии цензоров, провинциальный губернатор, исполняющий по совместительству обязанности главного церемониймейстера, был сделан вице-президентом Военного Совета и по совместительству интендантом императорского стола». Несомненно, что это тот Поло, который расследовал и дело о восстании 1282 г.

Поло упоминается также в биографии Айсе (см. выше примечание об Айсе). При этом из слов Кубилая ясно, что этот Поло также ничего не имеет общего с Марко Поло. Чжан-Синлан насчитывал в Юаньши восемь различных Поло, один из его корреспондентов — пятнадцать Поло, причем в ряде случаев фамилия Поло упоминается уже после отъезда венецианцев из Китая. Таким образом, вопрос о роли Марко Поло в событиях 1282 г. до сих пор не разрешен.

Господин Марко Поло едет губернаторствовать

¹ Баоин, у Марко Поло Пошин. Город в провинции Цзянсу, в области Янчжоу-фу, которой управлял Марко Поло. Город расположен между озерами Баоин и Дацзун на берегу Великого Канала.

² Гао-ючжоу, у Марко Поло Кайю. Город в провинции Цзянсу в области Янчжоу. Расположен на южном берегу Баоин на Великом Канале. Гао-ючжоу, быть может, больше других городов Китая страдал от наводнений и разливов рек.

³ Тайчжоу, у Марко Поло Тигуй. Город в провинции Цзянсу, в области Янчжоу. В эпоху Марко Поло через Тайчжоу проходил транзит соли, добывавшейся к востоку от Тайчжоу. В настоящее время большая часть Тайчжоу лежит в развалинах.

⁴ Имеется в виду упоминаемый у Марко Поло Пулисаничи, или Пулисанигин — персидское Пулисенгин («каменный мост»). Мост через Хунь-Хэ, приток реки Бэй-Хэ, недалеко от нынешнего Бейпина. Китайское название моста — Цзюлюцзяо. Строительство этого моста было начато в 1189 г. н. эры.

⁵ Ян-Гуй — Янчжоу-фу — в нынешней провинции Цзянсу (ныне называется Цзянду). Сюда при Кубилае было перенесено из Ханьчжоу местопребывание провинциальных властей. Марко Поло пишет о Янчжоу-фу: «Большой город, могущественный, двадцать семь больших прекрасных торговых городов ему подвластны. Один из двенадцати князей великого хана сидит в этом городе. Выбран он, как один из двенадцати стольных городов. Господин Марко Поло, тот самый, о котором говорится в этой книге, три года управлял этим городом» (гл. СXLIV). По мнению Шариньон, Марко Поло управлял Янчжоу-фу с 1286 г. по 1289 г. Из вышеприведенной цитаты не следует заключать, что Марко Поло причисляет себя к «двенадцати князьям великого хана». Надо думать, что он управлял Янчжоу-фу, не имея титула вице-короля.

*Господин губернатор Марко Поло скучает
Скучает также великий Кубилай*

¹ Мян — правильное Мянъ. Китайское название нынешней Верхней Бирмы. По данным китайских летописей, еще в 805 г. н. эры новый властитель Верхней Бирмы получил утверждение от императора Танской династии. В дальнейшем неоднократно отмечалось поступление дани из Верхней Бирмы.

² Тагун. Столица Бирмы. По мнению Юла, Тагун надо отождествить с городом Старый Паган, расположенным в верхнем течении Ирравади под 23°28' северной широты.

³ На ян. Племянник Кубилая. Владения Наяна находились в районе Шилки, Аргуни и Амура. Восстание Наяна началось в мае 1287 г., в августе Наян был разбит в сражении, происходившем в юго-восточной Монголии, бежал в нынешнюю Манчжурию, но был взят в плен и казнен.

Земля горит в Китае, и торговый дом Поло думает об отъезде

¹ Хайду. Внук Угедея. Его владения были расположены в Северной Монголии, столицей его был Алмалык (на реке Или). Хайду все время возглавлял борьбу монгольских князей против Кубилая. В 1261 г. он поддерживал претензии брата Кубилая Арикубуги. В 1269 г. его признали своей главой все монгольские князья Средней Азии. В 1287 г. он вдохновлял восстание Наяна. Перед своей смертью Хайду организовал в 1307 г. новое восстание сорока монгольских князей, на этот раз против преемника Кубилая. В битве между Каракорумом и долиной Тарима он был разбит и умер во время бегства.

Об отъезде и больших кораблях

¹ Одно из принятых тогда наименований римского папы.

² В версии Рамузио сказано: «Корабли нагружаются пятью или шестью тысячами мешков перца».

Страны драгоценных деревьев

¹ Ч и а м б а, или Ч и а н б а — переделка китайского Чан-Бо. Так назывались у китайцев со времени династии Тан (с 618 до 907 г. н. эры) часть нынешней Кохинхины между нынешними городами Натран и Биндин. Во время династии Старшей Хань (206 г. до н. эры — 25 г. н. эры) эта область называлась «областью Слоновых Лесов». Чан-Бо в течение ряда веков имел оживленные торговые и дипломатические сношения с Китаем. В 1278 г. монгольская армия под предводительством Сугату вторглась в страну Чан-Бо и принудила местного властителя Синхапала признать верховное владычество Кубилая. В 1282 г. в Чан-Бо началось восстание против монголов, которые ответили посылкой карательной экспедиции. В 1284 г. Синхапала предложил заключить мир, соглашаясь на прежних условиях подчиниться Кубилаю, но его предложения были

признаны неудовлетворительными, и война продолжалась. Марко Поло, очевидно, посетил эту страну во время одного из монгольских походов туда.

² Бинтанг, у Марко Поло Понтен или Пинтам. Один из островов, расположенных между Малаккой и Суматрой, недалеко от нынешнего Сингапура.

³ М а л а я Я в а — остров С у м а т р а. Еще арабские авторы называли Суматру Малой Явой. В течение ряда столетий китайские мореплаватели, купцы и дипломаты посещали Яву, Суматру и Малакку и вели здесь оживленную торговлю. Позднее китайская династия Мин получала дань от различных государств, расположенных на Суматре.

О Цейлоне и об индусском берегу

¹ Мыс К о м о р и н, у Марко Поло К о м а р и. Самый южный мыс полуострова Индостан.

² Остров Цейлон был известен еще древним грекам под именем Тарпобаны, а китайцам под именем Силань. Упомянутый у Марко Поло царь, несомненно, Пандита Пракома Баху II, царствовавший с 1267 по 1301 г. н. эры. Столица его Дамбадена была расположена на расстоянии 65 км к северо-востоку от нынешнего Коломбо. Во время посещения Цейлона Марко Поло северная часть острова была занята вторгнувшимися из Индостана тамилами, и туземцы сенегалезы удерживали лишь южную половину острова. Целый ряд средневековых авторов упоминает о драгоценном рубине цейлонских владык. Так, о нем пишет Козьма Индикоплов в начале VI в., царь Малой Армении, Гайтон, — в XIII в. и Одорик — в XIV в., хотя Одорик пишет, что рубин этот находился на Никобарских островах. Позднее (при Минской династии) Китай получал дань от владетелей острова Цейлона.

³ М а л а б а р с к о е ц а р с т в о, у Марко Поло «область Маабар» — точная транскрипция арабского «Маабара» («место переправы») — Малабарское (западное) побережье Индостана. Китайские суда во времена монголов неоднократно посещали Малабарское побережье. При династии Мин государи Малабарского побережья платили Китаю дань.

⁴ Г у д ж е р а т, у Марко Поло Г о з у р а т. Полуостров и

прилегающая к нему область в северо-западной Индии, между заливами Кач и Камбай.

Корабли заблудились

¹ *Занзибар*, у Марко Поло *Зангибар*—более правильная передача арабского названия *Зангибар*, или *Занджибар*, впоследствии искаженного португальцами. Группа островов кораллового происхождения, расположенных недалеко от нынешних Танганайки и Кении. Состоит из островов *Занзибар*, *Пемба* и *Мафия* и многочисленных мелких островов и рифов. Во времена Марко Поло словом «*Зангибар*» называлась не только эта группа островов, но и близлежащий берег Африки. Еще до Марко Поло этот район был известен китайцам, называвшим его *Цан-сы*, или *Цин-су*.

² *Остров Сокотра*, у Марко Поло *Скотра*, *Скатра*, *Скорра*. Остров в Индийском океане у входа в Аденский залив против мыса *Гвардафуй*. Ряд арабских авторов (*Массуди*, *Ибн-Батута*) говорит о христианах-пиратах, населявших этот остров. Следы христианства сохранились на острове *Сокотра* еще во времена *Франциска Ксаверия*, в XVI в.

³ *Аден*. Всегда был важным транзитным пунктом. Он был известен римлянам и китайцам. Ряд ученых, в том числе и *Юл*, полагает, что Марко Поло смешал *Аден* с *Аделем*—местностью между *Абиссинией* и морем, на месте нынешней итальянской *Эритреи*.

⁴ *Абиссиния*, у Марко Поло *Абасия*, от старинного названия *Абиссинии*—*Хабеш*. Во времена Марко Поло *Абиссиния* была раздроблена на ряд мелких государств.

Персидские дела и войны

¹ *Абага*, или *Абака*. Монгольский государь Персии. Сын *Хулагу* и племянник *Кубилая*. Правил с 1265 по 1282 г.

² *Борак*. Правнук *Джагатая*. В 1270 г. вторгся в Персию, но был разбит *Абагой* в окрестностях *Герата*.

³ *Тагудар-Ахмед*. Брат и преемник *Абаги*, сын *Хулагу* (1282—1284).

Купцы вручают принцесс Казану

¹ Гай-Хату, у Марко Поло Киахату. Брат Абаги, дядя Аргона. После смерти Аргона стал ханом персидских монголов. Правил с 1291 по 1295 г. В 1295 г. против него началось восстание. Восставшие, во главе которых находился дядя Гай-Хату — Байду, взяли Гай-Хату в плен и задушили.

² Отвозя по поручению Кубилая принцессу в Персию, Поло направились из Зайтуна в Аннам и Суматру через Малаккский пролив, посетили Никобарские и Андаманские острова, Цейлон, Малабарское побережье Индии, Мадагаскар, Занзибар, о-в Сокотру, нынешнее Сомали, и через Аравийские порты Шехр и Дзафар прибыли к цели путешествия в Ормуз (Бендер-Аббас в Персидском заливе).

Весь путь от Китая до Персидского залива был хорошо знаком китайским морякам. Китайские суда неоднократно посещали Суматру, Яву, Цейлон, побережье Индии, Мадагаскар, Занзибар, Аден и порты Персидского залива. В китайских летописях часто встречается упоминание об этих пунктах, многие из государств, расположенных на побережье Индийского океана, платили Кубилаю дань.

Исполнив поручение хана, Поло, через Багдад и Тавриз, достигли Трапезунда и через Константинополь прибыли в 1295 г. в Венецию.

К. К.

ДОКУМЕНТАЦИЯ

ВВЕДЕНИЕ

*Марко Поло рассказывает о вещах, которые его очень интересуют.**

Об асбесте

«Есть там же жила, откуда добывают саламандру. Саламандра, знайте, не зверь, как говорят, а вот это что: сказать по правде, никакой зверь, никакое животное по природе своей не может жить в огне, потому что всякое животное из четырех элементов. Люди не знали, наверно, что такое саламандра, и стали говорить, что саламандра — животное, и теперь говорят то же. Это неправда, и вот почему: был у меня приятель, звали его Зюрфикаром, очень умный турок; три года прожил он в этой области по приказу великого хана; добывал там саламандру, сталь, ондашик для великого хана. Править этой областью и добывать там саламандру великий хан отправляет всегда на три года. Приятель мой рассказал мне то дело, и я сам его видел. Когда в горе докопаются до той жилы, о которой вы слышали, наломают (из нея кусков), разотрут их, и они разметливаются как бы в шерстяные нитки; потом их сушат, потом толкут в большой медной ступе, моют, и остаются те нитки, о которых я говорил, а землю выбрасывают, как ненужную. Нитки словно шерстяные, их прядут и ткут из них полотно, а полотно, скажу вам, как соткут его, вовсе не бело; кладут его потом в огонь, и во малом времени становится оно бело, как снег; а покажется на полотне пятнышко или оно как-нибудь запачкается, так кладут его в огонь, подержат немного, и становится оно опять бело, как снег.

Все, что рассказал о саламандре — то правда, а иное, что рассказывают — то ложь и выдумка». («Путешествие Марко Поло», перевод Минаева, гл. LX).

* Документация к введению (стр. 324—327) составлена К. И. Куниньм.

Глава III. «Здесь описывается, как камни словно дрова горят»

«По всей области Китай есть черные камни; выкапывают их в горах, как руду, и горят они, как дрова. Огонь от них сильнее, нежели от дров. Если вечером, скажу вам, развести хорошенько огонь, он продержится во всю ночь, до утра. Жгут эти камни, знайте, по всей области Китай. Дров у них много, но жгут они камни, потому что и дешевле, да и дерева сберегаются» (там же).

Вот, что он пишет о виденной им на Суматре *саговой пальме*:

«Вот еще о какой диковине нужно упомянуть: в этом царстве есть мука из дерев. Добывают ее вот как: есть тут особенные, большие и толстые деревья, и полны они муки. Кора у них тонкая, а внутри одна мука; из нее они делают вкусное тесто. Если удалить первую кору, тонкую, доходишь до древесины, толщиной в три дюйма, а сердцевина вся наполнена мукой, как у *Carvolo* (непонятное венецианское слово). Деревья так толсты, что их могут обхватить только два человека. Жители кладут ту муку в кадки, наполненные водой, и мешают воду палкой; тогда отруби и прочие нечистоты всплывают на поверхность, а чистая мука спускается на дно. Потом воду выливают, а чистую муку берут и делают из нее печенье и разного рода пирожки. Господин Марко много раз ел их и привез с собою в Венецию; они по виду и по вкусу походят на ячменный хлеб. Древесина того дерева походит на железо, так как, если ее бросить в воду, она тотчас идет ко дну. Ее можно расколоть с одного конца до другого, как тростник; после удаления муки толщина древесины, как было сказано, три дюйма; из нее этот народ делает короткие копья; длинных никто не мог бы носить или пользоваться ими, так как они были бы слишком тяжелы. С одного конца они заострены, обожжены и так приспособлены, что могут пробить всякую броню, гораздо лучше, чем если бы были сделаны из железа». («Путешествие Марко Поло», перевод Минаева, гл. LXX).

О яке

«Есть тут дикие быки со слона, на вид очень красивые. Шерсть у них повсюду, только не на спине; бывают черные и белые, а шерсть у них длинная, пяди в три, а волосы или шерсть тончайшая и белая, и тоньше и более шелка. Марко

доставил ее в Венецию, как диковину; за такуюю она и почиталась всеми, кто ее видел. Любо смотреть, так они хороши! Есть и ручные; ловят диких и пускают их на племя, и наплодилось их много; на них и выюки возят и пашут, они и сильны, и работают вдвое» (там же, гл. LXXII).

О бразильском дереве

«В царстве Ланбри свой царь; он говорит, что подвластен великому хану. Живут тут идолопоклонники. Много здесь бразильского дерева, камфары и всяких дорогих пряностей. Бразильское дерево, скажу вам, они сеют, а как покажется росток, они его вырывают и сажают в другое место, где и оставляют на три года, а потом вырывают со всеми корнями. Семена эти, скажу вам по истинной правде, привезли мы в Венецию и посеяли их, да от холоду ничего не родилось. Расскажу вам еще вот о какой диковине: в этом царстве, по истинной правде, есть люди с немехнатыми хвостами, длиною в пядень. Их тут много, живут они в горах, а не в городах. Хвост у них толстый, как собачий. Много тут единорогов и всякой дичины, звериной и птичьей» (там же, гл. CLXIX).

Об охоте на льва

«Львов тут так много, что никто не отваживается спать ночью не в доме, оттого что львы его с'едят. Скажу вам еще, когда кто плывет по реке и на ночь остановится, да заснет не очень далеко от берега, так лев добирается до лодки, схватит человека, убежит, да и сожрет его. Беречься от львов тут умеют, а львы тут очень большие и страшные. Вот какое диво: есть тут смелые собаки, на льва бросаются; нужно только двух собак — и один человек с ними осилит льва, и вот как: едет по дороге человек, у него и лук и стрелы, да две большие собаки; попадется лев, собаки смелые и сильные, заведят льва и бегут на него смело, а он от них; как только лев повернется, собаки за ним и кусают его и за ляжки и по всему телу; обернется лев гордо, а поймать собак не может, умеют они увертываться. И что же вам сказать? Начинает льву надоедать собачье кусанье, пускается он бежать, ищет дерева, на что бы опереться и повернуться мордой к собакам. Бежит лев, а собаки за ним, да все кусают его сзади, и на-

чинает он вертеться туда и сюда. Как увидит это человек, хватается за лук и пускает в льва одну стрелу, другую и больше, до тех пор, пока лев не падет замертво. И вот так-то убивают они много львов. С одним всадником да двумя собаками льву не справиться» (там же, гл. СXXX).

О живой речи Марко Поло

«Пришли они в Солдайю и решили идти дальше. И что же? Вышли из города и пустились в путь»... (гл. III).

«Что вам еще сказать? Простились три посла с Кокаду и пустились в дорогу»... (гл. XIX).

«Расскажу вам теперь о другом»... (гл. XXXVII).

«Оставим это и расскажем о том, что впереди»... (гл. XI).

«Через сорок дней начинается область, а какая — услышите»... (XII).

«Что вам еще сказать? Стали два князя, Няян и Кайду, готовиться к походу»... (XXVII).

«Рассказал все, что вы слышали, опишу вам теперь, какое множество отличных собак держит великий хан»... (гл. II).

«Оставим эту страну и толком да по порядку расскажем о других. Извольте послушать»... (гл. CXIII).

«Опишем вам область Каражан. Послушайте»... (гл. XVIII):

«Рассказал вам славную повесть. Когда говорили о Цейлоне, так забыли о ней. Послушайте ее, чудесной она вам покажется»... (гл. CLXXVII).

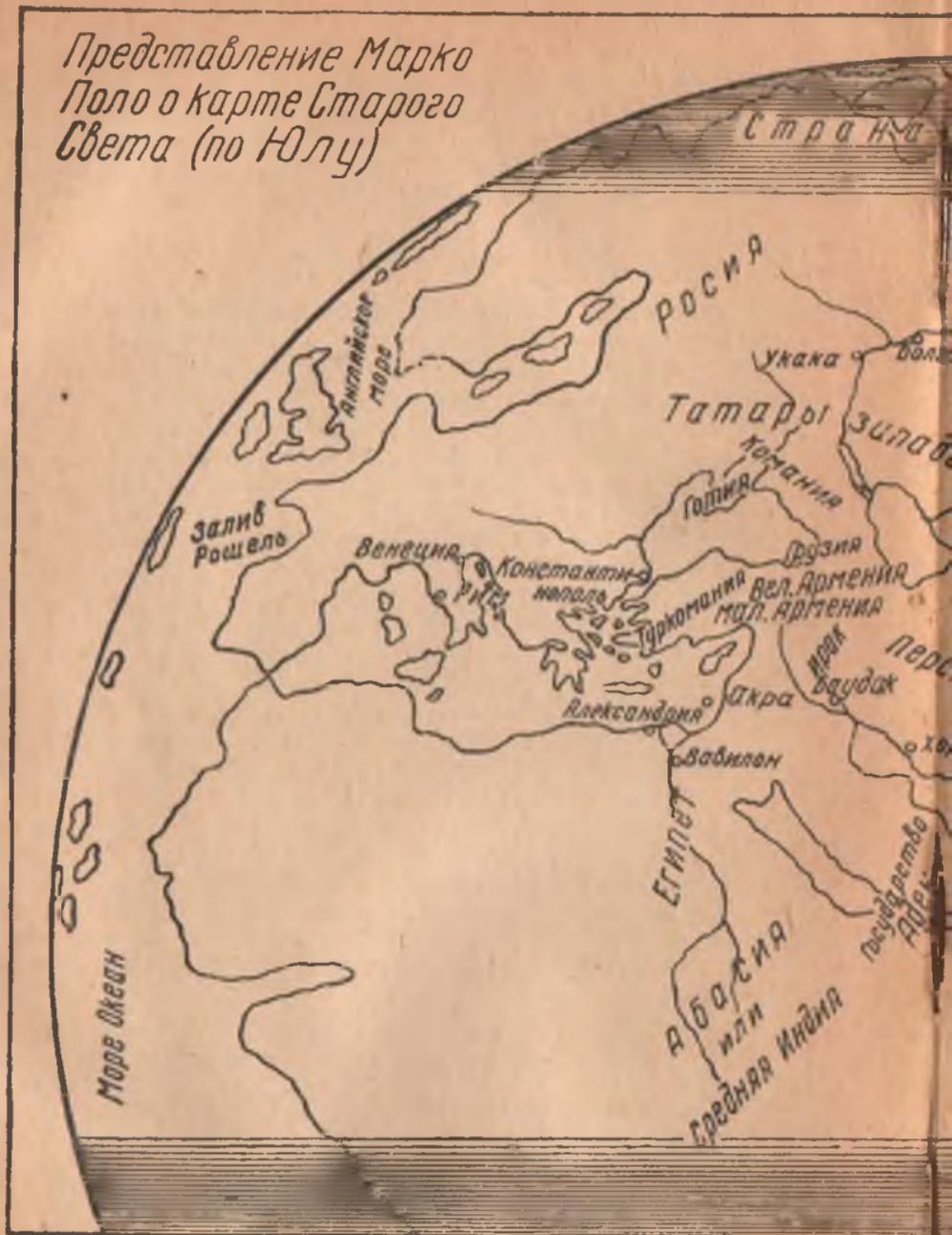
Очень показателен «рассказ» Марко Поло о Константинополе:

«Оставим это и расскажем о большом море. Много тут было, по правде, купцов и других людей, а еще больше людей не знают этой страны, для них-то и следует ее описать, что мы и сделаем; первое начнем с начала, с Константинопольских проливов.

При входе в Великое море с западной стороны есть гора Фар. Начали мы о Великом море, да и раздумали писать о нем, много людей хорошо знают это, поэтому-то оставим его и расскажем о западных татарах»... (гл. CCXVIII — CCXIX).

В главе CLXX Марко Поло обещал рассказать «об очень маленьком острове Гавенисполе», но этого рассказа нет. Автор забыл о своем обещании. Забыл он вернуться к обещанному рассказу о гигантской птице острова Мадагаскар — эпюрнисе.

Представление Марко Поло о карте Старого Света (по Юлу)

Т в м 61

Владения
Канчи

Баргу

Чорча гаоли

° Паракорум
Камул

Великая
Турция

° Бухара

Катай

° Камбалук

Чипангу

° Балк

Памир

Тибет

° Кюань

° Линсайтон

° Зайтон

МАНЗИ

Великая
Индия

° Каражан
° Зардандан
° МАН

° море ЧИН

Вен-Гала
Малая Индия

° Золотное
° Чанго

° Мужский
° Женский

° Гудурат

° сандур
° Кондоо

° астров
° проклаваш
° аротат

° Сокоатра

° Койкон

° о-ва
° Анасган

° Лолан

° о-ва
° Пентал
° Вал. Ява

° Сейлан

° о-ва
° Некуберам

° о-ва
° Ява

° 12

° 12

° островов
° 12

° море океан

° 12

° 12

° 12

° 12

О ВЕНЕЦИИ ВРЕМЕН МАРКО ПОЛО И О ПРОШЛОМ ЭТОГО ГОРОДА

«Первая Венеция» — так называлось поселение на берегу Адриатики, т. е. на материке.

«Вторая Венеция» — наименование поселения на островах близ берега материка, возле Риальто.

С VI в идет борьба со славянскими пиратами. (Е. В. Тарле. «История Италии в средние века». Спб. 1906, гл. 6 — Венеция, стр. 147—148).

С XI в. венецианские купцы пользуются правом свободного входа во все византийские гавани. Венецианцы давали крестоносцам готовый флот за плату. После взятия Иерусалима венецианцы, генуэзцы и пизанцы заводят дела в палестинских портах.

Покорив и разделив Византию, венецианцы взяли Кандию и Морею. В 1251 г. выгодные договоры с султанами Сирии, Палестины, Туниса и Египта (1238) дают им право за 9—10 процентов пошлины свободно торговать в портах Средиземного моря и иметь на местах склады. На Балканском полуострове венецианцы оттеснили генуэзцев (1204—1261).

Генуэзцы за изгнание и помощь в борьбе с франками в Константинополе в 1261 г. получили от Михаила Палеолога Галату (Мольменти, стр. 151, 155—156).

Под хоругвью св. Марка каждый мог свободно путешествовать, не боясь пиратов. Даже иностранные принцы и граждане, для охраны товаров и своих интересов, с целью снискания покровительства Венеции, добивались прав ее гражданства. (Мольменти, стр. 150).

Первый известный случай основания банка — в Венеции в 1157 г. — «Монте», позднее «Банко дель джино» — в 1171 г. Он имел сношения со всем миром и к концу средних веков имел доход до 5 000 000 франков на современные деньги. Средний процент за пользование деньгами — 20 процентов.

Руководящая роль в банковом деле была у итальянских республик. Венеция достигла своего расцвета после четвертого крестового похода, когда крестоносцы, неожиданно уклонившись от пути, взяли Константинополь, где водворился подеста — наместник венецианцев. Венеция во главе со своим дожем, была виновницей перемены цели, захватила пространство от Геллеспонта до Крита с центром в Пере, куда думали даже одно время перевести дожа. Некото-

рые неудачи у Венеции были лишь во второй половине XIII в. Для нее характерна погоня за островами — рынками. Венеция насаждала у себя промышленность и строго хранила ее секреты. (А. К. Дживилегов. «Торговля на Западе в средние века». СПб, 1904, стр. 145 — 149).

Дживилегов пишет дальше, что в XIII в. в Венеции вырабатывались сукна, хлопчатобумажные ткани, полотно, оружие, кружева, кожаные изделия, шелковые материи и стеклянный товар. Венеция дорожила секретами ремесла; в ее законах были записаны угрозы убивать виновных в разглашении секретов и арестовывать их родных. В Италии и Германии тайно убивались венецианскими агентами бежавшие разгласители промышленных секретов. Ввоз шелковых материй был запрещен, кроме флорентийских и неаполитанских их сортов.

Очень был выгоден транзит. В Венеции были склады восточных пряностей, курений, лекарств и товаров со всей Италии, для которой она одна поставляла рафинад. Транзит — на Запад, особенно в Германию; транзит — на Восток — через Венецию, через Александрию. Шли из Индии, Китая и Аравии — материи, из Кипра — местный хлеб, хлопок, сахарный тростник, ароматы, медь. Из сирийских портов и византийских — восточные ткани. Из Черного и Азовского морей — меха, металлы. Из Магриба, в Африке, — хлеб, воск, шерсть, кожи.

Венеция вывозила в Мавританию и Египет мелкий металлический товар, бочки, деревянную посуду и особенно стеклянный товар. На Левант — продукцию западной промышленности. Всюду были конторы республики.

Дома были деревянные, покрытые соломой и дранкой; часто случались пожары. Особенно были ужасны два пожара 1105 г. При втором погибло 23 прихода, на которые делился город. В 1114 г. выгорел весь Риальто. Поэтому и запрещалось оставлять огонь после часа ночи.

Господские дома и дома для двора располагались отдельно, т. е. по римскому обычаю, согласно которому хозяйский дом окружался двумя подсобными домами. Каменные же дома строились на материке («терра ферма») и в частности в Лидо. Тот, кто первым ставил дом на островах, получал в собственность и весь участок, от него шли и названия местных улиц. К домам ставились столбы для причала. Когда правительство водворилось в Риальто, зажиточные люди стали возводить и каменные дома. Камень брали из каменоломен Вероны и

Истрии. В 1106 г. Пьетро Орсеоло построил дворец дождей. Позднее воздвигались дворцы знати, в XII и XIII вв. (Кверини на Риальто, Цено и Дандоло на «Угольном берегу», Джуниниани у церкви св. Моисея). Строились и башни (уже в IX в.). Были и башенные замки отдельных вельмож (Боямонте Тьеполо). У богачей дома были трехэтажные с широкими (отсюда «венецианские») окнами, с террасами, поддерживаемыми амурами. Но у остальных дома строились одинаковой высоты, с узкими окнами, острым сводом, крытые тесом, внутри конической формы. При многих домах была пристань для товара. Некоторые же стояли у самой воды. В середине дворика — колодец с подземным притоком воды. (Молменты, стр. 115 — 119).

Некоторое представление о нравах Венеции того времени могут дать географические названия местностей. В заливе Венецианском (Ионическом море) судно, на котором плыл Клавихо, прошло мимо острова Сетуль. У конца этого острова — рассказывает Клавихо — они прошли между тремя скалами, которые называются Тройка, Двойка и Туз (Рюи Гонзалес де Клавихо. «Дневник путешествия ко двору Тимура». 1403—1406, стр. 24).

Возрастающее благосостояние генуэзцев возбуждало зависть венецианцев. В 1293 г. Венеция посылает греческому императору Андронику Первому предложение приостановить расширение генуэзских владений в Пере и Галате при Константинополе. Андроник объявил нейтралитет, но запретил генуэзцам иметь морские силы в Константинопольском проливе, а венецианцы, подвергшиеся грабежу со стороны генуэзцев, опустошили Кафу, а за нею Перу и Галату. Однако в 1298 г. Венеция была вынуждена просить мира, по которому в конце XIII в. венецианцев заставили вознаградить все убытки по Анконе, Пере и Кафе и лишили их на 30 лет права входа в Черное море. Это было после поражения венецианского флота у острова Курцола. (Николай Мурзакевич. «История венецианских поселений в Крыму». 1837, стр. 20).

Для того, чтобы у города не появлялись соперники, мастеровые не имели права покидать родины.

Конопатчики не имели права самовольно отлучаться с верфей в другие страны на стройку судов без разрешения Сенъории. Зато никто не имел права строить внутри Венеции судов иных размеров, кроме как: длиной 56 футов в киле, шириной в палубе 24 фута, высотой не свыше 90 футов,

ширина в кузове — произвольно. Таким образом корабли были стандартизованы по одному образцу и потому легко обращались в военные суда. (Мольменти, стр. 79).

ВЕНЕЦИЯ

Наряду с крупным дворянством росла группа «читтадини». Это были зажиточные люди. «Читтадини» признавался юридически тот, кто имел родителей, прирожденных венецианцев и не занимался никаким физическим трудом. Их было два разряда: 1) «внутренние» (де интус — по латинской терминологии) и 2) «де интус эт экстра» — «внутренне-внешние». Первые имели право заниматься всеми искусствами лишь внутри города и иметь в нем должности. Вторые имели право плавать под сенью знамени св. Марка и вести торговлю во всех зарубежных портах, с преимуществами, предоставленными венецианцам. Этим путем они не были дворянами отринуты от власти.

«Читтадини» имели право не только на все, даже и лакомые, должности герцогской канцелярии и на высшие места в милиции, но и избирались для представительства от республики при второстепенных иностранных дворах с титулом резидента. Из них же был и великий канцлер Кандии (Крита), кастелян Крыма и многие другие представители недоступных всем должностей, а равно капитаны галер в военное время. Права на это звание «читтадинанца» приобретались лишь лицами, прожившими в Венеции не менее 25 лет. (Мольменти, стр. 46 и 47).

У немцев было подворье и склад «Фондако дей Тедески» с начала XIII в., с очень строгим правительственным надзором за торговлей.

Немцы получали товарами, а не деньгами, не имели права торговать в розницу и продавали только свои произведения.

В Фондако немецкие юноши приезжали учиться торговому делу с начала XIV в. Создалась практическая коммерческая академия.оборот с ними был до миллиона дукат. (Дживелегов, стр. 210—211).

Очень славились гонки лодок, устраиваемые со всем венецианским великолепием, для поддержания гребных качеств работников галер (упоминаются с 1300 г.) — в богородичные праздники, по декрету 1315 г.

Засвидетельствован еще бой быков, менее крошечный, чем в Испании, и турниры — очень любимые. Иногда проводились бо-

ка собаками. Турниры производились в присутствии дожа и всей Венеции, устраивались беседки, выносились щиты, знамена. Петрарка описывает такой турнир.

Состязания устраивались для повышения патриотизма, особенно, например, в 900 г. при победе над венграми и татарами. (Мольменти, стр. 67, 71).

Успехом пользовался также бой на кулачках с 1292 г. от сентября до рождества Христова, на мостах без перил, как в Новгороде, а также «геркулесовские упражнения» («форце д'Эрколи»), пирамида из людей (еще с XIII в.). Борцы восточного берега канала назывались «кастелляны» («замковые»), борцы западного берега — «никколотти» («кикольцы»). (Мольменти. «История Венеции», стр. 66).

Сравнительно хорошо в Венеции была поставлена медицина.

В Венеции у врачей («физиков») и хирургов были для посетителей особые лавки. Кроме них только цирульники для их ручных работ пользовались исключением и имели разрешение держать открытыми свои мастерские и в те часы, когда все остальные на Риальто были по закону закрыты. Венецианские «физики и хирурги» прославились своим искусством особенно с XIII и XIV вв., как например, Гвальтьери. Хирургия не вверялась цирульникам, как это допускалось, однако, в других местах, и по закону 1321 г. ни один медик и хирург не имел права на практику до прохождения испытания и получения правительственного свидетельства. С 1368 г. в Венеции открылась даже академия врачей, в которой они обязывались ежемесячно собираться для обсуждения сомнительных случаев в их практике. Врачи под присягой обязывались не затягивать искусственным образом болезнь пациентов и не быть в доле в продаже лекарственных средств. Пластыри и мази не могли стоить дороже 10 сольди и подвергались осмотру особых надзирателей, назначаемых судебной властью. (Мольменти, стр. 109—110).

О СОПЕРНИЧЕСТВЕ ВЕНЕЦИИ И ГЕНУИ

Восстановление Византийской империи в 1261 г. при императоре Михаиле Палеологе — результат торгового соперничества Венеции и Генуи, которая утвердилась на 50 лет на Востоке, отняв у Венеции Черное море.

Есть известия, что генуэзцы были в Китае в 1326 г. В Сирии и Египте генуэзцы не могли соперничать с Венецией.

Генуя также отправляла ежегодные эскадры с товарами за благовониями, восточными курениями, пряностями, воском сахаром.

В сравнении с Венецией Генуя работала преимущественно в западной половине Средиземного моря. Имела привилегии у мавров в Валенсии, Гренаде, Андалузии, где были генуэзские консулы в испанских городах. Южно-французские товары шли через Геную, а равно из юго-западной Германии, которой путь на Венецию был неудобен. Промышленность в Генуе была слабее венецианской, миланской и флорентийской.

Зато Генуя всему миру давала парчу и шелк из города Лукки.

Арбалеты генуэзские были первыми в мире и такими же считались генуэзские арбалетчики в любой армии. Позднее Генуя подчинилась Милану. (Дживелегов А. К. «Торговля на Западе в средние века». СПб. 1904, стр. 154—156).

Император Алексей позволил венецианцам беспошлинно торговать, где угодно (1082), и они устремились в земли, завоеванные крестоносцами.

Почти все население Венеции было связано с морским делом.

Ввоз и вывоз был под строгим учетом. Глашатаи объявляли на площади св. Марка или на Риальто, что ни один венецианец не имеет права покупать или продавать продукты и товары в известных странах под страхом штрафа или конфискации имущества. Особые суда охотились на Адриатике за кораблями, везущими запрещенные товары.

Так, например, в известный момент правительство запрещало продавать в Египте лес. (Мольменти, стр. 77—78).

Можно думать, что, по Ф. К. Бруну, крымские стражники из свиты генуэзского консула, тюркские оргузии, сближаются, по своему наименованию, с испанским «альгвазил», из арабского «аргузил» — «надзиратель над корабельными невольниками», что повидимому, дало русское «ярыга», «ярыжка» — низший полицейский. Татары передали эту должность в крымские генуэзские колонии. (Н. Д. Смирнов. «Крымское ханство», 1887).

Кафа была Генуей для Востока. Генуэзцы торговали с Италией, Средиземным морем, Францией и Испанией, Нидерландами, Англией, Шотландией, Ирландией, Данией, Швецией, Норвегией, Россией (Фряги — Карамзин, IV, 466, 357) А на

Востоке — с Архипелагом, Византией, Анатолией, Арменией, Персией, Дагестаном, Египтом, Марокко.

Достигнув Дагестана в 1266 г., генуэзцы спустились на Каспийское море на плоскодонных судах.

В 1374 г. житель Кафы Лука Тариго проплыл по Азовскому морю в Дон, перенес суда на людях в Волгу и грабил на Каспийском море плававшие суда. На обратном пути ограбили его же на Дону калмыки, часть же добра он довез. Успех его у населения был необычаен. На реке Кубани генуэзцы основали впоследствии крупный город Копу. (Н. Мурзакевич, стр. 18, 34, 45).

Венецианцы в XIII в. старались захватить преимущественно острова Архипелага более, чем иметь власть над внутренними областями прибрежных стран Средиземноморья, и усиленно боролись с морскими разбойниками из своей же среды.

Крит доставлял хлеб, мед, воск, сыр и знаменитое вино мальвазию, сахар, хлопок, ладан. Он находился во власти Венеции. (Эй д. «История торговли с Левантом в средние века». Лейпциг, 1885, т. I, стр. 273 и 279).

Начальник венецианского флота А. Дандоло после сражения покончил жизнь самоубийством. (См. Мольменти — сб. «Зарницы», 1914, стр. 81).

При Куликовом поле генуэзцы участвовали на стороне Мамаю 8 сентября 1380 г. «в несчастнейшей войне против русских», по их выражению. Мамаю было отказано в помощи по возвращении в Крым. (Н. Мурзакевич, указ. соч., стр. 46).

Страну, подвластную Генуэзской республике, составляет, так сказать, только берег вдоль по морю на полдень от Пьемонта и Монферрата. Сей берег идет около Превеликого залива, называвшегося в старину «mare Ligusticum». Он имеет в длину от востока на запад по меньшей мере пятьдесят верст, но с полудня на север не больше сорока или пятидесяти, а во многих местах и того меньше. По сей причине называется вся сия земля, лежащая только на берегах моря, Генуэзской рекой. («Всемирный путешественник» аббата де ля Порты. 1794, т. XXVII, стр. 338).

Итальянцы имеют пословицу, говоря о генуэзцах: «*Nomini senza fide, donne senza vergogna, mare senza perca*» («в мужчинах нет доброй веры, в женщинах стыда, в море рыб»). Последнее ложно: в Генуе едят прелестную рыбу и море ею наполне-

но. Может быть, и первые два также несправедливы. («Всемирный путешественник», т. XXXVII, СПб. 1794, стр. 334—335).

НАРОДЫ ПОКОРЕННЫЕ ТАТАРАМИ

Монах Карпини дал следующий список народов, покоренных татарами: «Китай, Найманы, Саланги, Каракитай, или черные Китай, Комана, Тутан, Войрат, Карониты, Гуйюр (уйгуры), Сумонгал, Меркиты, Мекриты, Саригуйюр, Баскарт, т. е. Великая Венгрия, Кертис, Касмир, Сарацены, Бисермины, Туркоманы, Билеры, т. е. Великая Булгария, Корола, Комуки (очевидно кумыки), Буритабет, Паросситы, Кассы, Якобиты, Аланы, или Ассы (осетины). Обезы (абхазцы), или Георгианы (грузины, которых Карпини ошибочно соединил с абхазцами). Несторианы, Армены, Кангиты, Команы, Брутахи, которые суть Иудеи, Мордвы, Турки, Хозары, Самогеды, Персы, Тарки, Малая Индия, или Эфиопия, Чиркасы (черкесы), Руфены (русские), Балдах, Сарты. Есть и еще много земель, но имена их мы не знаем. Мы видели даже мужчин и женщин почти из всех вышеназванных стран» (Плано де Карпини. «История монголов», 1911, стр. 35—36).

ОБ АРМЕНИИ И ТУРКМЕНИИ ВРЕМЕН МАРКО ПОЛО

Новое Армянское царство было основано Львом Вторым (1187—1219), который усиленно развивал торговые сношения со своими соседями, роздал многие замки в своей стране франкским баронам, тамплиерам, тевтонским рыцарям. Он владел южным берегом Малой Азии, удобным для мореплавания. Порты в старых картах имеют итальянские наименования.

Особенно славились — Лаяццо, Корикос и Тарс. Через Армению тогда проходило много караванов: из Сирии на Икокию и Константинополь. Из Аравии караваны шли через всю Армению. Здесь азиатские товары встречались с товарами Западной Европы, именно в портах и таможнях, напр., в Алеппо. Из Армении шел козий волос, который очень ценится. Массиза вывозила меха. Из руд Тавра везли преимущественно железо. Горный лес, изюм шли из внутренних областей. Также славились армянские кони и мулы. Киликия

была поделена между итальянскими купцами (с 1082 г.). Особенно энергично действовали генуэзцы, которые имели особые повсюду послов и представителей (с 1201 г.). Они были освобождены армянским царем Львом от таможенных сборов, на первых порах повсеместно.

Владения генуэзцев были размещены вдоль караванных путей.

Позже прибыл первый посол Венеции Якопо Бадоаро, уполномоченный от дожа Энрико Дандоло. Ему предоставили более ограниченные льготы (1201). Однако венецианцы развили торговлю, не уступавшую генуэзской, и связались с султанатом Иконийским. Торговое значение Армении пало с 1268 года в связи с неудачами крестоносцев. (В. Эйд. «История торговли с Левантом в средние века», т. I, стр. 365—371).

Очередное нашествие на Армению было в 1239 году. В Киликии основалось небольшое Армянское царство (1080—1375). При его разгроме армяне бежали в Крым, Польшу, Молдавию, Галицию, Астрахань. Законы армянских царей сохранялись в Львовской армянской колонии с разрешения польских королей. (Линч, т. I, стр. 431, гл. «Ани и Армянское средневековое царство», стр. 469 и след.).

Из прикладных искусств Армения более всего славилась ковровым производством... Остатки ковров найдены в раскопках Ани. Из предметов литейного дела — колокола и чеканные работы. Раскопки в Ани обнаруживают богатство керамики до наилучшего фаянса и фарфора до XIII—XIV вв. (Знаменитые раскопки академика Н. Я. Марра, частью опубликованные).

Туркмения — у Марко Поло «Туркомания» — означает у авторов Малую Азию с тогдашней столицей Конией, т. е. Иконией. Арабский путешественник Ибн-Батута называет турками туркоманов. Туркмены из Центральной Азии переселились в Малую Азию перед приходом турок сельджуков. Упоминаемые здесь ковры и шелка давно исчезли из местного производства (Юл, т. I, гл. II, стр. 44).

О СИРИИ И ПАЛЕСТИНЕ

Вот сведения об этих странах, на которые тогда наступали монголы; странами этими в тот момент владели арабы. А господы Поло, возможно, посетили их в качестве монгольских шпионов. Вот что они могли видеть.

Сирия — имя, данное греками стране, лежащей вокруг Тира («Сур»), у арабов же Аш Шам, т. е. левая — «северная сторона»; подразумевается левая для молящегося на восток человека. Арабский историк Мукаддаси объясняет так, что, мол, эта левая сторона от Ка'абы. Он же говорит о Сирии, как о прекрасной стране с приятным умеренным климатом. В южной Сирии много плодов, пальм; она несравненна по фигам, оливковому маслу, белому хлебу; торгует также виноградом айнуми и дури, замечательны розовые насаждения у Иерусалима, мятная трава, финик, орехи, сидонские яблоки, индиго, апельсины, мандрагора, миндаль, спаржа, бананы, сумах, кабачки, ранние сливы, сотовый мед, буйволово молоко, латук и знаменитый тариак, фирикон-фармакон у греков («звериное лекарство»), средство против ядовитых укусов. (Г и л е С т р е н д ж. «Палестина при мусульманах», 1890, стр. 14).

В Иерусалиме рынки чистые, торгуют крупным виноградом, множество здесь всяческих ученых, круглый год улицы полны иностранцами разных исповеданий. Климат хороший, умеренный. Здесь можно достать самые различные фрукты.

Зато очень дороги гостиницы и бани. Город охраняется многочисленной стражей. Преобладают евреи и христиане.

Ночью, по описанию арабских историков, падает сильная роса, особенно если дует южный ветер, и капли ее стекают к мечети Акса. Иерусалим — в котловане: арабы в долинах строили города, ради близости к рекам. Страна прекрасно обработана, обильные оросительные сооружения. В самом Иерусалиме, кроме дождя, своей воды не было. Именно с этих времен были воздвигнуты стены и железные ворота. Жителей было до 20 000 человек. Каждый цех ремесленников имел свой особый базар. (Г и л е С т р е н д ж, стр. 85—87).

По берегу Палестины стояли сторожевые крепости. Здесь греки обменивали пленных. За выкуп давали: трех за сто динариев. Приставая к берегу, греки трубят в рог, днем разводят дым на носу, а ночью зажигают огонь, ожидая ответных огней с берега, на котором местные жители созывают окрестное население трубами для производства обмена пленными. (Г и л е С т р е н д ж. 1890, стр. 23—24).

При арабах имели обращение монеты динар и диран (драхма). В этих знаках годичный доход равнялся около двух миллионов стерлингов от одних налогов — в XIV веке. (Г и л е С т р е н д ж, стр. 44).

О ДЕРБЕНТЕ — КАЛУГЕ

Железные Ворота (у Дербента) — они же Сорматские ворота у Птолея и Клаустра Каспиорум — у Тацита, у арабских географов — Баб-Уль-Абвах («Ворота ворот»), у турок — Демир-Капи. Вал известен как идущий от Дербентского замка под именем Садд-и-Искандер (Александров вал), идет по гребням гор и порой спускается в долины. Следы его еще сохранились во многих местах и вдали от Дербента. Первым из европейцев описал его Вениамин Тудельский.

По Дюбуа де Монпере, среди знаменитых мест этого вала значатся: Дарьяльская ущелье на северо-востоке от Казбека, местность у реки Асай, близ Вапила, на реке Кизил, между Лач и Хияк, у реки Арредон и у Гагр. Часто упоминается и у Вамбери. В начале, у Дербента, это двойной вал, дальше одинарный. Весьма извилист, так как следует за изгибами гор. По Эйхвальду, имеются другие Железные Ворота, к югу от Шарсапса. Железные Ворота назывались и именем Калуга, что по-монгольски означает «застава», «барьер». Юл приводит начало русской песни «Ай-дербень—дербень Калуга».

КУЛЬТУРА КИТАЯ В ЭПОХУ КУБИЛАЯ

Кубилай восстановил в 1269 г. императорский коллегий в своей столице Тайду, вблизи нынешнего Бейпина. Вначале скромный коллегий в 1271 г. принимал детей придворных и монгольских офицеров армии. В нем было поровну по шестидесяти человек монголов и китайцев (1287). Изучали историков, четыре книги морали, национальное право. Был создан второй коллегий — по изучению монгольского языка, с таким же составом учащихся и учащихся. Третий коллегий был для мусульман.

Экзамены заключались в комментировании литературных текстов поэтов и историков. Составлялось сочинение на 500 иероглифов. Для докторского экзамена повышались размеры сочинения. В 1315 г. император председательствовал на докторском конкурсе лично. Конкурсы происходили раз через три года. Вследствие борьбы «министерства церемоний» и «министерства назначения на должности» конкурсы иногда приостанавливались. Самые первые конкуренты составляли императорские указы. (Б и о, стр. 412 и 416).

ОБ АСТРОЛОГАХ ГОРОДА КАНБАЛУ

Альманахи (календари) издавались самим китайским правительством.

Издатель Потье сообщает интересные подробности из китайской летописи Юань. Там указывается, что в 1328 г. было отпечатано в Китае 3 123 185 экземпляров астрологического альманаха разных размеров и цены, не считая особого альманаха для магометан.

Принимая такой императорский альманах, иностранный принц признавал свои вассальные отношения к императору.

Различалось простое и роскошное издание альманаха. Первое стоило один цэн, второе один лян, или таэль (серебряный), но в бумажных знаках. Более полное издание, «годовой календарь», называлось «порядок дней» (лижи), а позднее ши-хунь-шу («книга непрерывного согласия с небесами»). «Годичный календарь» давал: 1) циклические знаки текущего года, месяцев и всех дней, 2) «долгие и краткие месяцы» и «вставные» месяцы, 3) обозначение каждого дня по пяти элементам, 28 созвездиям и 12 счастливым предзнаменованиям, 4) день и час новолуния, полнолуния и двух полугодий, 5) день и час позиции солнца в 24 знаках Зодиака, рассчитанных как для разных столиц Китая, так и для Манчжурии, Монголии и подвластных королевств, 6) час восхода и захода солнца и длину дня и ночи для главнейших дней в различных столицах, 7) различные предуказания о благоприятных и неблагоприятных днях совершения таких-то и таких-то дел. Все это было введено при династии Юань.

Не только в Ханбалыке, но и в Нанкине были институты по подготовке китайских математиков, замечательные по обширности своих зданий и по многочисленности наставников. Только они и занимались составлением альманахов по правилам исчисления, унаследованным от древних. И когда оказывалось, что события не совпадали с их расчетами, они уверяли, что исчисленное ими было правильным, но что отклонение в движении звезд было предуказанием небес чему-либо счастливому для земли. Это они делали, как пишут старинные путешественники, для сокрытия своих выдумок.

Обсерватория была построена в Пекине на большом холме без стен. Наверху была устроена обширная терраса, предназначенная для астрономических наблюдений и окруженная роскошными зданиями для китайских ученых. Наблюдательные инструменты были из металла (Ю л, т. I, стр. 451).

Путешественник Маттео Риччи (1599) говорит: «Мы никогда ничего не видели и не читали подобного в Европе. Ведь уже 250 лет стоят они здесь под дождем и снегом и другими неблагоприятными переменами погоды и нисколько не повредились в своем действии».

Было четыре инструмента: 1) небесный бронзовый глобус трех футов в диаметре, с меридианами и параллелями. «Три человека едва ли смогли бы взять его в обхват»; 2) «сфера» Зодиака в шесть футов в диаметре с горизонтом и полюсами, с делением на 360° . Каждый градус делился на 60 минут поперечными линиями и минуты на деления по 10 секунд в каждом. Это была длинная труба, которая могла свободно вращаться и наводиться на любую звезду на небе; 3) гномон — вдвое крупнее предшествующего инструмента, на мраморном основании, на северном конце террасы; 4) самый большой по размерам из всех их — астролябия.

Эти и прочие инструменты были замечены в 1700 г. прибывшими иезуитами, которые не могли ими пользоваться, так как они были приурочены к иной астрономической системе, установленной астрономом хана Кубилая — Го-Шоугин.

В современных европейских астрономических работах до сих пор еще используются китайские данные, например, о кометах, ср. английскую работу И. Вильямса: «Наблюдения над кометами... извлеченные из китайских летописей». Лондон, 1871.

В китайской работе Лу Цин-Ту-Као «Пояснения и исследования к шести классикам» дано описание такой же Сферы.

«Этот древний инструмент, повидимому, тот же, что и выгравированный у издателя Потье, автора работы «Древний Китай» на французском языке, под заголовком «Сфера императора Шуня» (2255 г. до н. эры).

При монгольской династии был еще некий астроном Елюй-чудай, спутник Чингиз-хана в его походах, посетивший астрономов тогдашнего Самарканда (Юл, т. I, стр. 451).

Кубилай имел комитет медиков и комитет астрономов. Труды вторых были изданы в одиннадцатую луну 1280 года. В комитеты Кубилая попадали по экзамену по анатомии.

Рядом с астрономами существовали кудесники погоды (подтверждает и Юл, т. I, 340). Имя их «яда», а также «яда-таш». Волхование погоды играет большую роль в первобытных религиях (сравни водоискателей).

В XII столетии из 76 чинов «небесной башни», т. е. придворной обсерватории, было 50 китайцев. Кандидаты принимались от 15 до 30 лет отроду. Экзаменовались по календарю, правилам волхвования, законам движения пяти планет и по географии.

ПОРОХ И ОРУЖИЕ У КИТАЙЦЕВ

Возможно, что в это время китайцам известен был порох и его употребление. Доктор Шлегель (журн. «Тун-Бао», I, 1902) в статье «Об изобретении и применении огнестрельного оружия и пороха в Китае до прибытия туда европейцев» пишет: «Несмотря на то, что различными европейскими авторами говорилось против возможности применения пороха и огнестрельного оружия в старинном Китае, я утверждаю, что монголы не только имели в 1293 г. артиллерию, но что были знакомы с пушками уже в 1232 г.». Среди многих примеров и свидетельств его приведем одно, взятое из книги династии Мин: «То, что в древности называлось Пао, было не что иное, как машины для метания камней. В начале правления монгольской династии, а именно в 1260 г. н. эры, Пао (катапульта) применялась в западных областях Китая. В осаду 1233 г. города Циней впервые использована в этих катапультах сила огня, но искусство пользования ими надолго не сохранилось». (Ю л, т. I, стр. 342, прим. VI).

О СМЕРТИ МАРКО ПОЛО

Неизвестно точно, когда умер Марко Поло.

«Мы не знаем, как долго прожил Марко Поло после составления этого завещания, но из разных документов, начиная с июня следующего 1325 г., узнаем, что он к тому времени уже скончался.

Он был похоронен, согласно своему желанию, в церкви св. Лаврентия (Сан-Лоренцо). Это же подтверждает Сансовино в своем смутном сообщении о Марко Поло. Саркофаг же его отца Никколо, воздвигнутый стараниями сына, существовал еще в конце XVI столетия в портике, или коридоре, ведущем в старую церковь Сан-Лоренцо, с латинской надписью: «Место погребения Никколо Поло из прихода св. Иоанна Златоуста». (Ю л, т. I, стр. 75).

О ТОМ, ПОЧЕМУ КНИГА ИТАЛЬЯНЦА МАРКО ПОЛО БЫЛА НАПИСАНА НА СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Старофранцузский язык в то время имел такое же международное значение, как и в наши дни современный французский язык. На нем говорили и при английском дворе, и им пользовались и английские короли и писатели (стр. 86—87), переводчики романов Круглого Стола при короле Генрихе III. В 1249 г. Александр III, шотландский король, говорит по-латыни и по-старофранцузски. В 1291 г. английский канцлер обращается к шотландскому парламенту на старофранцузском же языке. Оксфордский университет пользовался им же в обыденной жизни студентов, наравне с латынью (1328 г.). В Италии Франциск Ассизский, по словам его биографов, с юности искусно владел французской речью. В той же Италии Брунетто Латини, наставник Данте, писал свои произведения на этом языке и оправдывал сам это обыкновение красотой его и распространенностью. Этот же язык был языком крестовых походов, на которых встречалась вся Европа, и языком дворов крестоносцев, основавших в Сирии, Палестине и других странах Востока (остров Кипр, Морея) свои новые государства.

Каталонский хронист Рамон де Мунтанер пишет, что в его время «Морейское рыцарство (Пелопоннес) говорило по-французски так же хорошо, как говорят в Париже». По словам тогдашнего английского путешественника, сэра Джона Маунд-виля, султан Египта и четверо его главных приближенных «говорили по-французски совсем правильно» (Ю л, т. I, стр. 86).

О КНИГОПЕЧАТАНИИ И О ЗАСЛУГАХ МАРКО ПОЛО

Многие авторы приписывали Марко Поло различные заслуги по приобретению культурных заимствований для Европы. О компасе и порохе ничего нельзя сказать точного. Но есть следующее замечательное свидетельство, приводимое Р. Керзоном, ср. «Филобиблион сосайти» (1854), 6 и следующие страницы.

«В начале XVI столетия некий Панфило Кастальди из г. Фельтра был приглашен на службу Сеньорией, или правительством Венеции, для снятия копий с документов и различных общественных бумаг, причем начальные буквы в тексте были обычно разукрашены красными чернилами и рас-

цвечены золотом и красками. Согласно Сансовино, некоторые печатные знаки были к тому времени изобретены Пиетро ди Натали, епископом Аквилейским, и они изготовлялись в Мурано из стекла и применялись для печатания оттисков крупных заглавных букв в общественных документах, каковые затем зарисовывались от руки. Панфило Кастальди усовершенствовал эти стеклянные буквы, изготовив другие буквы из металла или дерева, так как он увидел такие же китайские книги, которые знаменитый Марко Поло привез из Китая, где полный текст был отпечатан деревянными знаками; он же побудил сделать разборные деревянные знаки, каждый из которых имел отдельную букву; и так ими он печатал несколько афиш и отдельных листов в Венеции в 1426 г. Говорят, некоторые из них хранятся в архивах в Фельтре.

По преданию, Иоганн Фауст из Майнца был знаком с Кастальди и провел с ним некоторое время вместе в Фельтре в его «Скрипториуме».

Мистер Керзон прибавляет, что Кастальди родился в 1398 г., а умер в 1490, и что он передает эту историю так, как он ее нашел в статье д-ра Якопа Фачен из Фельтры в газете «Иль гондольере» № 103 от 27 декабря 1843 г. (Ю л, т. I, стр. 138).

Мистер Керзон возвращается к этому предмету в журн. «Филобиблион», т. VI, стр. 23. «История печатания в Китае и Европе» — статья на английском языке. «Хотя ни одна из целиком напечатанных ранних книг не имеет точной даты, многие из них по справедливости считаются более древними, чем любая книга, оттиснутая на подвижных буквах. Их сходство с китайскими оттисками того же типа столь точно, что они прямо кажутся взятыми с книг, обычно употреблявшихся в Китае. Оттиск делался только на одну сторону бумаги и при переплете (курсив Керзона), как в китайских и старинных немецких и голландских клише, белая сторона листов помещалась против другой белой стороны, и иногда они и склеивались вместе.. Оттиски же делались не типографской краской, а коричневой, более тонкого качества, скорее типа туши, как мы ее называем, и которая применяется в печатных китайских книгах. Притом и немецкие и восточные книги — клише так точно подобны во всех отношениях, что, мы можем полагать, что печатный процесс был взят с старинных китайских образцов, принесенных из Китая каким-либо древним путешественником, чье имя не сохранилось до наших времен».

Автор ссылается на предание, что Гуттенберг (как он здесь говорит, а не Фауст) научился искусству печатания от Кастальди и полагает, что Гуттенберг имел связь с Венецией, и таким образом он склонен допустить возможность заимствования образцов печатного искусства от тех, которые были привезены Марко Поло.

Эта история настойчиво распространялась в Северной Италии за последние годы, т. е. в начале XX в., что привело к факту сооружения в Фельтре статуи Панфило Кастальди с надписью: «Панфило Кастальди, знаменитому изобретателю подвижных печатных знаков, возвращающих Италии ту дань чести, которая слишком долго задерживалась».

Заслуга Марко Поло состоит не во введении определенных культурных навыков, — Марко Поло слишком презирал своих современников-соотечественников, чтобы попытаться передать им новые знания.

Главная заслуга Марко Поло в том, что он передал Европе новые сведения по географии.

Современники, особенно соотечественники, не вполне оценили правдивость его описаний; за преувеличенные сведения о таможенных доходах Кубилая его прозвали «Миллионер» (messere Millione); его рассказы вызывали недоверие, часто насмешки; даже на смертном одре его убеждали отказаться от вымыслов, на что он ответил, что не описал и половины того, что видел. (В. Бартольд. «История изучения Востока в Европе и России». Ленинград, 1925, стр. 74).

Марко Поло — «Миллион» (прозвище его и его семьи).

Биограф Рамузио пишет: «Марко Поло постоянно получал приглашения повторить свое повествование о великолепии великого хана; он говорил о его доходах в миллионах золота, и таким образом пересказывал о богатствах тех мест, постоянно повторяя слово «миллион». Так и дали ему насмешливое прозвище «мессер Марко Миллион». Это обстоятельство, как я заметил по общественным книгам республики, также там упоминается (прим. Юла: «При последнем моем посещении Венеции я мог сам убедиться в справедливости сего»).

О том же прозвище упоминает доминиканец Фра Якопо Акви, говоря о пленении Марко Поло в 1295 г., во времена папы Бонифация VI, генуэзцами.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.

Бороздин. Солосат. 1926.

Булгар, ст. в Энциклопедическом лексиконе Плюшара, т. VII, Спб., 1836.

Веселовский А. Н. Заметки по литературе и народной словесности. Спб., 1883.

Восточный сборник, ч. I, Спб., 1877.

Гедин Свен. В сердце Азии. Спб., 1899.

Гмелин Самуил-Готлиб. Путешествие по России для исследования трех царств естества, ч. III, Спб., 1785.

Григорьев В. В. Россия и Азия. Спб., 1876.

Гронбчевский. Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 г. Маргелан (без года).

Ефремов. Десятилетнее странствование и приключения в Бухарию, Хиве, Персии и Индии. Спб., 1786.

Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. Зап. Ист.-фил. факул., изд. Спб. унив., ч. XIII.

«Зарницы» (Флорентийские чтения), пер. с итальянск. И. А. Маевского, т. I, М. 1914.

Иакинф (Бичурин). Статистическое описание Китайской империи. Пекин, 1910.

Иванин. О военном искусстве монголов.

Ивановский А. О. Материалы для истории инородцев Юго-западного Китая. Спб., 1887.

Кеппен, ак. Крымский сборник. Спб., 1837.

Клавихо Рюи Гонзалес. Жизнь и деятельность великого Тамерлана. Дневник путешествия ко двору Тимура и

Самарканд в 1403—1406 гг. Пер. под ред. И. И. Срезневского. Спб. Сборник Отд. русск. яз. и слов., изд. Ак. Н. т. XXVIII, № 1.

Крымское ханство. Новый энц. словарь Брокгауза-Эфрона, т. XXIII, стр. 521.

Крым. Энциклопедический словарь Гранат, т. XXVI, стр. 108 (литература).

Кулаховский Ю. А. Прошлое Тавриды. 2-е изд., 1914.

Лучицкий. Русские рабы во Флоренции в XV в. «Киевск. университетские известия», 1885.

Марко Поло. Путешествие. Пер. с немецк., изд. Бюрка и Нейлана. Чтения в Имп. общ. истор. и древностей российский при Моск. унив. 1861—1862, отдельно—1863.

Медников. Палестина до завоевания арабами. Спб., 1901.

Минаев И. П. Путешествие Марко Поло. Пер. под ред. В. В. Бартольда. Спб., 1902.

Мурзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму. 1837.

Палладий, архим. Кафаров. См. «Восточный сборн.»—«Старинные следы христианства в Китае», стр. 1—64, 1877.

Палладий. Пояснения на путешествия Марко Поло по Северному Китаю, по китайским источникам. Изд. проф. Н. И. Веселовским.

Патканов К. П. История монголов инока Магакии XIII в. Спб., 1871.

Патканов К. П. История монголов по армянским источникам. Вып. I. Спб., 1873; вып. II, 1874.

Петрушевский Д. М. Очерки по экономической истории ср. веков Европы. ГИЗ, 1928.

Плано де Карпини Иоанн. История монголов. Рубрук де Вильгельм. Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечания А. И. Маленна. Спб., 1911.

Порт де ла, аббат. Всемирный путешествователь, или познание старого и нового света. Слб., 1794.

Савваитов. Описание старинных царских утварей; одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей Моск. Оружейной палаты. Спб., 1865.

Семенов А. А. К догматике памирского исмаилизма (XI глава «Лица веры» Насырь-и-Хосрова). Ташкент, 1926.

Семенов Г. Г. Географически-статистический словарь Российской империи Спб., 1863—1875.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. Спб., 1887.

Сумароков П. И. Досуги крымского судьи. Спб., 1803—1805.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. Извлечения из сочинений арабских. Спб., 1884.

Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. I—IV. Пекин, 1909—1910.

Экстракт Савариева лексикона о коммерции, пер. Сергея Волчкова. Спб., 1747.

Salviati Lionardo. Degli Avvertimenti della Lingua sopral Decamerone. In Venezia, 1584 (замечания о текстах книги Марко Поло).

Martini Martino. Novus Atlas Sinensis. Amstelodami, 1655.

Kircher Athanasius. China Illustrata. Amstelodami, 1667.

Magailans Gabriel de (собственно — Magalhaens). Nouvelle description de la Chine, contenant la description des Particularités les plus considérables de ce Grand Empire. Paris, 1688.

Coronelli Marco Vincentio. Atlante Veneto. Venezia, 1690.

Muratori Ludovico Antonio. Perfetta Poesia con note di Salvini. Venezia, 1724.

Foscarini Marco. Della Letteratura Veneziana. Libri Otto. Padova, 1752.

Zeno Apostolo. Annotazioni sopra la Biblioteca dell'Eloquenza Italiana di Giusto Fontanini. Venezia, 1753.

Tiraboschi Girolamo. Storia della Letteratura Italiana. Modena, 1772—1781, p. 68—73.

Toaldo Giuseppe. Saggi di Studi Veneti nell'Astronomia e nella Marina. Venezia, 1782

Mendez Pinto Fernand. Abenteuerliche Reise durch China, die Tartarei, Siam, Pegu und andere Länder des östlichen Asiens, neu bearbeitet von Ph. H. Kùlb. Iena, 1868.

Molmenti P. G. La Storia di Venezia nella vita privata delle origini alla caduta della republica. 3-za edizione, Torino, 1885.

Yule H. The Book of Ser Marco Polo, the Venetian concerning the Kingdoms and marvels of the East. 3 ed., v. I—II, London, 1903.

Yule H. The Book of Ser Marco Polo. 2 ed. v. I—II, London, 1875.

Witte, J. Das Buch des Marco Polo als Quelle für die Religionsgeschichte. Berlin, Hütten-Verlag, 1916.

Marignon A. J. H. Le livre de Marco Polo. Peking, 1926.

Foscarini Marco. Frammento inedito di—, intorno al Viaggiatori Veneziani, da Tomaso Gar, in: «Archivio Storico Italiano», t. IV, p. 89.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	5
О времени, когда происходит действие, о городе Венеции, о доже, купцах и ремесленниках	59
Корабельное пристанище	65
Братья Поло оставляют Константинополь и едут в Крым .	67
Монах Плано де Карпини рассказывает о татарах и как они сражались	71
В стране на Великой реке	79
О стране меха, которую мы называем Сибирью, и о стра- не, называемой Россия	87
О битве у Дербента, которая помешала купцам вернуться на родину	89
К великому хану	95
Купцы меняют ховяина	101
Марко Поло младший появляется в нашей книге и начинает свое двадцатилетнее путешествие	109
Путь через Южную Персию	117
Об ассасинах. (Действие, рассказанное Марко Поло, про- исходит в 1262 году)	124
Торговый дом Поло зимует около Памира	132
Страна нефрита и страна песков	139
Хан Кубилай был подобен розе	143
Город Канбалу, от бунта обезопасенный	151
Хан Кубилай отправляется на охоту и господин Марко По- ло ему сопутствует	161

	<i>Стр.</i>
Марко Поло — разведчик	167
Братья Поло и господин Марко Поло младший оказывают хану великую услугу	173
О Китае	179
Марко Поло рассказывает о величественном городе	85
Господин Марко Поло не может расстаться с городом и снова рассказывает о нем	189
Марко Поло разговаривает со старым купцом	196
О попытке возмутить город Канбалу	201
Господин Марко Поло едет губернаторствовать	209
Господин губернатор Марко Поло скучает, скучает также великий Кубилай	213
Земля горит в Китае, и торговый дом Поло думает об от'езде	218
Об от'езде и больших кораблях	223
Страны драгоценных деревьев	230
О Цейлоне и об индусском берегу	235
Корабли заблудились	240
Персидские дела и войны	245
Купцы вручают принцессе Казану	248
Красные полусапожки и кольцо	253
С ними шляпу	257
Битва у острова Курцола	261
Модель ада	266
Марко Поло возвращается на родину	273
Марко Поло встречается сам с собой	276
Господин Миллион торгуется в последний раз	281
Конец	288
Комментарии	293
Документация	324
Библиография	347

987 =

Цена 3 р.
Подписка

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

**ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА СЕРИЮ
ЖУРНАЛА "ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ"**

на 1936 г.
24 выпуска

- на год 25 р. 20 к.
- на 6 мес. 12 р. 80 к.
- на 3 мес. 6 р. 30 к.